

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования

«Санкт-Петербургский государственный университет»

На правах рукописи

Демин Тимофей Сергеевич

**ПРОБЛЕМА ЗНАНИЯ: СОВРЕМЕННАЯ АНАЛИТИЧЕСКАЯ
ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ЗНАНИЯ БРУНО ЛАТУРА**

Специальность: 5.7.1 – онтология и теория познания

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель
доктор философских наук,
профессор
Шиповалова Л.В.

Санкт-Петербург.
2024

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. АНАЛИЗ ЗНАНИЯ	20
ВВЕДЕНИЕ К ПЕРВОЙ ГЛАВЕ	20
1.1. КОНВЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ В ДИСКУССИИ О ЗНАНИИ	22
1.2. ТЕОРИИ АНАЛИЗА ЗНАНИЯ	38
1.3. ПЕРЕСМОТР ПРОБЛЕМЫ ГЕТТИЕРА	52
1.4. ЗАЩИТА УСЛОВИЯ НАДЕЖНОСТИ	61
ЗАКЛЮЧЕНИЕ К ПЕРВОЙ ГЛАВЕ	71
ГЛАВА 2. КОНТЕКСТУАЛИЗМ И ТЕОРИЯ “СНАЧАЛА ЗНАНИЕ”	72
ВВЕДЕНИЕ КО ВТОРОЙ ГЛАВЕ	73
2.1. КОНТЕКСТУАЛИЗМ	74
2.2. СЛУЧАЙ СТЮАРТА	79
2.3. ТЕОРИЯ “СНАЧАЛА ЗНАНИЕ”	85
2.4. ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ «СНАЧАЛА ЗНАНИЕ»	95
ЗАКЛЮЧЕНИЕ КО ВТОРОЙ ГЛАВЕ	109
ГЛАВА 3. ТЕОРИЯ ЗНАНИЯ ЛАТУРА	112
ВВЕДЕНИЕ К ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ	112
3.1. ТЕОРИЯ ЗНАНИЯ БРУНО ЛАТУРА	114
3.2. ТЕОРИЯ ЛАТУРА В КОНТЕКСТЕ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ	122
3.3. ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ЗНАНИЯ ЛАТУРА	134
3.4. ФОРМУЛИРОВКА УСЛОВИЙ ЗНАНИЯ	142
ЗАКЛЮЧЕНИЕ К ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ	154
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	156
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	160

Введение

Актуальность темы исследования

Знание – это наиболее фундаментальная категория в эпистемологии, одном из самых крупных направлений в современной философии. Фундаментальность знания связана с тем, что эта категория существенно влияет почти на все остальные категории и на многие проблемы эпистемологии. По данной теме ежегодно публикуется сотни работ в ведущих философских журналах. Среди самых цитируемых и влиятельных работ по философии, написанных в XXI веке, по крайней мере одна – «Знание и его пределы» Тимоти Уильямсона¹, – посвящена проблематике, связанной с категорией знания. Однако несмотря на большой объем работ, написанных по данной теме, и консенсусы, достигнутые в аналитической философии, дискуссия относительно того, что такое знание, далека от завершения. Именно в этом состоит проблема знания, в контексте которой представлено настоящее диссертационное исследование.

В современной аналитической эпистемологии предполагается, что наилучшая теория знания должна решать ряд проблем, но прежде всего – проблему скептицизма и проблему Геттиера. Такая теория также должна предлагать удовлетворительные решения проблемы генерализации (*generality problem*)², проблемы лотереи (*lottery problem*)³, проблемы приписывания знания (*knowledge ascriptions*)⁴ или убедительно уклоняться от указанных проблем. В настоящий момент в аналитической философии не существует теории знания, которая смогла бы убедить подавляющее большинство эпистемологов в успешном решении этих проблем. Потому представляется актуальным обращение к теориям, не включенным в тематическое поле аналитической эпистемологии, которые могут оказаться конструктивными относительно указанных проблем.

¹ *Williamson, T.* Knowledge and its Limits. New York: Oxford University Press, 2002.

² *Bishop, M.A.* Why the generality problem is everybody's problem // *Philosophical Studies*. 2010. Vol. 151. P. 285–298.

³ *Hawthorne, J.* Knowledge and lotteries. New York: Oxford University Press, 2004.

⁴ *Brown, J., Gerken, M.* Knowledge ascriptions. Oxford University Press, 2012.

В настоящем исследовании предлагается анализ редко обсуждаемого подхода к знанию, разработанного французским философом Бруно Латуром. Его работы по теории знания имеют особенное значение, так как Латур на настоящий момент является одним из самых актуальных и цитируемых философов в мире, особенно в связи с его вкладом в исследования научного знания⁵, однако его теория знания не обсуждается аналитическими эпистемологами, что сильно контрастирует с широким междисциплинарным обсуждением других аспектов его философии. При этом теория знания Латура предлагает эвристически плодотворные понятия для описания знания, которых нет в аналитической эпистемологии. Набор теоретических установок теории Латура совмещаем с аналитической философией. В частности, эта теория может быть совместима с разными версиями корреспондентной теории истины; она может быть встроена в таксономию различий аналитической эпистемологии, сохраняя нацеленность на преодоление скептицизма. Теория Латура может получить дополнительные преимущества от использования условия «надежности» знания из аналитической философии (reliability condition)⁶. Таким образом, в диссертационном исследовании будет предложен анализ и раскрыт потенциал теории знания Латура в контексте дискуссии о знании в современной аналитической эпистемологии.

В диссертационной работе представлен один из возможных способов взаимодействия аналитической и континентальной традиций в современной философии. В работе демонстрируется, что теория Латура принадлежит к семейству экстерналистских, пуристских, инвариантистских теорий знания. Показано, что она является теорией, которая удачно дополняется условием надежности. Предлагаются пути возможной концептуализации теории в терминах необходимых и достаточных условий. Эти решения могут способствовать

⁵ Так, сервис «гугл академия» проиндексировал свыше 27 тысяч цитирований на «Науку в действии», свыше 22 тысяч – на «Лабораторную жизнь» и более 12 тысяч – на «Надежду Пандоры». URL: https://scholar.google.ru/scholar?start=0&q=bruno+latour&hl=en&as_sdt=0,5 (дата обращения: 15.06.2023).

⁶ Goldman A., Beddor B. Reliabilist epistemology. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, Edward N. Zalta (ed.), 2021. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/reliabilism/> (дата обращения: 21.08.2024).

взаимодействию между двумя традициями современной философии, что определяет актуальность настоящего исследования в рамках философских дискуссий по проблеме определенности категории знания.

Таким образом, диссертационное исследование выполнено в рамках дискуссий по поводу одной из самых важных категорий современной аналитической эпистемологии – знания. При этом оно вводит в эти дискуссии и адаптирует к ним неизвестную для традиции современной аналитической эпистемологии теорию знания Латура, а также демонстрирует ее возможности и преимущества. Эти темы соответствуют паспорту специальности 5.7.1 «онтология и теория познания», поскольку предполагают обращение к формированию и развитию теории познания, рассмотрение формирования и обновления значимых философских категорий в сфере эпистемологии, учет связи эпистемологии с прогрессом научно-философского миропонимания.

Степень научной разработанности темы

Проблема знания в философии впервые была поставлена Платоном в диалоге «Гезтет». В схожем ключе была предпринята попытка создать удовлетворительную теорию знания в буддистской философии⁷. В Новое время доминировал подход к знанию, основания которого были заложены в античной традиции⁸. Однако по-настоящему широкий интерес к этой теме возник благодаря развитию современной аналитической эпистемологии, вызванный прежде всего потерей влияния британского идеализма, созданием фаллабилистских⁹ теорий знания (Р. Чизолм¹⁰) и постановкой проблемы знания в новом виде Э. Геттиером¹¹.

⁷ Подробнее см. *Dreyfus, G.B., Cortés, G.D.* Recognizing reality: Dharmakirti's philosophy and its Tibetan interpretations. Suny Press, 1997. P. 292.

⁸ *Dutant, J.* The Legend of the Justified True Belief Analysis. P. 96 // *Philosophical Perspectives*. 2015. Vol. 29. No. 1. P. 95–145.

⁹ Таких теорий знания, которые предполагают, что Р можно знать, имея основания, совместимые с тем, что субъект знания может ошибаться о Р. Например, обоснование знания не гарантирует его истинность. Подробнее см. *Reed, B.* Fallibilism // *Philosophy Compass*. 2012. Vol. 7. No. 9. P. 585–596. *Dutant, J.* The Legend of the Justified True Belief Analysis.

¹⁰ *Chisholm, R.M.* Theory of knowledge Prentice-Hall Englewood Cliffs, NJ, 1964.

¹¹ *Gettier, E.* Is justified true belief knowledge? // *analysis*. 1963. Vol. 23. No. 6. P. 121–123.

Проблема Геттиера направлена на подрыв теорий, которые утверждают, что знание – это истинное убеждение с дополнительными условиями, например обоснованием. Контрпримеры Геттиера инспирировали создание большого количества редуктивных теорий знания. Согласно таким теориям, знание состоит из компонентов, а проект разработки такой теории обычно называется анализом знания¹². Анализ знания направлен на выявление этих компонентов. Редуктивные теории знания почти всегда предполагают, что необходимыми условиями знания является убеждение и истинность (как правило, при этом имеется в виду корреспондентная теория истины). Дополнительные компоненты направлены на описание свойства «неслучайности» знания. Например, это может быть свидетельство, обоснование, надежность, чувствительность, безопасность.

В дискуссии о знании в аналитической эпистемологии можно условно выделить несколько направлений. Условность заключается в пересечении и взаимовлиянии этих направлений друг на друга. Во-первых, это поиск необходимых и достаточных условий знания путем усиления или дополнения обоснования как необходимого критерия знания (М. Кларк¹³, А. Голдман¹⁴, Ф. Дретске¹⁵, Р. Нозик¹⁶, А. Плантинга¹⁷ и другие¹⁸). Во-вторых, среди сторонников стандартного анализа знания, которые пытаются определить знание в терминах необходимых и достаточных условий, возникает конкуренция различных теорий надежности, чувствительности или безопасности. Общая идея этих подходов состоит в следующем: знание – это то, по поводу чего мы не можем легко ошибаться. В рамках этого направления возникли важные для философии

¹² *Ichikawa, J.J., Steup, M.* The Analysis of Knowledge // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Ed. by E.N. Zalta Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2018.

¹³ *Clark, M.* Knowledge and grounds: A comment on Mr. Gettier's paper // *Analysis*. 1963. Vol. 24. No. 2. P. 46–48.

¹⁴ *Goldman, A.I.* A causal theory of knowing // *The journal of Philosophy*. 1967. Vol. 64. No. 12. P. 357–372; *Goldman, A.I.* Discrimination and perceptual knowledge // *The Journal of philosophy*. 1976. Vol. 73. No. 20. P. 771–791.

¹⁵ *Dretske, F.* Knowledge and the Flow of Information, 1981.

¹⁶ *Nozick, R.* Philosophical explanations Harvard University Press, 1981.

¹⁷ *Plantinga, A.* Warrant and proper function Oxford University Press, 1993.

¹⁸ Наиболее полный обзор теорий знания до 1983 года см. в *Shope, R.* The analysis of Knowledge, 1983.

дополнения, прежде всего эпистемология добродетелей и натуралистическая эпистемология. Эпистемология добродетелей утверждает, что знание возможно благодаря надежным способностям агентов (Л. Загзебски¹⁹, Д. Притчард²⁰, Э. Соса²¹, Дж. Греко²² и др.). Натуралистическая эпистемология пытается найти обоснование и природу знания в научных исследованиях, прежде всего в когнитивных науках (Х. Корнблис²³, А. Голдман²⁴). В-третьих, это контекстуализм – концепция, согласно которой, знание следует приписывать различным образом в зависимости от контекста, даже если речь идет об одном и том же знании. Контекстуализм не решает проблему того, что такое знание, но выступает в роли дополнения к теориям знания. Контекстуализм утверждает, что у знания могут быть разные стандарты – более или менее строгие. Люди приписывают ситуациям знание, пользуясь разными стандартами. Строгие стандарты делают скептицизм убедительным, тогда как низкие стандарты неуязвимы для скептических атак. Сторонники этого подхода предполагают, что это хорошее решение для проблемы скептицизма. Контекстуализм снискал широкую популярность в аналитической философии (Д. Льюис²⁵, С. Коэн²⁶, К. ДеРоуз²⁷). В-четвертых, наиболее заметным направлением в дискуссии о знании двух последних десятилетий стала теория «сначала знание» (*knowledge first*²⁸), согласно которой знание – это

¹⁹ Zagzebski, L. *On Epistemology*. Belmont: Wadsworth, 2009.

²⁰ Pritchard, D. Sensitivity, safety, and anti-luck epistemology // *The Oxford handbook of skepticism*. 2008. P. 437–455.

²¹ Sosa, E. *A virtue epistemology: Apt belief and reflective knowledge, volume I*. Vol. 1 Oxford, 2007.

²² Greco, J. *Knowledge as Credit for True Belief* // *Intellectual Virtue: Perspectives from Ethics and Epistemology* / Ed. by L. Zagzebski, M. DePaul. Oxford: Oxford University Press, 2004; Greco, J. *Achieving knowledge: A virtue-theoretic account of epistemic normativity*. Cambridge University Press, 2010.

²³ Kornblith, H. *Knowledge and its Place in Nature* Oxford University Press, 2002.

²⁴ Goldman, A.I. *Epistemology and cognition* Harvard University Press, 1986.

²⁵ Lewis, D. Elusive knowledge // *Australasian journal of Philosophy*. 1996. Vol. 74. No. 4. P. 549–567.

²⁶ Cohen, S. Contextualism, skepticism, and the structure of reasons // *Philosophical Perspectives*. 1999. Vol. 13. No. 13. P. 57–89.

²⁷ DeRose, K. *The case for contextualism: Knowledge, skepticism, and context, vol 1*. Oxford University Press, 2009.

²⁸ Выбранный здесь перевод используется, например, в Козырева О. Новая эпистемология: обзор книги Т. Уильямсона «*Knowledge and Its Limits*» // *Философия науки*. – 2021. – №. 1. – С. 127-134. На русский язык также переводится через дефис, как «сначала-знание». См. например Прись И. Е. Знание как наиболее общее фактивное ментальное состояние // *Философская мысль*. – 2017. – №. 6. – С. 29-35.

неанализируемое понятие (Т. Уильямсон²⁹, Дж. Ичикава³⁰, К. Литлджон³¹). Оно является базовым фактивным (*factive*; обладающим свойством истинности) ментальным состоянием и способно объяснить другие эпистемические ментальные состояния, такие как убеждение, обоснование, свидетельство, понимание и восприятие. В рамках критики этого подхода возникла идея о том, что многие эпистемические понятия (а не только знание), являются нередуктивными, то есть не состоят из компонентов³². Отдельно стоит выделить совмещение эпистемологии «сначала знания» с одной стороны, с контекстуализмом Л. Мирачи³³, а с другой, с эпистемологией добродетелей К. Келпа³⁴. Несмотря на наличие различных подходов к рассмотрению категории знания, нельзя сказать, что достигнут консенсус относительно ее понимания, а также, что все проблемы, связанные с этой категорией, решены.

За пределами современной аналитической эпистемологии особого внимания заслуживает теория знания Б. Латура³⁵. Теория знания Латура возникла на основании его работ в области исследований науки с опорой на методы антропологии и является продолжением его исследований производства научного знания³⁶. Она активно заимствует некоторые решения из философии Уильяма Джеймса³⁷, однако не пересекается с дискуссиями аналитической эпистемологии. Этим обусловлена перспективность теории: она с самого начала была сделана для

²⁹ *Williamson, T.* Knowledge and its Limits.

³⁰ *Ichikawa, J.J.* Basic Knowledge First // *Episteme*. 2017. Vol. 14. No. 3. P. 343–361.

³¹ *Littlejohn, C.* How and why knowledge is first // *Knowledge First: Approaches in Epistemology and Mind* / Ed. by A. Carter, E. Gordon, B. Jarvis Oxford University Press, 2017. P. 19–44.

³² *Gerken, M.* Against knowledge-first epistemology // *Knowledge-first approaches in epistemology and mind*. 2017. P. 46–71.

³³ *Miracchi, L.* Knowledge is all you need // *Philosophical Issues*. 2015. Vol. 25. No. 1. P. 353–378.

³⁴ *Kelp, C.* Knowledge first virtue epistemology // *Knowledge first: Approaches in epistemology and mind* / Ed. by J.A. Carter, E.C. Gordon, B.W. Jarvis., Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 223–245.

³⁵ *Latour, B.* A Textbook Case Revisited. Knowledge as mode of existence // *The Handbook of Science and Technology Studies* / Ed. by E.J. Hackett et al MIT Press, 2007; *Latour, B.* An inquiry into modes of existence Harvard University Press, 2013. P. 70–95.

³⁶ *Latour, B., Woolgar, S.* Laboratory life: The construction of scientific facts. Princeton University Press, 2013; *Latour, B.* Pandora's hope: essays on the reality of science studies. Harvard University Press, 1999; *Latour, B.* The pasteurization of France Harvard University Press, 1993.

³⁷ *Sheehy, B.* Methodologies of Travel: William James and the Ambulatory Pragmatism of Bruno Latour // *The Journal of Speculative Philosophy*. 2019. Vol. 33. No. 4. P. 571–589.

описания сложных случаев научного знания, поэтому обладает высокой объяснительной силой. Несмотря на глубокую проработанность этой теории, она была воспринята как перспективная теория знания очень узким кругом философов³⁸. Основная идея теории Латура заключается в том, что знание – это «цепочка референции», которая создает и обеспечивает с помощью «неизменных мобильностей» отношение соответствия между объектом и субъектом³⁹. Термином «цепочка референции» Латур обозначает такое положение дел, когда сущность, которая переносит информацию, изменяет свою природу и содержание переносимой информации. То, что переносится по такой цепочке знания обозначается «неизменной мобильностью». Она «неизменная», потому что при переносе сохраняет часть информации о сущности, но «мобильность», потому что, «передвигаясь», информация меняет свою форму и содержание.

Исходя из целей и задач исследования, ряд связанных с диссертационным исследованием тем, были вынесены за скобки настоящей работы. В работе очень коротко разбирается импуризм (*impurism*) – идея, согласно которой знание может содержать в себе прагматический компонент. Эта интересная теория заслуживает отдельного исследования, однако ее подробный разбор не помог бы достижению поставленной перед исследованием цели. В работе только упоминается различие на знание-что и знание-как. В аналитической философии эта дискуссия существует независимо от дискуссии по природе знания и настоящая работа следует этому внутридисциплинарному разведению дискуссий. В настоящей диссертации не уделяется внимания эпистемологии добродетелей. В первой главе разбираются формулировки теории знания, предложенные некоторыми из эпистемологов добродетелей, однако сама дискуссия, хотя и имеет связи с анализом знания, тем не менее, существует обособленно. В диссертации не разбирается социальная эпистемология. В аналитической традиции существует ряд дискуссий внутри этого

³⁸ *Miller, A.S.* Speculative grace: Bruno Latour and object-oriented theology. Fordham University Press, 2013.
Kochan, J. Putting a spin on circulating reference, or how to rediscover the scientific subject // *Studies in History and Philosophy of Science Part A*. 2015. Vol. 49. P. 103–107.

³⁹ В контексте современной эпистемологии, термины «объект» и «субъект» следует понимать в техническом смысле: субъект – агент, который обладает знанием, объект – то, о чем это знание.

направления, однако дискутируемые темы аналитической социальной эпистемологии обособлены от рассматриваемой здесь дискуссии. Особого интереса заслуживают разработки в области социальной эпистемологии за пределами аналитической традиции. В третьей главе я затрагиваю отдельные идеи и разработки в этой области, однако дальнейшее, более глубокое и обстоятельное рассмотрение этой проблематики следует отнести к перспективам исследования.

В настоящее время по проблеме знания регулярно публикуются статьи в ведущих международных философских журналах, ежегодно выходят монографии и сборники статей в наиболее престижных издательствах, защищаются диссертации в престижных философских институтах по всему миру. В русскоязычном сообществе этой теме посвящено несколько десятков статей и монографий. Эти работы преимущественно сосредоточены на рецепции и донесении до отечественной аудитории наиболее заметных идей западной философии по этой теме, а также разработке решений отдельных проблем в рамках дискуссии о знании. Отдельно стоит выделить работы В.А. Лекторского⁴⁰, И.Т. Касавина⁴¹, Л. Д. Ламберова⁴², А. Л. Никифорова⁴³, К. Г. Фролова⁴⁴, П. С. Куслия⁴⁵,

⁴⁰ *Лекторский, В.А.* Что есть знание? // Знание как предмет эпистемологии / под ред. В.А. Лекторского. Москва: ИФ РАН. 2011. С. 223. *Лекторский В. А.* О проблеме знания // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2009. №3.

⁴¹ *Касавин, И.Т.* Что значит знать? Вот, друг мой, в чем вопрос // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии. 2018. С. 37–42. *Касавин, И.Т.* Что недостаточно знать о знании // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2009. №3.

⁴² *Ламберов, Л.Д.* Как важно быть серьезным: о некоторых критиках Геттьера // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. 26. №. 4.

⁴³ *Никифоров, А.Л.* Анализ понятия "знание": подходы и проблемы // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 21. №. 3. *Никифоров, А.Л.* Что такое знание? Поиски определения // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. С. 7–20.

⁴⁴ *Фролов, К.Г.* О нюансах перевода и цитирования в контексте проблемы Геттиера // Вопросы философии. 2013. №. 11. С. 168–173.

⁴⁵ *Куслий, П.С.* Знание, проблема Геттиера и некоторые дискуссии в современной отечественной эпистемологии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. Т. 14. №. 2.

Г.К. Ольховикова⁴⁶, А. З. Черняка⁴⁷, Я. В. Шрамко⁴⁸, Е. В. Борисова⁴⁹, О. А. Козыревой⁵⁰, А.М. Гагинского⁵¹, И.Е. Прися⁵², И.Д. Джохадзе⁵³, А.Ю. Антоновского⁵⁴.

Объект исследования: современные теории знания, представленные в аналитической философской традиции.

Предмет исследования: проблема знания в современной аналитической эпистемологии и в теории знания Латура.

Цель исследования: раскрыть проблему знания в современной аналитической эпистемологии и потенциал теории знания Б. Латура в ее решении.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1. Проанализировать дискуссии в современных теориях анализа знания, раскрыв их основные конвенции, различия, открытые проблемы и направления развития.
2. Обосновать необходимость условия надежности знания.

⁴⁶ *Ольховиков, Г.К.* Знание как истинное и обоснованное мнение: как обезвредить контрпримеры // Логос. 2009. №. 2. С. 44–53.

⁴⁷ *Черняк, А.З.* Знание и удача // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57. №. 2. С. 61–78.

⁴⁸ *Шрамко, Я.* Некоторые проблемы аналитической эпистемологии // Логос. 2006. №. 1. С. 3–25.

⁴⁹ *Борисов, Е.В.* Знание о незнании в эпистемических апориях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2019. – №. 52. – С. 15-22.

⁵⁰ *Козырева О.А.* Аргумент антисветимости Т. Уильямсона и проблема знания о себе // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2021. – №. 3 (27). – С. 60-72.

⁵¹ *Гагинский А.М.* Критерий, знание, истина // Epistemology & Philosophy of Science. 2013. №3.

⁵² *Прися, И.Е.* Эпистемология Эрнеста Созы и другие теории знания // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2017. №. 1. С. 36–44; *Прися, И.Е.* Знание как наиболее общее фактивное ментальное состояние // Философская мысль. 2017. №. 6. С. 29–35; *Прися, И.Е.* Знание как истинное обоснованное мнение и случаи Геттиера // Философская мысль. 2018. №. 6. С. 41–52; *Прися, И.Е.* О двух формулировках условия безопасности и эпистемическом риске // Диалог. 2020. Т. 15. №. 1. С. 8–18.

⁵³ *Джохадзе, И.Д.* Между «Знанием как» и «Знанием что»: Брэндом о семантическом прагматизме // Философский журнал. 2012. Т. 9. №2. С. 152-157. *Джохадзе, И.Д.* Дефляционистское понимание истины и проблемы обоснования знания в неопрагматизме // Философская мысль. 2019. №4. С. 24-35.

⁵⁴ *Антоновский А.Ю.* К проблеме интерсубъективности понимания и атрибуции знания. // Язык, знание, реальность. Сборник работ в честь 70-летия А.Л. Никифорова. М. Альфа-М. 2011. *Антоновский А.Ю.* О различии истины и знания (или о том, где в знании коренится социальность) // Epistemology & Philosophy of Science. 2008. №4.

3. Проанализировать основные положения теории «сначала знание», а также раскрыть проблемы, с которыми сталкивается эта теория.
4. Проанализировать основные положения теории знания Б. Латура, ее проблемы и способы их решения. Соотнести теорию знания Латура с основными различиями между теориями знания в аналитической эпистемологии и их конвенциями.
5. Раскрыть потенциал теории знания Латура в решении проблемы знания, а также значение дискуссии в современной аналитической эпистемологии для реализации этого потенциала.

Методология исследования

Представленное исследование опирается на ряд методов, активно используемых внутри современной философии⁵⁵. Философская компаративистика используется для сравнения и сопоставления различных подходов к определению знания внутри аналитической традиции, а также сопоставления теории знания Латура с теориями аналитической философии. Аналитический метод задействуется в контексте прояснения различия позиций внутри дискуссии о знании и при обращении к раскрытию компонентов знания. Метод проблематизации используется для акцентирования неопределенности концепции знания и выяснения конкретных противоречий в различных концепциях знания. Герменевтический метод применяется при интерпретации эпистемологических текстов Латура, а также для прояснения смысла концепции знания в контексте Латуровской метафизики.

Также в работе используется ряд методов, характерных для аналитической традиции в философии. Метод концептуального анализа разработан для анализа

⁵⁵ Все четыре нижеследующих метода относятся к наиболее влиятельным методам современной аналитической философии. Метод концептуального анализа и метод концептуального инжиниринга входят в список самых важных методов аналитической философии, согласно опросу Чалмерса и Бурже: *Chalmers D., Bourget. D. Philosophers on Philosophy: The 2020 PhilPapers Survey // Philosophers Imprint. 2023. Vol. 23. No 1. P. 9.* Метод мысленных экспериментов и метод выведения к наилучшему объяснению являются центральными методами аналитической философии, согласно крупнейшему авторитету в аналитической философии Тимоти Уильямсону. См. *Williamson, T. Philosophical Method: A Very Short Introduction. Oxford University Press, 2020.*

комплексных понятий и явлений⁵⁶. В основе концептуального анализа лежит следующая идея: чтобы объяснить сложное явление, необходимо определить, из каких компонентов оно состоит, а затем объяснить эти компоненты. В дискуссии о знании процедура поиска компонентов является глубоко проблематичной, так как состав этих компонентов – значимая часть дискуссии. Исторически, основанием для подбора этих компонентов стала проблема Геттиера, а также ряд других проблем, вроде проблемы лотереи или проблемы скептицизма. Компоненты знания формулируются в терминах необходимых и достаточных условий.

Также в работе используется метод вывода к наилучшему объяснению⁵⁷. Вывод к наилучшему объяснению – основа научной аргументации, а также один из основных способов построения и обоснования философской теории. В российских исследованиях вместо «вывода к наилучшему объяснению» чаще используют термин «абдукция»⁵⁸. Однако термин «абдукция» имеет историко-философскую коннотацию, связанную с работами Чарльза Сандерса Пирса⁵⁹. Чтобы избежать лишних коннотаций, в работе будет использоваться термин «вывод к наилучшему объяснению». Вывод к наилучшему объяснению сравнивает различные теории на основании того, как они отвечают свидетельствам, объяснительной силе, простоте, информативности, объединительной силе (*unifying power*). В настоящем исследовании теории будут сопоставляться через то, насколько они не противоречат свидетельствам, насколько много различных эпистемически релевантных ситуаций они способны описать, их простота и уровень объяснительной силы. В данной работе акцент на информативности и

⁵⁶ Современная защита этого метода в *Jackson, F.* From metaphysics to ethics: A defence of conceptual analysis. Oxford University Press, 1998.

⁵⁷ *Williamson, T.* Philosophical method. A very short introduction. *Lipton, P.* Inference to the best explanation. London: Routledge, 2004.

⁵⁸ См. например, *Невельская-Гордеева Е.П.* Абдукция как логический метод поиска истины // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. – 2014. – Т. 27. – №. 3. – С. 418–423.

⁵⁹ В этом значении термин «абдукция» используется например в *Петровская Е.В.* “Brainy is the new sexy”: Шерлок Холмс, абдукция и нейросети // Философский журнал. – 2019. – Т. 12. – №. 1. – С. 74-89. *Залевская А.А.* Абдукция как поиск нового знания // Понимание и рефлексия в коммуникации, культуре и образовании. – 2018. – С. 85-92.

объяснительной силе позволяет показать неочевидные достоинства теории знания Латура.

Далее, в диссертации задействуется метод концептуальной инженерии⁶⁰. Метод концептуальной инженерии сосредоточен на выработке наиболее подходящих понятий и различий. Он заключается в поиске наиболее подходящего понятия, разработке его определения, а затем доработке и исправлении концептуализации, исходя из тех вызовов, с которыми это понятие сталкивается. Обычно концептуальная инженерия направлена или на изменение содержания существующих понятий, или на создание новых понятий, которые замещают существующие. В настоящей работе концептуальная инженерия активно используется при концептуализации знания и смежных с ним понятий в первой и второй главе, а также занимает центральное место в последнем параграфе диссертационного исследования.

Наконец, в работе активно задействован метод мысленных экспериментов⁶¹. Метод мысленных экспериментов занимает определяющее место в дискуссии о знании, так как многие теории знания были отклонены на основании мысленных экспериментов⁶². Более того, почти все теории в анализе знания возникли как ответ на эти мысленные эксперименты. Мысленный эксперимент в дискуссии о знании обычно состоит из воображаемой ситуации и вывода, который показывает несоответствие рассматриваемой теории знания нашим претеоретическим представлениям о знании. Существует отдельный вопрос, каким образом мысленный эксперимент позволяет получать достоверные данные о мире. Один из

⁶⁰ *Chalmers, D.J.* What is conceptual engineering and what should it be? // *Inquiry*. 2020. P. 1–18. На русском в связи с ролью метода экспликации понятий Карнапа в развитии концептуальной инженерии см. *Грифцова И.Н. Козлова Н.Ю.* Идеи философии языка Р. Карнапа в контексте концептуальной инженерии // *Эпистемология и философия науки*. – 2024. – Т. 61. – № 1. – С. 122–133.

⁶¹ На русском разбор возможностей этого метода разбирается в *Филатов В.П.* Мысленные эксперименты и априорное познание // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2016. №3 (49). *Brown, J.R., Fehige, Y.* Thought Experiments // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / Ed. by E.N. Zalta, U. Nodelman Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2022.

⁶² Например, каузальная теория Голдмана или первая теория знания Чизолма. См. *Goldman, A.I.* Discrimination and perceptual knowledge; *Gettier, E.* Is justified true belief knowledge?

наиболее влиятельных ответов – воображение является адекватным источником познания⁶³. Другой популярный взгляд в теории мысленных экспериментов гласит, что мысленные эксперименты основаны на интуициях⁶⁴. Под интуициями обычно понимаются убеждения агента, причина принятия которых им не эксплицирована⁶⁵. В рамках метафизики, эпистемологии и этики основное разделение дискуссий в значительной мере укоренено в том, что философы по-разному оценивают правдоподобие интуиций. Это вызвано тем, что эти дискуссии неизбежно опираются на допущения, а также на оценку правдоподобия некоторого положения дел. В настоящей работе этот метод используется для раскрытия дискуссии о знании, прежде всего в обосновании недостатков и преимуществ различных теорий знания в современной аналитической философии и в эпистемологии Латура.

Положения, выносимые на защиту

1. Редуктивные теории знания уязвимы для проблемы Геттиера, поскольку имеют определенную дистанцию между истиной и теми механизмами в знании, которые отвечают за обоснованность.

2. Условие надежности является необходимым компонентом теории знания. Отказ от условия надежности приводит к тому, что теория знания не исключает неудачные способы познания реальности, такие как ошибку подтверждения и принятие желаемого за действительное.

3. Теория «сначала знание» уязвима для критики, согласно которой знание не ограничено ментальным состоянием и возможно провести различие между фактивными ментальными состояниями и знанием.

4. Теория знания Бруно Латура поддается классификации в рамках сложившейся в дискуссии о знании системе различений и может быть сопоставлена

⁶³ *Williamson, T.* Knowing by imagining // Knowledge through imagination. 2016. P. 113–23.

⁶⁴ *Brown, J.R.* The laboratory of the mind: Thought experiments in the natural sciences Routledge, 2011; *Brendel, E.* Intuition pumps and the proper use of thought experiments // *Dialectica*. 2004. Vol. 58. No. 1. P. 89–108.

⁶⁵ Схожий взгляд выдвигает Питер ван Инваген. См. *Inwagen, P. van.* Materialism and the psychological-continuity account of personal identity. P. 309 // *Philosophical Perspectives*. Vol. 11. P. 305–319.

с теориями знания в аналитической эпистемологии. Дополнение теории знания Латура условием надежности усиливает ее нормативное измерение и дает ей дополнительный ресурс в решении проблемы Геттиера и проблемы скептицизма.

5. Перспективная формулировка теории знания Латура состоит в том, что знание – это цепочка референций от объекта к субъекту, которая передает неизменную мобильность субъекту таким образом, что он имеет ментальное состояние об объекте, по поводу которого он не может легко ошибиться и благодаря этому обеспечивается соответствие объекта и ментального состояния.

Научная новизна работы

Научная новизна работы заключается в следующих результатах:

1. Разработана аргументация в пользу того, что условие надежности является необходимым условием знания. Согласно этой аргументации, теория знания, которая может быть использована для исключения таких ошибок в познании, как принятие желаемого за действительное и ошибку подтверждения, при прочих равных, будет более сильной теорией знания, в сравнении с теориями, которые не могут исключать эти ошибки.

2. Приведена аргументация против теории «сначала знание», направленная на доказательство того, что знание не ограничено ментальным состоянием. В основе этой аргументации лежит тезис, что ментальные состояния определяются через интроспекцию, тогда как знание можно квалифицировать не обращаясь к феноменальному опыту агента.

3. Раскрыты проблемы теории знания Бруно Латура: она пользуется не интуитивно знакомыми понятиями, не раскрывает природу знания, выглядит как теория, которая занимается не тем знанием, которым занимаются современные аналитические эпистемологи, существует в связке с уникальной теорией истины, выведена из специфической метафизики, которая включает в себя плюралистическую теорию истины, когда для разных модусов существования есть разные теории истинности, где теория соответствия – только один из видов истинности, характеризующий модус знания. Продемонстрировано, что теория

Латура может преодолевать эти проблему, так как отказ от метафизики Латура не влечет концептуальных изменений в его теории знания, благодаря тому, что его теория использует корреспондентную теорию истины.

4. Обосновано, что теория знания Латура является инвариантистским (каждый случай знания имеет общий для всех случаев инвариант) антискептическим пуристским (лишенным прагматических элементов) экстернализмом (знание может иметь обоснование за пределами сознания агента). Также обосновано, что теория Латура может быть рассмотрена в качестве редуктивной теории знания, так как знание в этой теории может быть разложено на составные компоненты. Эта идентификация создает условия применения теории знания Латура для решения проблем теорий знания в современной аналитической эпистемологии.

5. Продемонстрированы пути решения проблем скептицизма и Геттиера в теории Латура. Оптимальное решение указанных проблем достигается через инкорпорирование условия надежности из аналитической философии в теорию Латура. Плодотворность теории знания Латура продемонстрирована через высокую объяснительную силу при описании эмпирических ситуаций. Даны возможные формулировки теории знания Латура в терминах необходимых и достаточных условий.

Степень достоверности результатов исследования

Достоверность результатов исследования подтверждается когерентностью и последовательностью рассуждений, проработанным массивом материалов по современным теориям знания, руководством общепринятыми в современной философии методами: вывода к наилучшему объяснению, концептуальному анализу и концептуальному инжинирингу, а также опорой на влиятельные философские допущения.

Теоретическая и практическая значимость исследования

В рамках диссертационного исследования была обоснована перспективность теории знания Латура в контексте дискуссии о знании в аналитической

эпистемологии. На настоящий момент подобного рода работ по теориям знания не было опубликовано. Значимость связывания теории знания Латура и современной аналитической эпистемологии обусловлена объяснительной силой указанной теории знания и ее потенциалом в решении рассматриваемых в современной аналитической эпистемологии проблем. Были предложены возможные пути развития теории Латура, которые углубляют понимание этой теории и предлагают формулировки в терминах аналитической эпистемологии.

Практическая значимость работы заключается в применимости материала диссертации к разработке курсов по эпистемологии («теории познания») и по философии Бруно Латура. Предложенный в работе подход перспективен для проведения аналогичных исследований в других областях философского знания. Например, такой подход мог бы быть особенно плодотворным в случае с интеграцией теории причинности и теории истины Бруно Латура в существующие дискуссии аналитической метафизики.

Апробация результатов исследования

Основные положения диссертации были представлены на конференциях: XIII международная конференция школы философии и культурологии НИУ ВШЭ «Субъект и ответственность: природа, общество, культура» (Москва, 2022), международная научная конференция «uAnalytiCon-2021: Контекстуализм, знание и истина» (Екатеринбург, 2021), научная конференция МГУ «Грязновские чтения - 2021» (Москва, 2021). Основное содержание диссертации отражено в статьях, опубликованных в журналах: 4 – входящих в список ВАК, из них 2 – в международные базы данных Web of Science и Scopus:

1. *Демин Т. С.* В защиту условия надежности: знание как основание для действий, ошибка подтверждения и принятие желаемого за действительное // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. – С. 5-16.

2. *Демин Т.С.* Проблема Геттиера: что делать с головоломкой аналитической эпистемологии? // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2019. №. 3 (56). – С. 58-75.
3. *Демин Т. С., Фролов К.Г.* Знание-что, знание-как, сознание и искусственный интеллект // *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2023. №. 1 (8). С. 102-108.
4. *Демин Т.С., Фролов К.Г.* Машины и человеческая эпистемология // *Дискурс* – 2022. № 2 (8). С. 17-27.

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, трех глав, двенадцати параграфов, заключения и списка литературы. Каждая глава снабжена отдельным введением и заключением. Общий объем диссертации 171 стр. Список литературы включает в себя 191 наименование.

Глава 1. Анализ знания

Введение к первой главе

В этой главе будет представлена дискуссия в аналитической философии о том, что такое знание, инспирированная проблемой Геттиера. Начну с разбора основных конвенций в стандартном анализе знания, а именно с проекта создания концепций знания исходя из поиска составляющих его компонентов. После этого раскрою содержание ключевой для теорий знания скептической проблемы. Затем будет разобрана проблема Геттиера и наиболее известные теории, которые пытаются ее решить. На следующем этапе продемонстрирую, что против таких многокомпонентных теорий знания, которые допускают, что знание ошибочно (фаллабилизм), всегда возможно сконструировать случай Геттиера. Далее рассмотрю интересные способы уклонения от проблемы Геттиера через сомнение в наших интуициях о знании или через допущение, что хорошая теория знания может иметь исключения. В завершении обосную, что надежность в том или ином виде необходима для знания.

В настоящее время эпистемология занимает четвертое место по количеству специалистов в аналитической философии, уступая метафизике, философии языка и этике, но опережая, например, такую популярную область как философия сознания⁶⁶. Эпистемология – дисциплина, занимающаяся проблемами знания и обоснования. Знание – один из основных способов связи человека и мира. Роль

⁶⁶ По данным исследования взглядов сотрудников ведущих западных центров философии. См. *Bourget, D., Chalmers, D.J. What do philosophers believe? // Philosophical studies. 2014. Vol. 170. No. 3. P. 465–500.*

знания для человека велика, чем бы он не занимался. Люди при этом обычно интуитивно представляют, что такое знание и чем оно отличается от незнания или мнения. Трудно привести пример, когда отсутствие четкого определения «знания» или «обоснования» усложняет повседневную или профессиональную жизнь или просто в чем-то мешает. Перед людьми постоянно возникают проблемы, связанные с тем, что они чего-то не знают и где-то заблуждаются. Эпистемологи и психологи достигли существенных результатов в поиске принципов, которые помогают реже ошибаться и точнее оценивать надежность своих убеждений, а также не приносить какой-либо вред из-за эпистемической недобросовестности⁶⁷. Но этого недостаточно, чтобы делать из знания самого по себе проблему. Среди ученых, юристов, журналистов, учителей и профессионалов из других областей, которые постоянно сталкиваются с трудностями, связанными с производством и функционированием знания, едва ли просто найти тех, кто имеет стройную теорию знания. От этого они не становятся хуже как профессионалы.

Ответ на вопрос о том, что такое знание – центральный для эпистемологии. Самые цитируемые и обсуждаемые работы по эпистемологии связаны с этим вопросом⁶⁸. Почему этот вопрос стал столь заметным в современной философии? Действительно ли этот вопрос является таким значимым? Для того чтобы ответить на первый вопрос, нам предстоит сделать небольшой экскурс в историю философии. Ко второму вопросу я вернусь в конце следующего параграфа и обосную, почему однозначный ответ на него можно дать, только решив проблему знания.

Некоторые допущения аналитических философов в дискуссии о знании являются неоднозначными. Так, в силу глубокого дисциплинарного разделения,

⁶⁷ Этими проблемами занимается эпистемология добродетелей, проблематика которой выходит за рамки настоящего исследования. Хорошее введение в эту область см. *Каримов, А.* Эпистемология добродетелей. СПб: Алетей, 2019. Исследовательская программа «эвристики и когнитивные искажения» близкая к психологии, будет полезна при оценке своих суждений. См. *Kahneman, D.* Thinking, fast and slow Macmillan, 2011.

⁶⁸ к их числу следует отнести *Williamson, T.* Knowledge and its Limits; *Lewis, D.* Elusive knowledge; *Chisholm, Roderick Milton.* Theory of knowledge Prentice-Hall Englewood Cliffs, NJ, 1989b; *Gettier, E.* Is justified true belief knowledge?

вызванного влиянием естественных наук на философию, проблема истины обсуждается отдельно от проблемы знания и кажется, что решение этих двух проблем не зависит друг от друга. Я практически не уделяю этому факту внимания, однако он нуждается в полноценной проработке и, как мне кажется, приоткрывает причину нерешаемости проблемы Геттиера⁶⁹.

1.1. Конвенции и проблемы в дискуссии о знании

В дискуссии о знании был выработан ряд допущений, которые носят статус конвенций. Они помогут лучше понять основания, на которых строится дискуссия. Конвенции – результат согласия существенного большинства участников дискуссии. Точную степень принятия конвенции может дать только полноценный социологический опрос, а сами конвенции в любой момент могут подвергнуться пересмотру. Ряд конвенций не является общепринятыми в философии. Например, далеко не все философы являются реалистами или придерживаются корреспондентной теории истины. Однако, имея различные основания, трудно договорится о чем-то в дискуссии. Поэтому, например, многие формы антиреализма, часто несовместимые с рассматриваемой в данной работе эпистемологией, остаются за рамками исследования.

○ *Аналитические теории знания работают с пропозициональным знанием.*

Обычно знание можно выразить в форме пропозиции. Пропозиция – это смысл высказывания. Например, «Желтый снег» и «Yellow snow» – это два разных высказывания (они сделаны на разных языках), но у этих высказываний одинаковая пропозиция. Обычно философы согласны в том, что пропозиция имеет семантическую структуру. В рамках дискуссии о знании пропозицию обозначают как P , а то, что некоторый субъект знает некоторую пропозицию, обозначают формулой « S знает, что P ». Эта простейшая форма пропозиции называется

⁶⁹ В этом русле развивает свою мысль Стивен Фуллер. *Fuller, S., Collier, J.H. Philosophy, rhetoric, and the end of knowledge: a new beginning for science and technology studies* Routledge, 2003. P. 48–50; *Fuller, S. Knowledge: the philosophical quest in history* Routledge, 2015. P. 2.

субъектно-предикативной. Термин «пропозиция» удачно подходит для работы со знанием: он достаточно техничен и не перегружен коннотациями. В отличие от термина «высказывание», он не настолько сильно ассоциируется с языком⁷⁰. Еще одно важное свойство пропозиции – она может быть истинной или ложной в повседневном, общеупотребимом смысле этих слов.

Отмечу, что существует также непропозициональное знание. Это может быть знание ментальных состояний других людей или знание по знакомству (*knowledge by acquaintance*). Есть и другие примеры. Так, вслед за Гилбертом Райлом⁷¹, многие философы полагают, что независимо от пропозиционального знания существует «знание-как». К этому виду знания относятся различные умения или навыки. Например, знание, как ездить на велосипеде. Согласно этому взгляду, непропозициональное знание имеет другую структуру, поэтому для его описания нужна другая модель знания. Однако некоторые философы⁷² утверждают, что «знание-как» – это разновидность пропозиционального знания. В настоящей работе под знанием всегда подразумевается пропозициональное знание.

○ *Знание всегда включает в себя ментальное состояние*⁷³.

В пропозиции «S знает, что P» есть некоторый факт P (или набор фактов), а также субъект S, который владеет этим фактом. Субъект обладает знанием, формируя определенное ментальное состояние. Этим субъектом необязательно должен быть человек. Можно предположить, что знанием обладают высшие млекопитающие, или, например, развитый искусственный интеллект. Однако этот вопрос выходит за рамки нашей работы. В дальнейшем, во всех примерах мы будем

⁷⁰ Термин *propositio* был введен в философию Боэцием как то, что обозначает суждения (мыслимые, говоримые и письменные). В этом смысле он использовался в средневековой философии и встречался в работах философов времени. См. например, *Локк, Д. Опыт о человеческом разумении* DirectMEDIA, 1985. В работах Мура пропозиция приобретает современное значение, а именно, что пропозиция – это смысл суждения. *Moore, G.E.* 1902. *Truth and Falsity* // *Dictionary of Philosophy and Psychology*. Reprinted in his *Selected Writings*, edited by T. Baldwin. 1901. P. 20–22.

⁷¹ *Ryle, G.* *The concept of mind*. Vol. 271. London and New York: Routledge, 2009.

⁷² См. например *Williamson, T., Stanley, J.* *Knowing how* // *The Journal of Philosophy*. 2001. Vol. 98. No. 8. P. 411–444.

⁷³ *Nagel, J.* *Knowledge: A very short introduction* Oxford University Press, 2014.

использовать человека в качестве субъекта знания. Для человека знание является ментальным состоянием, которое каким-то образом связано с внешним миром.

Если у субъекта есть ментальное состояние, которое включено в знание, долгое время предполагалось, что для обозначения этого состояния следует использовать термин «убеждение» (belief), в качестве более широкого понятия, тогда как само знание является частным случаем убеждения. Однако в современной эпистемологии тезис о том, что «знание – частный случай убеждения в совокупности с другими компонентами», является предметом дискуссии, и многие философы не разделяют его. Подробнее, этот вопрос раскрывается в параграфе «Сначала знание».

○ *В дискуссии о знании по умолчанию принимается позиция реализма.*

Реализм в широком смысле предполагает, что существует объективный и не зависимый в своих свойствах от нашего сознания мир⁷⁴. В более узком смысле, за реализм может приниматься тезис, что для любого познаваемого положения дел в потенциале есть такое информационно-несущее ментальное состояние, которое этому положению дел соответствует. Схожим образом можно сформулировать, что реализм означает верность корреспондентной теории истины. В современной дискуссии философы регулярно стремятся наклеить на себя ярлык реалиста, даже когда вступают в полемику с его ключевыми тезисами⁷⁵. Далее в тексте под реализмом будет пониматься тезис о том, что а) существует объективный мир, и б) этот мир обладает свойствами, независимыми от нашего познания, языка, понятийных схем и так далее. В работе по умолчанию принимается адекватность позиции реализма.

○ *Пропозиция, к которой обращается субъект знания, является истинной.*

⁷⁴ Miller A. Realism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Ed. by E.N. Zalta Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2021.

⁷⁵ В качестве примера см. например Лакофф, Д. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. Москва: Языки славянской культуры, 2004; Latour, B. An inquiry into modes of existence.

Если мы знаем что-то, то мы также предполагаем, что такое знание будет истинным. Если же выяснится, что то, что мы считали знанием, на деле оказалось заблуждением, то мы перестанем считать это убеждение знанием. Эта интуиция разделялась большинством философов на протяжении всей истории западной философии. В дискуссии о знании обычно подразумевается *корреспондентная теория истины* как интуитивно понятный и наиболее распространенный взгляд на то, что такое истина.

- *Знание – это категория с достаточно отчетливыми границами. Для каждого случая знания есть инвариант, который можно сформулировать в терминах необходимых условий.*

Этот тезис отрицает идею, что знание может быть категорией с неопределенным множеством значений. Например, игра – термин, который не имеет необходимого условия⁷⁶. Так, нет инварианта общего для игры актера, игры в приставку, игры в мяч, игры в имитацию, игры в бисер. Это набор родственных понятий, каждый из которых будет связан с другими примерами игр, но все они между собой не имеют общего условия, которое позволяет принадлежать различным играм к одной категории. Ряд направлений, которые будут рассмотрены во второй главе, отходят от строгой формулировки знания в терминах необходимых и достаточных условий, добавляя к ним контекст, прагматические соображения или останавливаясь на специфическом типе ментального состояния, которое не является необходимым или достаточным условием. Тем не менее, все эти подходы сохраняют набор из необходимых для знания свойств (например, истинность или фактивность) и поэтому разделяют рассматриваемую конвенцию.

- *Эпистемология, отвечая на вопрос о природе знания, занимается анализом индивидуального знания*

Кроме индивидуального знания, существует коллективное или социальное

⁷⁶ Wittgenstein, L. *Philosophical investigations*. Blackwell Publishing, 1986. P. 31–33.

знание. Выбор в пользу индивидуального знания как базовой категории анализа является общим местом в аналитической эпистемологии. Однако так было не всегда. Так, Карл Поппер, проводя различие между индивидуальным и коллективным знанием – «третьим миром» – доказывал, что философы в своем анализе должны отдавать предпочтение второму типу знания⁷⁷. В аналитической философии исследование коллективного знания получило название «социальной эпистемологии» и рассматривается как дополнение к более фундаментальной индивидуальной эпистемологии⁷⁸.

На протяжении большей части истории философии был распространен взгляд, что знание – убеждение, которое имеет *различимое значение истинности* (discernable mark of truth), хотя и здесь, возможно, были исключения⁷⁹. Если бы знание было просто истинным убеждением, то любое случайное убеждение, которое совпадет с реальностью, тоже нужно будет признать знанием. Например, убеждение, что в мире четное количество грибов или нечетное количество деревьев, или что в пределах ста тысяч световых лет от нас существует экзопланета с океаном в форме пончика. Такого рода убеждения в силу удачи могут оказаться истинными. Однако соглашаться с тем, что их можно назвать знанием, было бы неразумно. Поэтому, согласно инфаллабилизму, чтобы знать, мое убеждение должно обладать значением истинности, то есть убеждение должно иметь такое свойство, которым может обладать только истинное убеждение. Более того, убеждение должно быть различимым – то есть агент не может ошибаться по поводу своего убеждения в различных ситуациях, а не только в той, в которой имеет место

⁷⁷ Поппер, К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход. Москва: Эдиториал УРСС, 2002. Р. 110.

⁷⁸ Goldman, A., O'Connor, C. Social Epistemology // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Ed. by E.N. Zalta Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2021.

⁷⁹ Согласно Дьютану, классический инфаллабилизм, например, содержится в работах стоиков, эпикурейцев, Декарта, Лока, Беркли, и не противоречит, например, Карнеаду, Пирсу и Попперу. К сложно идентифицируемым случаям автор относит, например, Аль-Фараби (примечание 46), индийскую философию (примечание 136) и Рассела (примечание 98). Dutant, J. The Legend of the Justified True Belief Analysis. P. 99.

это убеждение изначально⁸⁰. Описанный взгляд в современной литературе называется классическим инфаллабилизмом (infallibilism)⁸¹.

В целом, под инфаллабилизмом здесь будет пониматься следующий взгляд на знание:

Тезис инфаллабилизма: субъект S знает, что P, если во всех возможных ситуациях, когда P истинно, S утверждает P, и аналогично, во всех возможных ситуациях, когда P ложно, S утверждает, что не-P⁸².

Если в какой-то ситуации вы что-то знаете, то не можете касательно этого ошибаться при любых релевантных для этой ситуации обстоятельствах. Инфаллабилизм сталкивается с проблемой скептицизма – сомнением, которое в своей крайней форме ведет к выводу, что мы вообще не обладаем никаким знанием. Если знание – это убеждение, которое имеет различимое значение истинности, – то легко усомниться в том, что мы вообще способны обладать какой-либо истиной.

Есть огромное количество фактов, которые мы знаем: что завтра наступит новый день, что земля не плоская, что у меня четное количество рук, что в детстве я упал с дерева, что стеклянный стакан, упав с большой высоты на твердую поверхность, разобьётся. Однако если задаваться вопросом, точно ли проверяемое нами на истинность убеждение является верным при любых обстоятельствах (именно это предполагает инфаллабилизм) – то почти любое убеждение, верное на первый взгляд, перестанет казаться истинным на сто процентов. Так, я абсолютно уверен, что у меня в кармане сто рублей. Но что если меня обокрали, пока я шел по улице? Или в кармане возникла дыра и купюра выпала через нее на тротуар? Быть может, воспоминание о купюре является ложным? Я засовываю руку в карман и нащупываю искомый объект – купюра предсказуемо хрустит при пальпации.

⁸⁰ Ibid, pp. 95-96

⁸¹ Материалы этой части работы, а также весь следующий параграф в переработанном и сокращенном виде были опубликованы в *Демин Т.С.* Проблема Геттиера: что делать с головоломкой аналитической эпистемологии? // *Epistemology & Philosophy of Science*. – 2019. – Т. 56. – №. 3; С.58-75.

⁸² Это определение совместимо с экстерналистским инфаллабилизмом, тогда как классический инфаллабилизм – интерналистский.

Достаю сто рублей из кармана, чтобы развеять остатки сомнений. Но что если ЦРУ подменило мою купюру на очень правдоподобную подделку, пока я шел по улице? Или все это очень убедительный сон о сторублевой банкноте? Такого рода сомнения мы можем развить относительно почти любого факта. Если для каждого убеждения верно то, что оно в принципе может оказаться ошибочным, тогда возможно мы не обладаем никаким знанием.

Обычно скептическая аргументация начинается с дедуктивного принципа замкнутости (ПЗ) в знании:

(ПЗ) если S знает, что P, и знает, что из P следует Q, то S знает Q.

Вот иллюстрация этого принципа. Если я знаю, что дворецкий – преступник, и если я знаю, что все преступники опасны, то я знаю, что дворецкий опасен. ПЗ на первый взгляд выглядит очень правдоподобно. На этом принципе строится дальнейшая аргументация.

1) Выдвигается *скептическая гипотеза*. Скептическая гипотеза должна показать, что тот порядок вещей, который существует в мире, может оказаться совсем другим. Наиболее известную скептическую гипотезу описал Декарт в ходе «Первого размышления»⁸³. В нем Декарт последовательно ставит под сомнение надежность знания о Боге, восприятиях, выводах математики и естествознания. Доводы Декарта иллюстрируются следующим мысленным экспериментом. Представим, что могущественный злой гений поставил для себя цель ввести нас в заблуждение. Для этого он создал иллюзию внешнего мира – иллюзию земли и неба, несуществующих стран и людей, иллюзию тела, информации от органов чувств и вообще всех эмпирических фактов. Можем ли мы *знать*, что это невозможно и, что никакой свехразум не вводит нас в заблуждение? Если нам не известно это наверняка, то можем ли мы утверждать, что что-то знаем?

⁸³ Декарт, Р. Сочинения в двух томах. Том II. Москва: Мысль, 1994. С. 16–20.

Другая известная скептическая гипотеза, «мозги в бочке», принадлежит Х. Патнэму⁸⁴. Представим могущественных нейрочеловеков, которые поместили наш мозг в колбу. Через электрические импульсы эти ученые создали иллюзию известной нам жизни. Все что с нами происходит – симуляция, подобная той, в которой жили герои фильма «Матрица». Можем ли мы знать, что мы не мозги в колбе?

2) Мир в скептической гипотезе и тот мир, в котором я нахожусь, – для меня не отличимы. Мало кому кажется, что он живет в матрице. Но именно так и должна быть устроена матрица! Поэтому я не могу отличить на основании тех свидетельств, что у меня есть, верна ли скептическая гипотеза.

3) Следовательно, если я не знаю, нахожусь ли я в матрице, то я не могу знать истинность огромного количества фактов. Например, что у меня есть тело или что любой мой знакомый существует точно также как и я сам. Ведь если я в матрице, то у меня может и не быть тела. Однако я не знаю, верна ли скептическая гипотеза, поэтому я не могу знать, есть ли у меня тело (или существует ли Рязань, правит ли страной краб, реальны ли любые мои чувственные данные).

Теперь рассмотрим, как можно возражать скептикам. Одно из возражений – скептические сценарии не являются релевантной альтернативой тому, что происходит на самом деле. Так, если я в матрице, то руки, на которые я смотрю, это не мои руки, а их симуляция. Но то, что мои руки – симуляция, не похоже на действительно релевантный сценарий, в котором у меня нет рук от рождения или в котором я потерял их в результате аварии.

Такую стратегию отстаивал, например, Роберт Нозик⁸⁵. В его теории знания центральную роль занимает условие чувствительности (*sensitive condition*): если S знает, что P, то если P ложно, S не будет верить в P. Если применить условие отслеживания к скептической гипотезе, то получится, что так как я знаю, что у меня есть руки, а наличие рук не совместимо с матрицей, то я не в матрице. Ответ Нозика

⁸⁴ Putnam, H. Reason, truth and history. Vol. 3 Cambridge University Press, 1981. P. 5–6.

⁸⁵ Nozick, R. Philosophical explanations.

предполагает, что я не знаю, нахожусь ли я в матрице, так как такое убеждение не отвечает условию чувствительности: если я в матрице, то я думаю, что не нахожусь в матрице. Вместо этого он атакует ПЗ: из того, что я не могу отличить матрицу от реальности, не следует, что я не знаю, что у меня есть руки.

Основная проблема этого решения состоит в том, что возражение оставляет место для «гадких конъюнкций» (*abominable conjunctions*)⁸⁶: я знаю, что смотрю на руки, но не знаю, что нахожусь в матрице. Я не знаю, что нахожусь в матрице, так как согласно условию чувствительности я должен отличать матрицу от реальности, что невыполнимо, так как матрица выглядит как обычная реальность. Однако кажется, что мы не можем знать, смотрим мы на руки или нет, если не знаем, в матрице ли мы.

Другое возражение скептицизму предложил Джордж Мур⁸⁷. Его аргумент, изложенный мною на примере матрицы:

1. Я знаю, что смотрю на свои руки.
2. Если я не знаю, в матрице ли я или нет, то я не могу знать, на чьи руки я смотрю.
3. Следовательно, я знаю, что не нахожусь в матрице.

Аргумент предполагает, что человек знает, что у него есть руки, и неразумно в этом сомневаться. Это знание несовместимо с нахождением в матрице. Вместе с тем, если бы мы находились в матрице, мы бы тоже думали, что смотрим на наши руки, но ошибались. То есть в матрице аргумент Мура также хорош, как и в нашем мире. В итоге аргумент может показаться убедительным для тех, кому неприемлем скептицизм, но он не *объясняет*, почему нам известно, что мы не в матрице⁸⁸. Как и в возражении от релевантных альтернатив, мы с самого начала принимаем, что

⁸⁶ DeRose, K. Solving the skeptical problem. P. 27 // The philosophical review. 1995. Vol. 104. No. 1. P. 1–52.

⁸⁷ Мур, Д.Э. Доказательство внешнего мира // Аналитическая философия: избранные тексты. Москва: Издательство МГУ, 1993. С. 66–83.

⁸⁸ Steup, M., Neta, R. Epistemology // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Ed. by E.N. Zalta Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2020.

не находимся в скептическом сценарии, и поэтому это решение для критиков аргумента также кажется *ad hoc*⁸⁹.

Еще одна опция – компромисс со скептицизмом. Что, если есть несколько стандартов строгости знания? Можно не предъявлять строгие критерии к знанию. Например, предположить, что знание – это обоснованное убеждение. При таком определении мы знаем очень много. Если же применить к знанию инфаллабилистское определение, то мы не знаем ничего, или почти ничего. Этот ответ не отрицает принцип замкнутости и правдоподобность скептической гипотезы. В то же время этот ответ позволяет утверждать, что в слабом смысле я знаю, что у меня есть руки. Эта опция будет разбираться подробнее во второй главе.

Нам не кажется, что мир во всем обманчив, пока мы не начинаем упражняться в этом во время жаркого спора, или увлекшись «идеей фикс». Если гипотетический скептик Марк потеряет обе руки в результате аварии, никакие гипотезы матрицы или мозгов в бочке не облегчат его страдания, поскольку в такой ситуации он не сможет воспринимать эти гипотезы всерьез. Однако в рамках спора наш гибкий разум позволяет легко отклоняться от жизненного опыта и верить в вещи, которые противоречат нашим поступкам. Поэтому академический скептицизм в некоторых формах – это антипод идеала античного философа, который должен соответствовать своим убеждениям. По наблюдению Юма, «любое, даже самое незначительное, событие в его [скептика – Т.Д.] жизни рассеет все его сомнения и колебания, так что он нисколько не будет отличаться во всех своих поступках и умозрениях от философов других сект или от тех людей, которые никогда не занимались философскими изысканиями»⁹⁰.

Приведу еще два уточнения. Первое – в скептических сценариях и в инфаллабиллизме остается набор таких фактов, которые можно отстаивать как

⁸⁹ Еще одно решение проблемы скептицизма, но уже с натуралистической позиции предложил Д. Дэвидсон. Подробнее см. *Рогонян Г.* Декарт и равнодушный Обманщик // Философско-литературный журнал «Логос». 2014. №2 (98). С. 15-42.

⁹⁰ *Юм, Д.* Исследование о человеческом разумении. Москва: Рипол Классик, 2020. С. 301–302.

истинные. Например, это логические истины (тавтологии), вроде, $A=A$, или существование собственного сознания. К тому же, даже если мы живем в мире, который является, например матрицей, у нас по-прежнему остается немало известных нам вещей⁹¹. Однако мы привыкли считать, что знаем гораздо больше, чем несколько неоспоримых фактов, и мы знаем, что скептическая гипотеза неверна. Поэтому эти оговорки не снимают проблему скептицизма.

Второе уточнение – в литературе скептицизм относительно знания часто называют картезианским скептицизмом вслед за Декартом⁹². Другой вид скептицизма – пирроновский скептицизм. Этот скептицизм выходит далеко за пределы сомнения в знании о нашем мире и является более широкой версией скептицизма. Так как нас интересует скептицизм в контексте дискуссии о знании, далее, используя термин «скептицизм», я буду иметь в виду картезианский скептицизм.

Различные теории знания по-разному соотносятся с проблемой скептицизма. На мой взгляд, для классического инфаллабилизма скептицизм – нерешаемая проблема; для контекстуализма – верный союзник. А, например, релейабиллизм Алвина Голдмана, эпистемология «сначала знание» Тимоти Уильямсона, условие чувствительности Роберта Нозика или теория знания Бруно Латура выстраивают собственные стратегии противодействия скептицизму. В соответствии с общей философской установкой о том, что скептицизм – это нежелательное последствие любой теории знания, можно утверждать, что любая перспективная теория знания должна успешно решать эту проблему.

Инфаллабилизм предложил интуитивное понятие знания, которое было уязвимо для скептических атак. Такая цена была слишком большой за интуитивно убедительное определение знания. В целом, философы к середине XX века

⁹¹ *Chalmers, D.J. The matrix as metaphysics // Philosophers Explore the Matrix / Ed. by C. Grau Oxford University Press, 2005. P. 132.*

⁹² Другое распространенное название – академический скептицизм. Это название возникло благодаря влиянию на скептицизм платоновской академии. Подробнее об истории скептицизма см. *Vogt, K. Ancient Skepticism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Ed. by E.N. Zalta Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2021.*

отказались от классического инфаллабилизма. Те, кто отклонили идею различимости, заняли позиции экстернализма – взгляда, согласно которому знание – это связь между субъектом S и знанием P, в которой S не обязан знать обоснования P. Те, кто отклонили «качество истинности», заняли позиции интернализма – подхода, согласно которому если S знает, что P, то обоснование P когнитивно содержится в нем⁹³. В рамках интернализма возник подход, в обобщенном виде сформулированный следующим образом: знание – это обоснованное истинное убеждение (Justified True Belief, далее JTB). Защитником такого взгляда был Родерик Чизолм, который полагал, что знание – это истинное убеждение, которое имеет надлежащие свидетельства⁹⁴. Проиллюстрируем определение знания в терминах JTB следующим примером. Представьте, что вы решили узнать, сколько сейчас времени и посмотрели на часы. Они показывали 14:45, поэтому вы убеждены – сейчас без пятнадцати три. Это убеждение обосновано – на эти часы можно полагаться. И наконец, это убеждение истинно – в этот момент действительно было 14:45. Исходя из этого анализа можно сделать вывод, что эти три условия являются необходимыми и достаточными для того, чтобы назвать утверждение «Сейчас 14:45» – знанием.

В 1963 году преподаватель философии из университета Уэйна (Детройт, США), Эдмунд Геттиер, находился под давлением университетской бюрократии – работая преподавателем, он не имел ни одной публикации. В этих обстоятельствах он пишет статью размером со школьное сочинение, в которой придумывает контрпримеры к подходам, в которых знание – это обоснованное истинное убеждение. Этот трехстраничный текст становится одним из самых влиятельных в

⁹³ Подробнее см. *Dutant, J.* The Legend of the Justified True Belief Analysis.

⁹⁴ *Chisholm, R. M.* Perceiving: A Philosophical Study // *Philosophical Quarterly*. 1957. Vol. 9. No. 37. P. 366–373. *Chisholm, Roderick Milton.* Theory of knowledge. Некоторые примечательные детали по определению сторонников JTB Эдмундом Геттиером см. *Фролов, К.Г.* О нюансах перевода и цитирования в контексте проблемы Геттиера.

аналитической философии. «Является ли обоснованное истинное убеждение знанием?» – единственная статья, опубликованная Геттиером⁹⁵.

В этой работе Геттиер обобщает ряд схожих подходов к знанию в определении «знание – это обоснованное истинное убеждение». Против релевантности такого определения Геттиер выдвинул два схожих контрпримера. Перескажем один из них.

Джон и Смит работают вместе. Сначала начальник сказал Джону, что Смит получит повышение. Затем Джон увидел, как Смит положил десять монет в карман. «Тот, кто имеет 10 монет в кармане, получит повышение» – заключил из этого Джон. Но именно Джон получил повышение, а не Смит. Однако Джон был прав, когда заключил, что тот, у кого 10 монет в кармане, получит повышение. По совпадению, у Джона тоже было 10 монет в кармане, когда его повысили. Убеждение Джона было обоснованным (он видел 10 монет в кармане Смита, и начальник ему сообщил о повышении его коллеги). Пропозиция «Тот, кто имеет 10 монет в кармане, получит повышение» была истинной, но Джон явно не обладал знанием в данной ситуации.

Проиллюстрирую этот способ опровержения ЛТВ еще одним, более ранним примером⁹⁶. Для этого вернемся к случаю с часами. Вы посмотрели на часы: стрелки циферблата показывали, что сейчас 14:45. И действительно, это было правильное время. Однако часы, на которые вы посмотрели, были неисправными. Но в тот момент, когда вы смотрели на часы, по совпадению было именно это время – 14:45, время на котором стрелки часов замерли. Итак, «сейчас 14:45» – это обоснованное убеждение (это в какой-то степени обоснованно – доверять надежным часам) и оно истинно, благодаря совпадению. Но едва ли это знание.

Примеры, доказывающие, что истинное убеждение вместе с дополнительными компонентами не является знанием, были названы «случаями Геттиера», в честь

⁹⁵. Обстоятельства написания работы известны из *Эдмондс, Д. Убили бы вы толстяка?* Издательство Института Гайдара, 2016. С. 122–123.

⁹⁶ Этот пример основан на случае Бертрانا Рассела. *Russell, B. Human Knowledge, Its Scope and Limits // Mind. 1949. Vol. 58. No. 231. P. 170*

статьи, которая инициировала рассматриваемую здесь проблему. За время существования дискуссии возникло множество случаев Геттиера, которые демонстрировали несостоятельность различных теорий знания. В результате, статья Геттиера породила огромную дискуссию о природе знания. Возник взгляд, что Геттиер перевернул «традиционное» представление, установившееся и царившее в западной философии чуть ли не со времен Платона, о том, что знание – это нечто близкое к обоснованному истинному убеждению. Легенда о традиционном анализе долгое время доминировала в аналитической философии⁹⁷. Эта легенда подразумевала, правда скорее имплицитно, что западные философы на протяжении двух с лишним тысяч лет придерживались «традиционного взгляда», поэтому никакой проблемы знания не было. И только Геттиер додумался и смог донести до других философов недостаток этого подхода. Эта история попала во влиятельные сборники по эпистемологии⁹⁸ и в этом виде обсуждалась в российском академическом пространстве⁹⁹.

Эта легенда включает в себя несколько полезных наблюдений. Действительно, после Платона, мы не наблюдаем заметных дискуссий между философами о том, что такое знание¹⁰⁰. Центральным для эпистемологии был вопрос о том, можем ли мы обладать знанием. Причина – знание понималось в инфаллабилистском ключе. Но если бы было так, как нам сообщает об этом легенда, неужели философы на протяжении двух с лишним тысяч лет не могли придумать случаев Геттиера и опровергнуть разделяемую всеми теорию? Структура случаев Геттиера встречается у Платона, Бертрانا Рассела и даже в индийской философии, однако

⁹⁷ Эту историю я пересказываю, опираясь в т.ч. на терминологию *Dutant, J. The Legend of the Justified True Belief Analysis*. См. также *Le Morvan P. Knowledge before Gettier //British Journal for the History of Philosophy*. 2017. Vol. 25. No. 6. P. 1216-1238.

⁹⁸ *Dutant, J. The Legend of the Justified True Belief Analysis*. P. 97.

⁹⁹ *Блинов, А.Л. et al. Аналитическая философия*. Москва: Издательство РУДН, 2006; *Ольховиков, Г.К. Знание как истинное и обоснованное мнение*. С. 46; *Ламберов, Л.Д. Как важно быть серьезным*. С. 85; *Куслий, П.С. Знание, проблема Геттиера и некоторые дискуссии в современной отечественной эпистемологии*. P. 34. *Черняк, А.З. Знание и удача*. С. 64.

¹⁰⁰ *Dutant, J. The Legend of the Justified True Belief Analysis*.

не получает того внимания, которое снискала статья Геттиера, так как эти случаи возникали в другом философском контексте.

Опыт подсказывает нам, что мы знаем очень большое количество вещей: количество рук у нашего тела, вкус различных блюд, форму Земли, огромное количество имен людей, мириады воспоминаний, фактов, и так далее. Мы знаем очень много. С другой стороны, кажется, что знание не может быть ошибочным. В последнем состоит основная идея инфаллабилизма. Однако классический инфаллабилизм приводит нас к скептицизму: мы не можем знать всех тех вещей, что нам кажутся известными. Таким образом, безошибочность знания следует совместить с тем, что правильная теория знания не должна приводить к скептицизму.

Чизолм был одним из тех, кто отказался от инфаллабилизма, заменив в своей первой теории знания способность человека различать истину на наличие у него свидетельств. Истинное убеждение, подкрепленное свидетельствами, было куда более мягким определением знания, которому куда проще соответствовать, чем инфаллабилизму, поэтому оно не влекло за собой скептицизм. Этот взгляд был отвергнут Геттиером с помощью мысленных экспериментов. Однако и после этого идея о том, что знание – это истинное убеждение плюс что-то еще, казалась по-прежнему привлекательной. Я полагаю, что в основе этого лежит следующее рассуждение. Так как знание – это особый способ связи разума с миром, то мы можем выделить то, что имеет отношение к разуму – это убеждение, и то, что имеет отношение к миру – это истина. Поэтому пост-геттиеровская дискуссия изначально исходила из того, что знание состоит из нескольких компонентов. Такая оптика предполагает, что если подобрать такие компоненты, которые успешно справляются со скептицизмом и проблемой Геттиера, но при этом не сталкиваются со специфическими для искомой теории сильными возражениями, то мы придем к

оптимальной теории знания. Разработка многокомпонентных, или по-другому, редуктивных теорий знания называется анализом знания¹⁰¹.

До недавнего времени среди аналитических философов царило согласие касательно двух компонентов знания: истины и убеждения. Однако одного истинного убеждения недостаточно, так как оно может быть истинным в силу случайности. Например, я могу случайно оказаться правым, что в мире существует четное число каракатиц. Случайного обладания истинным убеждением явно недостаточно. Усилить истинное убеждение нужно какими-то дополнительными компонентами, чтобы их наличие закрывало брешь между убеждением и внешней по отношению к субъекту истиной. В классическом инфаллабилизме идея о том, что истина должна быть различимой, полностью закрывала эту брешь. Однако она закрывалась настолько строгим способом, что влекла скептицизм.

Чтобы закрыть эту брешь, можно усилить как способности субъекта, так и внешние по отношению к нему особенности познаваемой субъектом реальности. Исходя из этой логики все теории знания можно разделить на интернализм и экстернализм.

1. *Интернализм*. Дополнительные компоненты в знании должны делать убеждение надежным с помощью когнитивных способностей самого носителя знания. Например, с помощью свидетельств или обоснований, которыми владеет субъект. Примерами такой теории служит теория знания Чизолма или теория Майкла Кларка.

2. *Экстернализм*. Дополнительные компоненты в знании должны обосновывать знание как внутренними, так и внешними по отношению к субъекту способами (например, делегированием обоснования другим субъектам). Иными словами, если субъект S знает пропозицию P, то S не обязан знать обоснования P. Примерами таких теорий является казуальная теория знания, релайабиллизм

¹⁰¹Shope, R. The analysis of Knowledge. P. 5. Ichikawa, J.J., Steup, M. The Analysis of Knowledge.

Голдмана и релейабиллизм Сосы, а также ряд родственных релейабиллизму теорий, вроде отслеживающей теории Нозика, теории Дретске или теории Причардса.

В следующем параграфе я разберу интерналистские подходы на примере теории Кларка и экстерналистские подходы на примере теорий Голдмана.

1.2. Теории анализа знания

Обобщая все способы решения проблемы Геттиера, можно выделить две базовые стратегии: либо улучшить JTB-анализ, либо отказаться от анализа знания как неверного подхода. В рамках первой стратегии есть три опции: 1) добавить к JTB дополнительное условие X, которое делает построение случаев Геттиера невозможным (модель знания в форме JTB + X); 2) заменить обоснование на другой элемент; 3) усилить обоснование так, чтобы оно преодолевало проблему Геттиера. В этом параграфе на примере конкретных теорий я рассмотрю указанные три опции. В параграфе «Пересмотр оснований проблемы Геттиера» я разберу способ «смягчения» проблемы Геттиера, а в следующей главе – влиятельную стратегию отказа от анализа знания.

1.2.1. Без ложных лемм

В случаях Геттиера можно заметить общий элемент – ложную посылку, которая ведет к правильному выводу. В случае с часами это то, что они показывают правильное время. В случае с Джоном и Смитом это то, что Смит получит повышение. Если мы добавим к JTB дополнительное условие, согласно которому убеждение, которое ведет к знанию, должно строиться на верных основаниях, то возражения, которые придумал Геттиер, перестают работать. Майкл Кларк предположил, что классическое понимание знания как JTB можно сохранить, добавив дополнительный принцип «без ложных лемм» (лемма – это промежуточная пропозиция, нужная не сама по себе, а для выведения теоремы)¹⁰². Его модель знания выглядит следующим образом:

¹⁰² Clark, M. Knowledge and grounds.

1. S убежден, что P;
2. P истинно;
3. убеждение S, что P, обоснованно;
4. убеждение S, что P, строится на правильных основаниях.

Однако эта позиция столкнулась с непреодолимыми трудностями. Так, представим себе детектива, который расследует убийство. Он имеет множество вещественных доказательств и свидетельских показаний в пользу того, что обвиняемый в убийстве виновен. Но если хотя бы одно из свидетельских показаний было ложным, то, в соответствии с теорией Кларка, следует заключить, что убеждения детектива не являются знанием. Однако огромное количество других доказательств в пользу виновности подозреваемого делают такой вывод неубедительным.

Теория Кларка сталкивается и с другой проблемой. Дело в том, что не все случаи Геттиера выстраиваются исходя из ложных умозаключений. Это можно продемонстрировать на примере человека, который в парке наблюдает за овцой¹⁰³. Он считает, что «на поле есть овца». На самом деле он наблюдает за псом, который издали напоминает овцу. Однако вне поля зрения наблюдателя рядом с собакой на этом поле действительно гуляет овца. Получается, что убеждение этого человека является обоснованным (мы склонны считать убедительными такого рода суждения), истинным (на поле действительно была настоящая овца) и оно не возникает из ложного основания. Однако оно правильное в силу случайности, а потому не является знанием. Иными словами, против определения знания Кларка есть случай Геттиера, а, следовательно, это определение знания не лучше определения знания как истинного обоснованного убеждения.

1.2.2. Каузальная теория

Автор самой известной каузальной теории знания, Алвин Голдман, был удовлетворен ЛТВ-анализом, когда дело касалось априорного знания, например

¹⁰³ Пример взят из *Chisholm, Roderick Milton. Theory of knowledge. P. 93.*

математических утверждений¹⁰⁴. В связи с этим каузальная теория Голдмана сосредоточена на эмпирическом знании. В эмпирических случаях он предлагает заменить «обоснование» на «корректную каузальную (causal) связь». Каузальная (причинная) связь может быть свидетельством, чувственным восприятием и умозаключением. Модель знания Голдмана выглядит следующим образом:

1. S убежден, что P;
2. P истинно;
3. убеждение S имеет правильную каузальную связь с P.

Каузальная теория убедительна благодаря интуиции о существовании в основании случаев Геттиера причинно-следственного разрыва между эмпирическим положением дел и тем, что думает об этом носитель истинного убеждения. Так, в случае с овцой на поле это разрыв между тем, что на поле есть собака, похожая на овцу, и суждением «на поле есть овца», отсылающим к овце, не видимой наблюдателем. В случае же с часами – то, что они сломаны, и то, что мы считаем их работающими.

Каузальную теорию критиковали за то, что критерий каузальной связи не является достаточно ясным: существуют случаи, когда непонятно, является ли конкретная каузальная связь достаточным условием для знания¹⁰⁵.

Другая линия критики каузальной теории исходит от интернализма. Интерналисты полагают, что знание, не имеющее обоснования в качестве необходимого компонента, содержит изъян. Благодаря тому, что в каузальной теории обоснование заменяется на каузальную связь, у нее есть примечательное следствие: незначительность источников знания или отсутствие вопроса о генезисе знания. Например, если кто-то считает, что Юпитер – самая большая планета Солнечной системы, то не очень важно, откуда ему или ей это известно. Важно,

¹⁰⁴ Goldman, A.I. A causal theory of knowing. P. 357.

¹⁰⁵ Shope, R.K. The Analysis of Knowing: A Decade of Research. New Jersey: Princeton University Press, 1983. P. 121.

чтобы каузальная связь работала надлежащим образом. Допустим, что знание о размере Юпитера мы получили из учебника. Каузальная связь контента про Юпитер в учебник попала через длинную цепочку посредников из вычислений астрономов. Экстернализм в целом и казуальная теория в частности полагают, что не очень важно, знаем ли мы что-то или нет о вычислениях астрономов, а также откуда мы взяли этот факт, чтобы считать его знанием. Однако интерналисты находят отсутствие вопроса о происхождении знания существенным недостатком каузальной теории.

Еще один повод для критики каузальной теории – фокус последней на эмпирическом знании. Почему мы должны давать особое определение для апостериорного знания, когда само по себе различие на априорные и апостериорные суждения неоднозначно?¹⁰⁶

Еще одну линию атаки выбирает сам Голдман, неудовлетворенный собственной теорией¹⁰⁷. Представим, что Генри едет на машине по сельской местности. Вокруг по полю возведено огромное множество амбаров. Генри смотрит на один из них и говорит: «Здесь стоит амбар». Это каузально надлежащим образом сформированное истинное убеждение. Но на самом деле все остальные амбары – всего лишь макеты. Местные власти решили возвести фальшивые амбары из эстетических соображений. Но именно тот амбар, на который Генри посмотрел по случайному совпадению, оказался настоящим амбаром. Голдман утверждает, что это не знание, а удачное совпадение¹⁰⁸. Исходя из этого, он меняет свои

¹⁰⁶ Заметный защитник этого различия Дэвид Чалмерс не пытается доказать, что это различие можно провести всегда, его устраивает то, что оно в принципе проводимо однозначным образом в некоторых случаях. Едва ли такое положение дел может устроить критиков каузальной теории. *Chalmers, D.J. Revisability and Conceptual Change in "Two Dogmas of Empiricism" // The Journal of Philosophy. 2011. Vol. 108. No. 8. P. 408*

¹⁰⁷ Я затрагиваю этот и еще один схожий случай в статье *Демин Т. С. Фролов К.Г. Знание-что, знание-как, сознание и искусственный интеллект. С. 104 // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2023. – Т. 8. – №. 1.*

¹⁰⁸ Здесь следует отметить, что не все разделяют эту интуицию. Например, Рут Милликан полагает, что Генри обладает знанием, когда смотрит на амбар. *Millikan, R.G. White queen psychology and other essays for Alice MIT Press Cambridge, Mass., 1995. P. 260.* По какой-то причине интуиции по поводу знания в случае с ложными амбарами не работают однозначным образом. Подробно эту проблему я разбираю в параграфе «Защита условия надежности» настоящей главы.

убеждения о знании на релайабиллизм (reliabilism)¹⁰⁹. Релайабиллизм оказался самой успешной теорией анализа знания, поэтому мы уделим ей особое внимание.

1.2.3. Релайабиллизм

Интуитивно кажется, что знание – это связь разума с миром. Каузальная связь кажется недостаточной. Релайабиллизм (reliabilism) предполагает, что в основании этой связи лежит надежный когнитивный процесс, который скорее всего приведет к истинному убеждению. Надежность можно сформулировать, например, так: если P окажется ложно, то S должен заключить, что P ложно. Если же истинно, то S должен заключить, что P истинно. Допустим мы пришли в зоопарк и увидели зебру. Это была действительно зебра, и мы это знали, потому что знаем, как выглядит зебра. Но представим, что рядом с ней стоял осел, выкрашенный под зебру (смотрители зоопарка решили подшутить над посетителями). Мы будем знать, что перед нами зебра только в том случае, если способны отличить такого осла от настоящей зебры, и при этом всегда принимать за зебру настоящую зебру. Взятая в качестве примера родственного релайабиллизму отслеживающая теория Нозика¹¹⁰ формулируется следующим образом:

1. S убежден, что P ;
2. P истинно;
3. S будет убежден в P , когда оно истинно, S будет убежден в том, что P ложно, когда оно ложно.

Надежность может формулироваться по-разному. Часто она формулируется через релевантные возможные миры: S обладает надежным убеждением, если во всех близких возможных мирах он также не будет (легко) ошибаться в P .

Релайабиллизм не предполагает, что критерий надежности всегда приводит к истинному убеждению. Надежность приводит к истине с высокой степенью

¹⁰⁹ Goldman, A.I. Discrimination and perceptual knowledge.

¹¹⁰ Nozick, R. Philosophical explanations.

вероятности. Если бы мы с помощью метода надежности всегда приходили к истине, то релейабелизм был бы разновидностью инфаллабилизма. Это, в свою очередь, приводит к нежелательному последствию в виде скептицизма: мало кто согласится с тем, что наше познание имеет такие надежные методы в формировании убеждений.

Одна из наиболее классических проблем этого подхода известна как проблема ясновидца – знание о надежности собственного знания возникает только в ретроспекции¹¹¹. Например, ясновидец Игорь не имеет особых причин за или против наличия у него сверхспособностей. На основании своих сверхспособностей Игорь приходит к выводу, что президент США находится в Киеве. По соображениям безопасности, в новостях показывают, что президент США в это время находится в Варшаве. Об этом же сообщают все источники в интернете. Позже оказывается, что Игорь действительно был прав и его способность ясновидения обладает высоким уровнем надежности. Однако предполагается, что в тот момент Игорь не знал о надежности своего ясновидения и о том, что президент США был в Киеве.

Другой пример подобного возражения – случай мистера Трутемпа, демонстрирующий отсутствие причин наличия того или иного знания.

«Предположим, что человек, которого мы назовем мистером Трутемпом, подвергается операции головного мозга у хирурга-экспериментатора, который изобрел небольшое устройство, являющееся одновременно очень точным термометром и вычислительным устройством, способным генерировать мысли. Устройство, назовем его темпокомп, было имплантировано в голову Трутемпа, так что самый кончик устройства, размером не больше булавочной головки, незаметно находится в его голове и действует как датчик, передающий информацию о температуре в вычислительную систему его мозга. Это устройство, в свою очередь,

¹¹¹ *BonJour, L.* Externalist theories of empirical knowledge. P. 59–61 // *Midwest studies in philosophy.* 1980. Vol. 5. P. 53–73.

посылает сообщение в его [Трутемпа – Д.Т.] мозг, заставляя его думать о температуре, зафиксированной внешним датчиком. Предположим, что темпокомп очень надежен, и поэтому его [Трутемпа – Д.Т.] мысли являются корректными мыслями о температуре. В общем, это надежный процесс формирования убеждений. Теперь представьте себе, наконец, что он [Трутемп – Д.Т.] понятия не имеет, что темпокомп вставлен в его мозг, лишь слегка недоумевает, почему он так навязчиво думает о температуре, но никогда не проверяет ее термометром, чтобы определить, правильны ли эти мысли о температуре. Он бездумно принимает их — еще один эффект темпокомпа. Таким образом, он думает и принимает, что температура 104 градуса. И это так и есть. Знает ли он, что это так и есть? Конечно, нет»¹¹².

Голдман соглашается с тем, что в таких случаях агент, согласно нашим интуициям, не обладает знанием¹¹³. Его объяснение – люди приписывают знание на основании знакомых им прототипов хорошего или плохого процесса достижения знания. В случае с ясновидцем у нас нет знакомого нам прототипа, поэтому многие люди интуитивно полагают, что Игорь не обладает знанием¹¹⁴. Хотя, с позиции релейабиллизма, ясновидец или Трутемп имеют надежную способность, и поэтому знают местонахождение президента США или температуру воздуха.

Раз надежность не является стопроцентно надежной, то возникает «проблема лотереи»¹¹⁵: какой должна быть эта вероятность? Допустим, некто S купил билет в лотерею. Вероятность проигрыша составляет 99,99%. Можно ли сказать, что мы знаем, что S не выиграет в лотерею? Кто-то согласится с этим. Кто-то скажет, что пока лотерея не закончилась, мы не можем знать, а лишь говорим с очень высокой

¹¹² Lehrer, K. *Theory of knowledge* Westview Press, 1990. P. 163–164.

¹¹³ Goldman, A.I. *Naturalistic epistemology and reliabilism* // *Midwest studies in philosophy*. 1994. Vol. 19. P. 301–320.

¹¹⁴ См. также попытку снять возражение через демонстрацию ненадежности метода формирования убеждения агентов. Nagel, J. *Knowledge and reliability* // Goldman and His Critics Wiley Online Library, 2016. P. 235–258.

¹¹⁵ Подробнее о проблеме лотереи см. Hawthorne, J. *Knowledge and lotteries*.

степенью уверенности. Если же может, то какой должна быть эта вероятность? В целом, эпистемологи обычно предполагают, что агент в проблеме лотереи не знает, что проиграет. Однако если агент уверен, что проиграет в лотерею и он через некоторое время действительно в нее не выигрывает, то тогда он обладает очень надежным истинным убеждением, которое согласно релейабелизму, следует считать знанием. Одно из возможных решений этой проблемы лежит в интерпретации ситуаций со знанием будущего. Мы не можем знать содержание будущего, потому что оно еще не наступило и в этом смысле, в момент покупки билета истины, что этот билет не выигрышный не существует, так как нет того, что делает пропозицию «агент не выиграет в лотерею» истинной.

Также релейабелизм сталкивается с проблемой «генерализации» (*generality problem*)¹¹⁶ или вопросом о том, как определять механизм формирования убеждений? Он может быть как достаточно общим, так и обладать узкой спецификой. В случае с амбарами это может быть как восприятие через органы чувств в целом, так и способность визуально определить по фасаду сущностные характеристики объекта, выглядящего как амбар. Какой из механизмов следует использовать в конкретных ситуациях, чтобы убеждение можно было считать знанием? Если механизм определить слишком широко, то из него необязательно последует, что он надежный: простое умение пользоваться чувственными данными не даст Генри надежного вывода о том, какой перед ним амбар. Если же слишком узко, то любое истинное убеждение будет приниматься за знание. Эта проблема адресуется не только релейабелизму, но и другим экстерналистским теориям знания.

Один из способов защиты экстерналистов от проблемы генерализации – это апелляция к тому, что она свойственна не только экстерналистским теориям, но и любому другому подходу¹¹⁷. Можно предположить, что механизм формирования

¹¹⁶ *Feldman, R., Conee, E.* The generality problem for reliabilism // *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. 1998. Vol. 89. No. 1. P. 1–29.

¹¹⁷ См. например *Bishop, M.A.* Why the generality problem is everybody's problem.

убеждений значим для любой теории знания. Допустим, у нас есть ученый, который обвинил своего коллегу в фальсификации данных исследования. У него были доказательства для разоблачения, но побудительным мотивом послужило не их наличие, а то, что он ненавидел своего коллегу. Интуитивно правильным будет считать, что такое разоблачение было результатом неправильных механизмов формирования убеждения. Поэтому любой эпистемологический подход должен иметь основания для того, чтобы критиковать недобросовестного ученого. Тем не менее, интерналисты склонны считать, что проблема генерализации – специфическая для экстернализма.

Защитники релайабилитета считают, что одно из достоинств их подхода – успешность прохождения теста Геттиера. В случае с часами – достаточно посмотреть на минуту позже, чтобы совершить ошибку. В случае с амбаром, он мог оказаться не настоящим, а декоративным, и Генри тогда допустил бы ошибку, приняв его за настоящий.

Другой аргумент в пользу надежности устроен следующим образом¹¹⁸. Мы можем выделить списки подходящих и неподходящих способов производства знания. К подходящим Goldman относит восприятие, интроспекцию, память и хорошие рассуждения (*good reasoning*). К неподходящим – «всего лишь подозрения», угадывание, запутанное рассуждение (*confused reasoning*) и, что представляет отдельный интерес для работы, принятие желаемого за действительное (*wishful thinking*). Первый список объединен тем, что эти способы производства знания являются надежными, тогда как второй список – это ненадежные способы. Получается, что знанию необходима надежность.

Идея того, что знание надежно, встроена в большое семейство теорий с разными формулировками и принципами устройства знания. Философы имеют много разногласий касательно тех механизмов, которые обеспечивают надежность,

¹¹⁸ Goldman, A.I. What is justified belief? // Justification and knowledge: New studies in epistemology Springer, 1979. P. 1–23.

и того, насколько строгими должны быть критерии надежности. Тем не менее, этот взгляд доминирует в современной эпистемологии¹¹⁹.

Случаи Геттиера построены на элементе удачи, маловероятном стечении обстоятельств. Незначительное отклонение от заданных случаем обстоятельств ведет к ложному убеждению. Насколько близкой должна быть эта альтернативная возможность? Ведь эта граница может определяться не практическими соображениями, а необходимостью пройти тест Геттиера во что бы то ни стало. Из существующих теорий анализа знания лучше всех справляются с проблемой Геттиера и при этом не сталкиваются с проблемой скептицизма теории, близкие к релейабелизму. Именно поэтому он снискал в конце XX века такую популярность среди эпистемологов. Но можно ли представить такой случай Геттиера, который опровергнет релейабелизм?

1.2.4. Условия надежности

В отслеживающей теории Нозика¹²⁰ и Дретске¹²¹, релейабелизме Голдмана¹²², а также в концепциях безопасности Сосы,¹²³ Причардса¹²⁴ и Уильямсона¹²⁵ разрабатывается схожий механизм, который том или ином виде свойственен знанию. Последние версии этого принципа получили название «условия безопасности» или «безопасность» (safety condition, также просто safety)¹²⁶. Для всех указанных философов, кроме Тимоти Уильямсона, безопасность или схожее по замыслу условие является необходимым компонентом знания. В первом приближении, модель знания, построенная на безопасности, выглядит так:

¹¹⁹ Turri, J. A new paradigm for epistemology: from reliabilism to abilism // Ergo. 2016. Vol. 3. No. 8. P. 189–231.

¹²⁰ Nozick, R. Philosophical explanations.

¹²¹ Dretske, F. Knowledge and the Flow of Information.

¹²² Goldman, A.I. Discrimination and perceptual knowledge.

¹²³ Sosa, E. A virtue epistemology. Vol. 1. P. 26–27.

¹²⁴ Pritchard, D. Sensitivity, safety, and anti-luck epistemology.

¹²⁵ Williamson, T. Probability and danger // The Amherst Lecture in Philosophy. 2009 No. 4. P. 1–35.

¹²⁶ Хорошим введением в условие безопасности будет Rabinowitz, D. The safety condition for knowledge // Internet Encyclopedia of Philosophy. 2011.

1. S убежден, что P
2. P истинно
3. Убеждение S соответствует условию безопасности.

Так, под безопасностью релейабиллизм Эрнста Сосы¹²⁷ предполагает следующее условие: убеждение S является безопасным, только если S верил бы что P, когда P истинно. В терминах возможных миров, безопасность Сосы формулируется как «S убежден, что P в близлежащем мире W, если P истинно в W»¹²⁸. Такая формулировка, по мнению Сосы, справляется с проблемой Геттиера и проблемой лотереи.

Переформулируем теперь безопасность Сосы в терминах необходимого условия для знания:

- S знает, что P, только если S верил бы, что P, когда P истинно.

Дункан Причардс формулирует свое условие безопасности следующим образом:

- S знает, что P, на основе принципа В, только если S не смог бы легко сформировать ложное убеждение на основе В.

Против этих двух видов безопасности, Нил Синхабабу и Джон Вильямс предложили следующую проблему лотереи¹²⁹. Представим, что вы по своей привычке делаете перерыв на дневной сон в промежуток между 16:00 и 17:00. Вы сверяете время сна по вашим надежным швейцарским часам. Так сегодня, проснувшись в 16:30 вы убедились, что сейчас именно половина пятого, посмотрев на часы, и были правы. Однако вам неизвестно, что эти часы были созданы

¹²⁷ Критику Э. Сосы, а также разбор некоторых других теорий знания, в том числе Т. Уильямсона на русском см. *Прись, Игорь Евгеньевич*. Эпистемология Эрнеста Сосы и другие теории знания.

¹²⁸ *Sosa, E.* How to defeat opposition to Moore // *Philosophical perspectives*. 1999. Vol. 13. P. 141–153. Цит. по *Blome-Tillmann, M.* Non-reductive safety // *Belgrade Philosophical Annual*. 2020 No. 33. P. 26.

¹²⁹ В этом случае особенно неочевидна разница между контрпримерами Геттиера и проблемой Лотереи. *Williams, J.N., Sinhababu, N.* The backward clock, truth-tracking, and safety // *The Journal of Philosophy*. 2015. Vol. 112. No. 1. P. 46–55.

секретным культом, поэтому именно в то время, когда вы засыпаете, стрелка циферблата мгновенно перескакивает с 16:00 на 17:00 и потом идет в обратном направлении. В тот момент, когда вы проснулись, чтобы проверить время, часы в силу совпадения показывали его точно. Авторы мысленного эксперимента предполагают, что в этом примере вы обладаете истинным убеждением и безопасностью, однако интуитивно, когда вы проснулись, у вас нет знания, что сейчас «16:30». Во всех близлежащих мирах, где было 16:30, вы не могли бы прийти к утверждению, что сейчас время, отличное от 16:30. В других близлежащих мирах, в которых вы проснулись чуть раньше или чуть позже, вы бы пришли к другому убеждению.

Блум-Тиллманн не возражает, что указанный пример срабатывает против указанных выше теорий знания Сосы и Причардса, однако демонстрирует, что есть такие условия безопасности, которые не сталкиваются с этим контрпримером¹³⁰. В качестве примера он формулирует на основании ранних работ Причардса¹³¹ следующее условие безопасности (далее М-безопасность):

- S знает, что P, на основе метода M, только если S не смог бы легко сформировать ложное убеждение на основе M.

В нашем случае таким методом будут часы. Они легко введут нас в заблуждение, если мы проснемся на минуту раньше или позже половины пятого. Соответственно, чтобы отвергнуть модель знания, построенную на указанном условии безопасности, достаточно привести контрпример. Эти условия являются необходимыми компонентами знания, поэтому в качестве контраргумента подойдет как очередной случай Геттиера или лотереи, так и пример, в котором у нас есть знание, но нет М-безопасности.

Блум-Тиллманн формулирует контрпримеры обоих типов, причем первый тип

¹³⁰ Blome-Tillmann, M. Non-reductive safety. P. 30.

¹³¹ Разбор условия безопасности Причардса на русском см. И.Е. Прись, Игорь Евгеньевич. О двух формулировках условия безопасности и эпистемическом риске. Разбор вопроса о допустимости удачи в познании на русском см. Черняк, А.З. Знание и удача.

контрпримера не достигает указанной цели в полной мере (М-безопасность справляется с контрпримером первого типа ¹³²). Рассмотрим пример второго типа – в котором субъект обладает знанием без условия безопасности.

Случай с небоскребом. Моррис прибывает на вокзал Чикаго. Желая узнать, как добраться до Сирс-Тауэр, он останавливает случайного прохожего. Так выходит, что прохожий оказывается глубоким знатоком Чикаго и всевозможных маршрутов по этому городу. Знаток города сообщает Моррису оптимальный маршрут до небоскреба, который находится в двух кварталах на восток от вокзала. Моррис формирует истинное убеждение с помощью указаний знатока городских маршрутов. Вместе с тем, знаток маршрутов ненавидит республиканцев. Если бы Моррис спросил его, как пройти до национального собрания республиканцев, то знаток бы его обманул. Метод, на основании которого Моррис узнал местонахождение Сирс-Тауэр, не отвечает условиям М-безопасности. При этом Моррис интуитивно обладает знанием. Кажется, этот контрпример отвергает все рассмотренные здесь условия безопасности.

Наконец, остается рассмотреть концепцию безопасности Тимоти Уильямсона. В теории Уильямсона, безопасность не является компонентом знания (подробнее см. главу 2). Однако, согласно Уильямсону, нет причин «сомневаться в интуитивном утверждении, что надежность необходима для знания»¹³³. Его концепция безопасности может быть лучше или хуже других концепций, поэтому ее целесообразно оценивать, исходя из устойчивости к контрпримерам ¹³⁴. Более того, если она предлагает хорошую формулировку безопасности, то она вполне может быть использована релейабилитами для защиты своего подхода.

Уильямсон предлагает следующую формулировку:

- «Для всех случаев α и β , если β близко к α и *некто* знает, что S имеет место

¹³² *Blome-Tillmann, M.* Non-reductive safety. P. 31.

¹³³ *Williamson, T.* Knowledge and its Limits. P. 100.

¹³⁴ *Goldman, A.* Williamson on knowledge and evidence // Williamson on knowledge. 2009. P. 75.

быть (obtains), то в β *некто* не верит ложно, что С имеет место быть»¹³⁵.

Алвин Голдман для опровержения концепции безопасности Уильямсона использует случай, придуманный Шеррилин Руш. «S имеет крестную фею, чей специальный модус оперирования – делать истинным все, во что верит S. Итак, для любого p, если S верит в p, то оно истинно. Более того, в близких контрфактических ситуациях крестная фея будет делать p истинным, если S верит в него»¹³⁶. Согласно Голдману, убеждения S являются эпистемически безопасными с позиции Уильямсона, однако интуитивно понятно, что S не обладает знанием в рассмотренном случае.

Этот пример мне не кажется удачным, так как предполагает другое устройство реальности, больше похожее на полноценный идеализм, где S функционально напоминает Творца. Знание в таком мире должно иметь другую природу.

Но есть и другие возражения. S смотрит на небо и видит Луну. Во всех различных сценариях, когда луна больше, меньше, другого оттенка и с другим рельефом, S узнает Луну. Однако в одном из возможных сценариев на небе появляется воздушный шар, который в силу занимаемой позиции по отношению к S легко спутать с Луной. Именно в эту оптическую иллюзию S попал бы в возможном сценарии.

Надежность Уильямсона подразумевает слабые вариации, в которых S не будет ошибаться¹³⁷. Согласно Голдману, сценарий с воздушным шаром является сильным отклонением от исходного сценария, поэтому безопасность Уильямсона не является подходящим критерием для знания. Если бы вариации были бы широкими, то критерий безопасности мог бы стать слишком строгим. Однако вопрос о близости этих сценариев остается открытым¹³⁸. Голдман в целом пытается

¹³⁵ *Williamson, T.* Knowledge and its Limits. P. 128.

¹³⁶ *Ibid.*, P. 76.

¹³⁷ *Ibid.*, P. 123.

¹³⁸ *Goldman, A.* Williamson on knowledge and evidence. P. 80.

обосновать, что у безопасности Уильямсона нет особых преимуществ перед его условием надежности (теорией релевантных альтернатив)¹³⁹.

На мой взгляд, Уильямсон удачно определил основную особенность знания – по поводу него не так просто ошибиться. В совершенно другой интеллектуальной традиции, связанной с антропологией науки, эта идея будет выражена в постоянной проверке и исправлении знания.

Возможно, философы пытаются дать слишком простую формулировку очень комплексному и чувствительному к контекстам явлению, которое принимает разные формы на разных уровнях реализации. На мой взгляд, представления аналитических философов об этой проблеме искажены субъектоцентричностью аналитических моделей знания (то есть предположением о том, что знание в первую очередь индивидуально). Знание существует в коллективах, сложных сборках людей и различных объектов, а не в отдельно взятых сознаниях. Эту мысль я буду развивать в главе 3. А пока оставляю открытым вопрос о том, какова же правильная формулировка условия надежности. Для текущих задач мне будет достаточно следующего широко определяемого критерия: убеждение *S* надежно, если относительно него *S* не будет легко ошибаться в схожих ситуациях. Именно такой критерий я буду использовать в параграфе «формулировка условий знания».

1.3. Пересмотр проблемы Геттиера

В предыдущем параграфе мы рассмотрели ряд формулировок, нацеленных на обеспечение надежности знания. Мы начали с попытки добавить к обоснованию условие «без ложных убеждений», затем перешли к попыткам заменить обоснование на другие критерии (надлежащую каузальную связь) или сделать критерий обоснования более строгим в релейабиллизме и родственных ему подходах. Однако все рассмотренные формулировки могут быть атакованы контрпримерами Геттиера.

¹³⁹ Ibid, P. 82-83.

Из рассмотренного выше возникает важный вопрос: неужели все теории знания можно опровергнуть, приведя контрпример? В статье 1994 года «Неизбежность проблем Геттиера» Линде Загзебски¹⁴⁰ удалось показать, что, если в теории знания существует разрыв между истиной и обоснованием (локальной надежностью, причинно-следственной связью, условием чувствительности, условием безопасности и так далее), можно создать случай Геттиера, который выступит в роли контрпримера к теории. Этот тезис справедлив как для интернализма, так и для экстернализма. В интернализме разрыв возникает из-за недоступности каких-то данных для носителя истинной пропозиции. Например, в случае Рассела с часами носитель не знает, что часы сломаны, но стрелки показывают правильное время. В экстернализме брешь возникает между тем, что приводит к истине, и самой истиной. Загзебски иллюстрирует этот разрыв разбором случая про муляжи амбаров: у нас есть надежный способ формирования истинных убеждений, который позволяет сказать, что амбар настоящий, однако на деле нам просто повезло с амбаром. Из всех амбаров мы выбрали единственный настоящий в силу совпадения. До тех пор, пока обоснованное, гарантированное (warranted) или надежное убеждение не ведет к истине с необходимостью, возможен случай Геттиера. Если же такая необходимость существует, тогда эта теория впадает в инфаллабилизм, а значит, уязвима для скептицизма.

Загзебски предлагает рецепт опровержения любых перспективных теорий в анализе знания. Работает он следующим образом. Придумываем ситуацию, в которой субъект убежден в истинной пропозиции. Добавляем к ситуации дополнительные условия, которые требует для знания теория, проверяемая на проблему Геттиера. Теперь нужно сделать так, чтобы случай удовлетворял условиям опровергаемой теории, но по случайному совпадению. Если после этого данный случай удовлетворяет условиям теории, но делает это в силу случайности, то теория опровергнута случаем Геттиера.

¹⁴⁰ Zagzebski, L. The inescapability of Gettier problems // The Philosophical Quarterly. 1994. Vol. 44. No. 174. P. 65–73.

Из-за того, что многокомпонентные теории знания уязвимы для проблемы Геттиера, открывается перспектива для того, чтобы или 1) переоценить общий подход к решению проблемы Геттиера или 2) отказаться от многокомпонентного анализа знания. Далее я рассмотрю (1) решение, а (2) решение будет раскрыто во второй главе.

1.3.1. Пересмотр оснований проблемы Геттиера

Ответ на вопрос о том, что такое знание, можно дать по меньшей мере на двух уровнях. Мы можем определить *термин* знание, то есть описать характеристики явления, по отношению к которому корректно использовать этот термин. Мы можем объяснить *природу* знания – ответить на вопрос «что такое знание» метафизически¹⁴¹. Например, указать на сочетание ментального состояния, пропозиции, объекта знания, особой связи между объектом и субъектом знания и прочее. Однако в дискуссии о знании эти два уровня объяснения с самого начала не разделялись¹⁴².

Единственный перспективный путь исследования знания – поиск ответа на метафизический вопрос о том, какова природа знания. Из описания развития дискуссии по проблеме Геттиера видно, что часто философы пытались найти понятие, которое будет соответствовать интуициям самих философов, и таким образом решить философскую задачу – объяснить, как устроено знание. Такой подход основан на предпосылке, что люди уже обладают правильными интуициями о природе знания – мы все примерно понимаем, что это такое. Все, что нам осталось – это правильно эксплицировать наши представления о знании. То, что философы не смогли прийти к удовлетворительному решению,

¹⁴¹ Под природой имеется в виду стандартное для аналитической философии словоупотребление, которое отсылает к содержанию положения дел, обычно в реалистической парадигме. Например, природа единорога – это ответ на философский вопрос «Что есть единорог». Под метафизикой понимается стандартное в аналитической философии словоупотребление, которое отсылает к собирательному термину, который означает область философии, занимающейся прежде всего тремя вопросами: «что такое X?» и «Существует ли X?», «как связан X с некоторой сущностью Y?», где X – философский термин.

¹⁴² Ichikawa, J.J., Jenkins, C.S.I. On Putting Knowledge 'First' // Knowledge First: Approaches in Epistemology and Mind. 2017. P. 113.

свидетельствует против этого подхода¹⁴³. Это также ставит под вопрос верность наших интуиций о знании. Если интуиции о знании могут быть ошибочными, то тогда непонятно, почему на основании проблемы Геттиера нам следует выбирать, какая теория лучше, если единственное преимущество таких теорий – они отвечают чьим-то интуициям. Интуиции – не самый лучший проводник в мире метафизики.

Менее серьезная проблема: на чьи интуиции мы опираемся? Если на интуиции профессиональных дискуссионщиков-эпистемологов, то почему их интуиции лучше, чем интуиции остальных людей? Любой человек регулярно сталкивается со знанием и зачастую имеет не меньший опыт взаимодействия с ним.

Остается оптимистичный выход из описанной ситуации, в котором мы предполагаем, что интуиции эпистемологов разделяют все остальные люди. Так это или нет – вопрос эмпирический. Репрезентативный опрос мог бы уверенно склонить чашу весов в ту или другую сторону.

В аналитической философии существует программа исследования интуиций – экспериментальная философия. Интуиции в проблеме Геттиера исследуются достаточно активно, но, к сожалению, часто на нерепрезентативных выборках студентов, которые записываются на курсы по эпистемологии¹⁴⁴, нередко – на платных опросах через интернет-сервисы¹⁴⁵. Как выглядят такого рода исследования? Обычно – преподаватели-эпистемологи своим студентам, с выборкой в пределах двух сотен человек, дают анкету. В ней заполняют возраст, пол, уровень образования, этническую и культурную принадлежность. Затем респондентам задают вопросы по случаям Геттиера. Исследователей интересует, как респонденты будут атрибутировать наличие знания в разных случаях.

¹⁴³ *Williamson, T.* Knowledge and its Limits. P. 30.

¹⁴⁴ Например *Weinberg, J.M., Nichols, S., Stich, S.* Normativity and epistemic intuitions // *Philosophical topics*. 2001. Vol. 29. No. 1/2. P. 429–460.

¹⁴⁵ Например *Starmans, C., Friedman, O.* The folk conception of knowledge // *Cognition*. 2012. Vol. 124. No. 3. P. 272–283.

Эти исследования предполагают, что большинство респондентов будет атрибутировать случаи знания верным образом. Огрубляя, если большинство, например 70%, считает, что в случае с красными амбарами Генри не обладает знанием, то, скорее всего, Генри действительно не знает, амбар перед ним или нет. Если это будет 85%, то данные можно считать еще более однозначными. Если бы мнение большинства не было хорошим ориентиром в области того, как устроено знание, то разумно предположить, что такие исследования не имели бы смысла.

Данные экспериментальных исследований по проблеме Геттиера можно обобщить несколькими заключениями. Начнем с того, что данные по интуициям относительно проблемы Геттиера выглядят устойчивыми и воспроизводимыми в разных исследованиях. Кроме того, сторонники интуиций в эпистемологии обоснованно заявляют, что бремя доказательства того, что интуиции зависят от пола или этнического происхождения, сейчас лежат на тех, кто хочет обосновать эту точку зрения, так как существующие исследования говорят об обратном – выраженной зависимости нет¹⁴⁶. Ну и наконец – кто имеет лучшие интуиции в вопросе о знании? Можно предположить, что философы, так как у них высокий уровень экспертизы по этой проблеме¹⁴⁷. На мой взгляд, это очень спорное предположение, однако исследования не показывают существенной разницы, которая бы была интересна для дискуссии, между интуициями философов и всех остальных¹⁴⁸. Важное исключение касательно случая с амбарами будет рассмотрено мною в следующем параграфе.

Остается ответить на одну из главных проблем для анализа знания: может ли интуиция в случаях Геттиера быть надежным инструментом в исследовании знания? Если не может, то стандартный анализ знания с самого начала не был

¹⁴⁶ Boyd, K., Nagel, J. The reliability of epistemic intuitions. P. 117 // Current controversies in experimental philosophy Routledge, 2014. P. 109–127.

¹⁴⁷ Это малоперспективная для защиты позиция. Ее критику можно найти в Weinberg, J.M., Nichols, S., Stich, S. Normativity and epistemic intuitions; Weinberg, J.M. et al. Are philosophers expert intuiters? // Philosophical Psychology. 2010. Vol. 23. No. 3. P. 331–355.

¹⁴⁸ Boyd, K., Nagel, J. The reliability of epistemic intuitions. P. 121–122.

многообещающим проектом. Один из ответов – да, может, потому что у нас есть повторяющиеся данные об интуициях, которые не обусловлены культурными особенностями их носителей. Во многих случаях эти данные позволяют выделить значительное доминирование определенных интуиций¹⁴⁹. Другой ответ – мы очень плохо понимаем, откуда берутся эти интуиции и как они работают. Пока мы не исследуем природу этих интуиций с научной точки зрения, мы не можем правильно оценить надежность интуиций¹⁵⁰.

Еще одно развитие этой линии критики интуиций в эпистемологии выражается в идее о том, что интуиции – ненадежный источник познания, поэтому нам не следует на них опираться. Однако философские интуиции в эпистемологии не имеют какой-либо особой специфики в сравнении с интуициями в других сферах философии. Отказ же от интуиций в познании ведет к глобальному скептицизму, так как любое познание имеет в своем основании интуиции¹⁵¹.

Я думаю, что главная проблема для этих экспериментов в том, что взгляды большинства не дают ответов на искомые нами вопросы. Так, если 40% людей имеют одни интуиции, а 60% – другие, то в мире метафизики это малополезный результат. Но даже результат в 85% в пользу того или иного взгляда по конкретному случаю Геттиера нельзя считать сильным доводом. На мой взгляд существует проблема в интерпретации этих данных: как соотносится надежность интуиции с ее распространенностью?

Корнблиз предполагает, что исследование эпистемических интуиций – начальный этап исследования знания, который эпистемологи переросли¹⁵². В начале исследования люди опираются на интуиции, что естественно для исследовательских проектов и в философии, и в науке. Однако по мере развития

¹⁴⁹ Ibid

¹⁵⁰ Alexander, J., Weinberg, J.M. The "Unreliability" of Epistemic Intuitions // Current controversies in experimental philosophy Routledge, 2014. P. 128–145.

¹⁵¹ Williamson, T. Philosophical criticisms of experimental philosophy // A companion to experimental philosophy / Ed. by J. Sytsma, W. Buckwalter. Wiley Blackwell, 2016. P. 22–36.

¹⁵² Kornblith, H. Knowledge and its Place in Nature. P. 15.

исследований, мы должны начать опираться на более серьезные инструменты, прежде всего на науку¹⁵³. В случае с эпистемологией это – когнитивные исследования¹⁵⁴. Дело в том, что кабинетная философия не дает привилегированного доступа к эпистемическим состояниям сознания. Вот пример классической реконструкции происхождения убеждений. Мы берем любое убеждение. Анализируя источник убеждения, скорее всего, мы обнаружим другие убеждения. Аналогичную процедуру проделываем с этими убеждениями. И так, пока не дойдем до базовых убеждений, которые позволят закончить рефлексю¹⁵⁵. Однако исследования показывают, что исходные убеждения часто являются результатом рационализации, а не точной реконструкции каузальных связей приобретения убеждений¹⁵⁶.

Если бы ментальная «часть» знания была определяющей, как это происходит в интернализме, или единственной, как в программе «сначала знание», то это бы придало вес когнитивным исследованиям, потому что природа знания в таком случае была бы по преимуществу скрыта в устройстве ментальных состояний. Я придерживаюсь противоположного взгляда и поэтому считаю, что знание «распределено» в сущностях, внешних по отношению к носителю знания. С этой позиции плодотворное междисциплинарное взаимодействие теории знания возможно не только с психологией, но и с антропологией и социологией. Подробнее я разберу этот вопрос в параграфе «нарушение конвенций» третьей главы.

Наконец, стоит отметить важную проблему, связанную с концептуальным инжинирингом знания. Когда мы определяем некоторую сущность, можно исходить из того, что она состоит из инварианта, наличие которого обеспечивает

¹⁵³ Корнблиз – натуралист и предполагает, что философии следует находиться под сильным влиянием естественных наук.

¹⁵⁴ Kornblith, H. *Second Thoughts and the Epistemological Enterprise*. Cambridge University Press, 2019. P. 158.

¹⁵⁵ Этот метод описан в *Chisholm, Roderick Milton. Theory of knowledge*.

¹⁵⁶ Kornblith, H. *Second Thoughts and the Epistemological Enterprise*. P. 161.

знание. Однако это не обязательно так. Например, Эрик Олсон предполагает, что в определении знания следует опереться на методологию научных определений Рудольфа Карнапа¹⁵⁷. Этот метод направлен на определение научных терминов через уже существующие термины. Например, есть общие представления о том, что такое рыба. Наука, руководствуясь этими представлениями, дает точное определение. В нем касатки не будут рыбами, хотя, не обладая научными данными по этому поводу, можно прийти к другому выводу. Такое конструирование понятия состоит из четырех требований к научным определениям:

1. То, на основании чего выводится определение (*explicandum*), должно быть схоже с новым понятием (*explicatum*). Значительная разница между *explicandum* и *explicatum* допустима.
2. Правила использования *explicatum* должны быть даны в строгой форме и встроены в систему научных понятий.
3. *Explicatum* должен быть плодотворным понятием, давая возможность для значительного количества универсальных высказываний.
4. *Explicatum* должен стремиться к простоте, насколько это возможно, исходя из того что позволяют первые три требования¹⁵⁸.

По задумке Олсона, (1) правило позволяет не решать проблему во всех ситуациях – исключения позволительны, более того, релейабелизм хорошо удовлетворяет требованиям (2)–(4). Карнаповский экспликационизм является более перспективным и лучше зарекомендовавшим себя методом, чем концептуальный анализ. Поэтому случаи Геттиера не являются проблемой для тех подходов, которые с самого начала допускают подобные ситуации в очень редких случаях.

¹⁵⁷ *Olsson, E.J.* Gettier and the method of explication: a 60 year old solution to a 50 year old problem // *Philosophical Studies*. 2015. Vol. 172. No. 1. P. 57–72.

¹⁵⁸ *Carnap, R.* Logical foundations of probability. Vol. 2. Chicago: The University of Chicago Press, 1962.

Так это или иначе, решение проблемы Геттиера не даст ответ на вопрос «какова природа знания?», так как одних интуиций недостаточно. Но, как справедливо замечает Тимоти Уильямсон, в анализе знания, эпистемологи нередко отметили теорию на основании лишь одной интуиции¹⁵⁹. Однако это не значит, что все теории, возникшие в рамках анализа знания, становятся бессмысленными. Если изменить предпосылки, на которых должна строиться хорошая теория знания, то у некоторых теорий будут более твердые основания, и, как следствие, они будут представлять больший интерес.

Остается без ответа вопрос о ценности настоящего исследования: действительно ли важно решить проблему знания? Люди успешно познают мир без эпистемологов. Быть может, исследования философами этой проблемы – не более чем удовлетворение своих странных интересов? Часть ответа состоит в том, что знание – это то, что хорошо само по себе. Когда мы пытаемся понять одну из самых важных связей человека с миром, ценность ответа обеспечена, даже если в этом нет практической пользы. Другая часть ответа – концепции знания создают набор из практически значимых проблем, главная из которых – проблема скептицизма. Среди людей – огромное количество скептиков. Возможно, что верная теория знания окажется хорошим лекарством от скептицизма. По крайней мере, контекстуализм и условие чувствительности претендует именно на это. Другая надежда, которую я возлагаю на хорошую теорию знания – хорошая экспликация природы знания даст ясность в понимании знания и позволит гораздо лучше и продуктивнее различать элементы, из которых состоит познание людей – познание, полное неясности, неточности и ошибок, и в этом смысле сделает наши убеждения более надежными, позволяя приходить к истине чаще и защищать ее лучше, чем если бы мы не руководствовались добродетелями познания. В заключительном параграфе настоящей главы я буду доказывать, что условие надежности

¹⁵⁹ *Williamson, T. Philosophical criticisms of experimental philosophy.*

необходимо для знания, и что это обусловлено нормативными эпистемическими соображениями¹⁶⁰.

1.4. Защита условия надежности

Люди очень успешны в своих познавательных практиках¹⁶¹. Это означает, что при познании они должны руководствоваться адекватными интуициями. Поэтому, если положения некоторой теории знания разделяются большинством, это будет серьезным преимуществом. Ключевой вопрос касательно надежности в «народной эпистемологии» (folk epistemology) можно сформулировать так: является ли надежность необходимым условием для знания?

Релайабиллизм позиционируется Голдманом как теория, соответствующая «народной эпистемологии»¹⁶². Это эмпирический тезис, который можно проверить применительно к поставленному вопросу.

Как показывают экспериментальные исследования, релайабиллистская интуиция по поводу того, что надежность в знании необходима, не распространена за пределами философского сообщества¹⁶³. Схожие данные были получены при тестировании в схожих по смыслу мысленных экспериментах, где агент не отличает обезьяну-альбиноса от снежной обезьяны на дереве¹⁶⁴. Более того, повышение вероятности Генри сделать ошибку не влияет на приписывание знания¹⁶⁵. Я подробнее остановлюсь на серии экспериментов, проведенных

¹⁶⁰ Достижения параграфов 1.2. и 1.3. резюмируются мною в статье *Демин Т.С., Фролов К.Г.* Машины и человеческая эпистемология. С. 20-24 // Дискурс – 2022. – Т. 8. – № 2. С. 17-27.

¹⁶¹ Материал настоящего параграфа был опубликован в *Демин Т. С.* В защиту условия надежности: знание как основание для действий, ошибка подтверждения и принятие желаемого за действительное // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2023. – №. 74. С. 5-16

¹⁶² *Goldman, A.I.* Epistemic folkways and scientific epistemology. P. 272 // *Philosophical Issues*. 1993. Vol. 3. P. 271–285.

¹⁶³ *Horvath, J., Wiegmann, A.* Intuitive expertise and intuitions about knowledge // *Philosophical Studies*. 2016. Vol. 173. P. 2701–2726; *Turri, J.* Knowledge and assertion in “Gettier” cases // *Philosophical psychology*. 2016. Vol. 29. No. 5. P. 759–775.

¹⁶⁴ *Turri, J.* Vision, knowledge, and assertion // *Consciousness and cognition*. 2016. Vol. 41. P. 41–49.

¹⁶⁵ *Colaço, D. et al.* Epistemic intuitions in fake-barn thought experiments // *Episteme*. 2014. Vol. 11. No. 2. P. 199–212.

Джоном Турри, которые показывают, что надежность слабо влияет на приписывание знания агентам¹⁶⁶. Вот описание одного из таких экспериментов.

Участников случайно разбивают на четыре группы по двум параметрам: способ формирования убеждения (угадывание/способность) и вероятность успеха (30%/90%). Им дают прочитать про исследование, которое отличается по этим параметрам в четырех возможных комбинациях. Указанные параметры в цитируемом далее тексте, который отображается на экране перед испытуемыми, заключены в квадратные скобки:

«Когнитивные ученые исследуют границы человеческого восприятия. Один из экспериментов исследует, могут ли люди прочитать слова на экране за 120 миллисекунд. Это настолько быстро, что почти все испытуемые вынуждены угадывать. Меньше одного процента их показаний верны.

Но Кэролин не нуждается в том, чтобы гадать. У нее есть специальная способность определять слова, мелькающие настолько быстро. Ученые думают, что это как-то связано с уникальной особенностью ее зрительных нервов. Невероятно, но [тридцать/девять] процентов ответов Кэролин – правильные.

Сегодня Кэролин проходила тест с мелькающими словами снова. Слово «кукуруза» промелькнуло на экране, и Кэролин сообщила – «кукуруза». Она [использовала свою специальную способность/угадывала в этот раз], когда оказалась права».

После прочтения этого текста участники эксперимента должны были выбрать между вариантами «Кэролин знает, что было слово кукуруза» или «Кэролин только думает, что было слово кукуруза», и оценить уверенность своего ответа по шкале от 1 до 6, где 1 – совсем не уверен(а), и 6 – полностью уверен(а). После этого в следующем окне на экране появляется проверка на манипуляцию:

¹⁶⁶ *Turri, J. A new paradigm for epistemology.*

«Ученые выяснили, что, когда Кэролин проходит тест на мелькание слов, примерно (1%/30%/90%) ее ответов верны».

В этом эксперименте 90% испытуемых правильно запомнили степень надежности способности Кэролин. Дальнейшая аргументация Турри такова: 30% надежности – это очень мало для релейабиллизма. Поэтому если релейабиллистские интуиции действительно распространены, то для большинства испытуемых уровень приписывания знания в случае с 30% надежностью познавательной способности Кэролин будет низким. Далее, разница в 30% и 90% надежности для релейабиллизма является существенной, поэтому, согласно логике этой теории, люди в случае 30% надежности должны гораздо менее охотно атрибутировать знание, чем в случае с 90% надежностью.

Предсказания релейабиллизма не срабатывают ни в одном из девяти экспериментов, которые провел Турри. В рассматриваемом здесь случае результаты оценки знания не отличались между 30% и 90% угадыванием, или 30% и 90% способностью, однако в случае с угадыванием они были ниже средней оценки в 3 балла. Как и в других экспериментах, для испытуемых способность является существенным фактором при приписывании знания агентам.

В других экспериментах Турри смог продемонстрировать, что люди понимают смысл надежности, но не принимают этот фактор в приписывании знания. Они не разделяют важность принципа анти-удачи – идеи, что надежность исключает эпистемически проблематичную удачу, важную для релейабиллизма Дункана Притчарда¹⁶⁷. Эти данные не показывают разницы в случае с различными способами исследования (тестами и заданиями), мужчинами и женщинами, источниками информации (памятью и зрением).

Значимость параметра «способ формирования убеждения» (угадывание/способность) при приписывании знания испытуемыми для Турри

¹⁶⁷ Pritchard, D. There cannot be lucky knowledge // Contemporary debates in epistemology. Vol. 2 / Ed. by M. Steup, J. Turri, E. Sosa. Malden, Massachusetts: Wiley-Blackwell, 2013. P. 152–164.

свидетельствует в пользу теории, которую он называет «абилизм». Согласно абилизму, знание – это истинное убеждение, сформированное практикуемыми способностями. Эти способности могут быть ненадежными, важно, что они используются людьми в эпистемической практике и способны достигать истины.

В интернет-опросе Турри на выборке в 209 человек (резиденты США) было показано, что существует связь между приписыванием знания (Дженис утверждает, что ее лотерейный билет проигрышный), истинностью пропозиции (Это правда, что лотерейный билет Дженис проигрышный) и знанием (Дженис знает, что ее лотерейный билет проигрышный)¹⁶⁸.

Этот момент важен для дальнейшей аргументации, так как во всех тестируемых философами ситуациях истинность знания не ставится под сомнение. Как уже было рассмотрено в параграфе «Инфаллабилизм и скептицизм», за этим допущением стоит большая философская традиция, согласно которой знание необходимо обладает свойством истинности¹⁶⁹.

Проблема маркера истинности во всех эпистемических ситуациях в том, что здесь задействуется принцип «телепорта» от положений дел к ментальным состояниям¹⁷⁰. На практике мы не можем получать истину *per se*, словно у нас есть мгновенный божественный доступ к вещам, таким, какие они есть на самом деле. За возможным исключением в виде знания по знакомству (*by acquaintance*), мы достигаем истины посредством познавательных процедур. В нормальной эпистемической ситуации люди судят о качестве убеждений исходя из того, насколько успешно они достигают истинности. И если основания для успешного достижения истинных убеждений – ненадежные, то атрибутировать знание в таких ситуациях кажется поспешным.

¹⁶⁸ Turri, J. Knowledge attributions in iterated fake barn cases // *Analysis*. 2017. Vol. 77. No. 1. P. 104–115.

¹⁶⁹ Dutant, J. The Legend of the Justified True Belief Analysis.

¹⁷⁰ Latour, B. A Textbook Case Revisited. Knowledge as mode of existence. P. 89–90.

Введение истинного убеждения у агентов в мысленных экспериментах по умолчанию упрощает приписывание знания. Если бы информанты не знали статус истинности пропозиции, результаты, скорее всего, были бы другими. Однако во всех стандартных эмпирических ситуациях мы судим о наличии знания исходя из способа, которым оно достигается, а не с помощью «телепорта» от убеждения к истине.

Вот как бы мог выглядеть текст эксперимента, который проверяет стандартную ситуацию, в которой мы атрибутируем эмпирическое знание: Кэролин смотрит на экран. У нее есть способность с 30% надежностью узнавать мелькающее с 120 миллисекундной задержкой слово. В 70% ситуаций, когда Кэролин опознает слово, она совершает ошибку. Кэролин увидела слово «надежность». Знает ли она, что слово, которое было на экране, действительно «надежность»?

Я предполагаю, что эти тесты дадут предсказуемо низкий результат в атрибуции знания. У этого есть несколько причин. Первая и самая главная причина, наиболее распространенная познавательная цель в адекватной¹⁷¹ эпистемической ситуации – истина. Этот тезис требует эмпирических подтверждений, однако широко распространен в среде эпистемологов¹⁷². Вторая причина – мы не знаем, что там было на экране, но познавательная способность Кэролин – слишком плохой довод в пользу ее правоты.

Дискуссия об атрибуции знания в случае с амбарами мне кажется хорошей иллюстрацией того, как современная эпистемология уводит нас в ненужную сторону. Хорошая теория знания не только должна верно идентифицировать, знает ли Кэролин, что написано на экране, но и определять качество убеждений в ситуациях, когда истинность пропозиций неизвестна иначе, кроме как через те способы, которые даны самому агенту. Это очень важная идея, потому что она

¹⁷¹ То есть в такой, которой агент действительно хочет знать, а не убедить себя в желаемом, навязать свою точку зрения и так далее.

¹⁷² *David, M.* Truth as the epistemic goal. P. 151–152 // Knowledge, truth, and duty. 2001. P. 151–169.

позволяет оценивать качество познавательных процедур и предписывать нормативные эпистемические действия агентам исходя из критериев теории знания. Если знание – это хорошо, то наилучшая теория не только говорит, когда мы его достигаем, но и какими критериями нам следует руководствоваться, чтобы достичь знания. Истина в этом вопросе будет универсальным критерием для почти любой теории знания в современной эпистемологии. Отличие всех теорий в том, что предшествует тому моменту в познании, когда мы соглашаемся, что агент достиг истины.

В следующем параграфе я проиллюстрирую этот тезис демонстрацией того, как по-разному будут работать каузальная теория, абилизм и релайабилизм, если мы откажемся от критерия истинности как чего-то данного нам эпистемологами в мысленных экспериментах.

1.4.1. Нормативный аспект теорий знания

Согласно исследовательской программе «Эвристики и когнитивные искажения»¹⁷³ одна из важных эпистемических ошибок – ошибка подтверждения (*confirmation bias*). Она основана на склонности людей подтверждать свои предположения и возникает, когда такие подтверждения идут в ущерб исключению релевантных альтернатив и приводят к ложным убеждениям.

Иногда желание подтвердить свое суждение является разумной практикой. Например, когда доктор пытается подтвердить наличие опухоли, или когда водитель проверяет, действительно ли парковка является бесплатной.

Философ Насим Николас Талеб предполагает, что в эволюционном отношении эпистемология подтверждения (он ее называет наивный эмпиризм) была результативной практикой для наших далеких предков из африканских саванн. Однако она систематически вводит нас в заблуждение в современном мире¹⁷⁴. Я

¹⁷³ *Tversky, A., Kahneman, D.* Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases: Biases in judgments reveal some heuristics of thinking under uncertainty. // *science*. 1974. Vol. 185. No. 4157. P. 1124–1131.

¹⁷⁴ *Taleb, N.N.* The black swan: The impact of the highly improbable. Vol. 2 Random house, 2007. P. 53–55.

буду называть эпистемологию, которая нацелена только на подтверждение истинности пропозиций, позитивной эпистемологией.

Наивному эмпиризму Талеб противопоставляет негативный эмпиризм¹⁷⁵. Согласно этому подходу, при вынесении суждений следует исключать возможные опровержения суждений. Этот взгляд основан на двух идеях: 1) значительная часть реальности недоступна нашему познанию, а наше знание очень ограничено, 2) агенты легко подтверждают свои взгляды в том случае, если у них есть такое намерение. Идея (1) является философским тезисом, который пересекается с философскими дискуссиями о реализме и скептицизме. Идея (2) является эмпирическим тезисом и имеет реализацию на психологическом уровне, в частности, в виде склонности мышления делать умозаключения и выдавать желаемое за действительное¹⁷⁶. Далее я рассмотрю принятие желаемого за действительное как частный случай эпистемически нежелательной практики, которая позволит обосновать преимущество надежности перед другими критериями знания.

Принятие желаемого за действительное имеет место, когда люди готовы принять убеждение на основании того, что оно отвечает их интересам.

В литературе по этой теме существует дискуссия о том, когда действительно имеет место принятие желаемого за действительное, так как во многих ситуациях возможны альтернативные объяснения, связанные, например, с самооценкой¹⁷⁷ или с тем, что такое принятие имеет рациональную основу.

¹⁷⁵ Ibid, P. 56-58

¹⁷⁶ Существуют исследования связи между предшествующими ситуации убеждениями и влиянию прагматических соображений на переоценку убеждений. Они показывают, что испытуемые имеют более сильную отзывчивость на прагматические соображения, в сравнении с предшествующими убеждениями. Это является хорошим доводом в пользу значимости принятия желаемого за действительного. См. *Bastardi, A., Uhlmann, E.L., Ross, L.* Wishful thinking: Belief, desire, and the motivated evaluation of scientific evidence // *Psychological science*. 2011. Vol. 22. No. 6. P. 731; *Mijović-Prelec, D., Prelec, D.* Self-deception as self-signalling: a model and experimental evidence // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2010. Vol. 365. No. 1538. P. 227–240.

¹⁷⁷ *Köszegi, B.* Ego utility, overconfidence, and task choice // *Journal of the European Economic Association*. 2006. Vol. 4. No. 4. P. 673–707.

Хороший пример исследования принятия желаемого за действительное – эксперимент с биржевыми игроками¹⁷⁸. Испытуемых разделили на две группы. Затем им были показаны графики с ценами на пшеницу. Обе группы получали бонус за степень точности предсказаний в поведении цены в будущем. Одна из групп получала дополнительное вознаграждение, если ставила на рост стоимости пшеницы, а другая – если цена на актив падала. Чтобы исключить рациональные соображения оправданного риска, формула выигрыша была сделана таким образом, чтобы именно точность предсказания максимизировала прибыль. То есть с точки зрения рациональных оснований, дополнительный бонус от роста или падения активов не должен влиять на их оценку. Так как обе группы получили одно и то же задание, то возможная разница в оценках не объясняется когнитивными ошибками или влиянием самооценки (*ego-utility*).

Результаты исследования показывают, что люди имеют склонность оценивать реальность исходя из того, какой они хотели бы ее видеть.

Принятие желаемого за действительное – один из важных механизмов, позволяющих людям систематически подтверждать свои убеждения, игнорируя устройство реальности. Это позволяет придерживаться откровенных заблуждений, даже когда они приносят вред носителям этих убеждений. Накапливание новых данных легко может приводить к укреплению веры в заблуждения, так как все эти данные будут отбираться с целью подтвердить эти убеждения, а, например, не фальсифицировать их.

Ошибка подтверждения и принятие желаемого за действительное – два ярких примера того, как имплицитно (или эксплицитно) предполагаемая в таких случаях теория познания приводит к неверным выводам с высокой степенью вероятности. Разумно предположить, что хорошая теория знания позволяет избегать эти ошибки.

¹⁷⁸ *Mayraz, G. Wishful thinking // Behavioral & Experimental Economics eJournal. 2011.*

Однако теории знания в эпистемологии не всегда подразумевают, что предлагаемые ими критерии знания помогают улучшить познавательные практики. Назовем такие теории нормативно нейтральными теориями. Любая нормативно нейтральная теория может быть прочитана как теория, которая предписывает агентам, как правильно пользоваться знанием. Однако такого рода экспликация теории зачастую является неудачной.

Так, каузальная теория может довольно успешно приводить к истине. Тем не менее, каузальная теория – это пример позитивной эпистемологии. У нее недостаточно ресурсов для исключения ошибки подтверждения. Если каузальная цепочка подтверждает истинность убеждения, то, исходя из логики раннего Голдмана, она является подходящей для формирования знания. И так как у нас нет прямого доступа к эмпирической реальности, то мы делаем вывод об истинности исходя из качества каузальной цепочки.

Эта проблема может быть адресована и к абилизму. Так как абилизм не предполагает надежность способностей, отвечающих за формирование знания, то такие способности в обычных ситуациях не имеют ресурсов против принятия желаемого за действительное и, шире, против ошибки подтверждения.

Исходя из этого, можно заключить, что такие теории могут быть состоятельны только в том случае, если мы будем рассматривать их как нормативно нейтральные теории.

Оптимальное возражение против моей атаки на абилизм, каузальную теорию или любые другие теории позитивной эпистемологии¹⁷⁹ будет в таком случае заключаться в тезисе, что нормативная нейтральность теории знания не является ее недостатком. Например, это так, потому что цель теории знания – корректно приписывать знание только в случаях с заданным значением истинности. Если

¹⁷⁹ На первый взгляд, любая теория знания, которая не содержит механизмов надежности в качестве необходимых условий, должна быть слабой теорией для практики негативной эпистемологии. Возможно построение такого критерия, который будет исключать релевантные сценарии и при этом не будет связан с надежностью, однако мне такой критерий не известен.

принять реализм, в котором истина определяется положением дел, то приписывание знания или соответствует положению дел, или нет. Знание фактивно, но наличие эпистемического доступа к фактивности знания (это будет случай знания о знании – знание второго порядка) не является обязательным. Если в процитированном эксперименте с Кэрولين она не достигает истины, то это не будет случаем знания. Тогда как в случае с приписыванием знания о Р в ситуации, когда мы судим о наличии истинности, исходя из того, как S пришел к заключению, что Р, приписывание будет верным, только если Р действительно истинно.

Нормативно нейтральные теории знания должны предполагать, что способы надлежащего достижения знания и способы атрибуции знания – это две разные теории. Одна теория предписывает, как познавать мир, тогда как другая теория объясняет, когда агент достигает знания, а когда нет.

Этот ход сталкивается по меньшей мере с двумя недостатками.

Во-первых, полностью установленное знание является непроблематичным для агентов. Теория, которая работает только со знанием с установленной истиной – бесполезна в эпистемической практике.

Во-вторых, теории знания, сосредоточенные на готовом знании, имеют гораздо более низкий объяснительный потенциал. Это означает, что они применимы только к полностью сформированному знанию, но не применимы к знанию, где у нас нет установленной альтернативным образом истины. Если теория объясняет случаи прозрачного и непрозрачного в отношении истинности знания, то, при прочих равных, она лучше.

Таким образом, в ситуации, когда теория предписывает знание исходя из тех же критериев, из которых она задает нормативную практику познания, она а) объясняет более экономным способом более широкий спектр ситуаций, и б) является полезной теорией, так как дает критерии надлежащего познания (например, дает нормативные предписания как избежать ошибку подтверждения или принятие желаемого за действительное). Теории, содержащие критерий

надежности, обладают этими двумя преимуществами, тогда как абилизм или каузальная теория – нет.

Заключение к первой главе

В первой главе был показан наиболее распространенный путь поиска ответа на вопрос о природе знания – разложить знание на компоненты. На роль ментального компонента в таком случае выбирают убеждение. Нементальный компонент – истина. Было продемонстрировано с опорой на авторитетные исследования, что большую часть истории философии доминировал классический инфаллабиллизм, согласно которому знание – это истинное убеждение с различным свойством истинности. Эта позиция предполагала слишком строгие критерии, которые вели к скептицизму. После этого был рассмотрен скептический аргумент. Было продемонстрировано, что он основан на скептической гипотезе и принципе эпистемической замкнутости (если S знает, что P , и знает, что из P следует Q , то S знает, что Q). Если я не знаю, в матрице ли я или нет, то как я могу знать, что у меня есть руки? На скептическое возражение был предложен ряд ответов, которые, как было указано рядом критиков, выглядят решениями *ad hoc*. Была описана логика, согласно которой, под давлением скептицизма философы принимают фаллабиллизм – идею, что обоснование не может гарантировать истину. Затем было описано, как Геттиер предлагает способ опровержения фаллабилистских теорий путем построения контрпримеров. Возникает проект анализа знания, в котором философы пытаются найти компоненты, которые делают обоснованное истинное убеждение знанием. Однако, как было доказано, даже самые сильные теории, принадлежащие к семейству релайабиллизма, сталкиваются с контрпримерами. Так как в фаллабиллизме существует зазор между тем, что ведет убеждение к истине (например, обоснование) и самой истиной, то, по всей видимости, этот зазор для фаллабилистских теорий неизбежен. Далее были рассмотрены альтернативные выходы из проблемы Геттиера: изменить критерии выбора теории, снизив значимость проблемы Геттиера, принять во внимание роль эмпирического материала, охарактеризовать вид объектов, к которым принадлежит

знание, и на основе абдукции имеющихся данных прийти к выводу. Были предложены доводы Корнблиза, согласно которым, исходя из указанной методологии, релейабиллизм – это верная теория. Затем было продемонстрировано, как Олсон подкрепляет эту логику тем, что, по правилу экспликации понятий, редкие исключения из общего принципа допустимы, если удовлетворяются другие критерии экспликации. Было подтверждено, что принятие этой позиции позволяет снизить значимость проблемы Геттиера, так как сложные версии этих случаев – ситуация крайне маловероятная в реальности. Затем была предложена аргументация, согласно которой, теориям, не имеющим условия надежности, не хватает ресурсов для того, чтобы быть хорошими нормативными теориями и предписывать агентам то, как следует достигать знания. Были предложены доказательства, согласно которым, теории знания без надежности не продуктивны в ситуациях с ошибкой подтверждения и с принятием желаемого за действительное. Был предложен тезис, согласно которому, если теория знания может описывать случаи непроблематичного знания с предзаданной истиной и случаи знания без предзаданной истины, давать нормативные рекомендации, в частности, иметь ресурсы для работы с ошибкой подтверждения и принятием желаемого за действительное, то такая теория будет гораздо более перспективной. Исходя из этого тезиса, теории знания, принимающие критерий надежности, обладают преимуществом перед всеми остальными теориями.

Глава 2. Контекстуализм и теория “сначала знание”»

Введение ко второй главе

В этой главе будут рассмотрены те теории, которые решают проблему скептицизма или проблему Геттиера неприсущим для анализа знания способом и в этом смысле – нетривиальным. Эта глава начнется с разбора *контекстуализма* – теории знания, которая утверждает, что знание чувствительно к контексту. Это дополнение может быть по-разному встроено в другие теории знания, и даже необязательно может быть частью анализа знания. Далее, я затрону *импуризм*, или, по-другому – *прагматическое вторжение* (*pragmatic encroachment*)¹⁸⁰. Эти два подхода нередко отвергаются вместе, так как против них существуют общие аргументы. Контекстуализм и импуризм атакуют *инвариантизм* – представление о том, что знание может пониматься только в эпистемических терминах. Чтобы отказаться от этих подходов, нам нужно доказать, что все спорные случаи, связанные с *проблемой атрибуции* знания, инвариантизм решает не менее убедительно. В частности, он должен иметь экономные объяснения в ситуациях, когда к одному и тому же знанию предъявляются разные требования. Таким образом выведение к наилучшему объяснению позволяет выбирать предпочтительное решение. Контекстуализм имеет отдельный от импуризма недостаток уступки скептицизму.

После разбора проблемы атрибуции знания будет рассмотрена программа «сначала знание» – перспективный взгляд, согласно которому знание – это разновидность ментальных состояний, которые являются *фактивными* (то есть истинными). Я попытаюсь обосновать, почему эта влиятельная и яркая теория все же не является удовлетворительной. На это есть по меньшей мере две причины: она

¹⁸⁰ На русском см. подробнее *Хорт М. Г.* Контекстуализм: ставки и прагматическое вторжение // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2020. – №. 4. – С. 161-168.

не дает плодотворного объяснения других фактивных ментальных состояний и она неверно локализует знание в мире.

2.1. Контекстуализм

Подобно тому, как дефляционисты считают, что нет такой универсальной сущности, как истина, можно предположить, что нет такой сущности, как знание¹⁸¹. У нас есть причины считать, что это может быть так: это бы объясняло, почему нет решения проблемы Геттиера – потому что нет универсальной природы знания. Это бы намечало решение проблемы скептицизма. Так, если знания не может быть в принципе, то и скептический тезис становится зыбким, так как зависит от понятия знания. Скептицизм предполагает, что метафизически знание представимо и возможно, но люди этим знанием не обладают. Если нет знания, то нет и тотального незнания чего-либо. Поэтому такая линия может успешно защищаться, хотя и не кажется привлекательной на первый взгляд: трудно спорить с тем, что у нас есть особая связь с миром, которая позволяет людям успешно взаимодействовать с реальностью, также как и с тем, что, когда человек узнает что-то новое, происходит качественное изменение. Подход, который я рассмотрю в этом параграфе, подошел к этой идее чуть ближе, чем другие направления в эпистемологии.

Ортодоксальный подход к знанию, *инвариантизм*, предполагает, что знание по своей природе – фиксированная сущность. То есть в положении дел X , к которому применимо истинное описание D , есть знание о D , которое не может перестать быть знанием, если обстоятельства в X не изменились. Поэтому не может быть ситуации, когда без изменения эпистемических обстоятельств (изменения убеждения, свидетельств, причинно-следственных связей, имеющих отношение к знанию, изменения делателя истины и прочее) изменяется что-то в знании. То есть

¹⁸¹ Схожего рода взгляд упоминает Дункан Притчард. *Pritchard, D. The Analysis of Knowledge. P. 220 // Knowledge in Contemporary Philosophy. Vol. 4 / Ed. by S. Hetherington, M. Valaris Bloomsbury Publishing, 2021. P. 215–230.*

правильное приписывание знания (knowledge ascription) – то, что следует считать знанием, – в ситуации D тоже будет фиксированным.

Существует два направления в эпистемологии, которые отвергают этот консервативный подход: контекстуализм и импуризм. Контекстуализм предполагает, что приписывание знания не имеет фиксированного, единственно правильного способа, а зависит от контекста. Импуризм, к которому мы обратимся чуть ниже, предполагает, что прагматические соображения влияют на правильную атрибуцию знания. В отличие от стандартного анализа, оба подхода не дают полноценного ответа на вопрос о природе знания. Однако они сообщают важные свойства о знании с точки зрения сторонников этих подходов.

Чем мотивируется такой взгляд? Представим, что Горгий в каком-нибудь диалоге с Алкивиадом пытается понять природу знания¹⁸².

Горгий: Алкивиад, могу предположить, как и все здесь присутствующие, что ты обладаешь знанием по многим вопросам. В том числе ты знаешь, что завтра проснешься. И соглашаться с тем, что ты знаешь это – разумно. Если бы ты не знал такой простой вещи, как будешь ли ты просыпаться завтра, мало бы ты тогда знал вообще чего-либо.

Алкивиад: Да, я действительно знаю, что завтра проснусь, и с этим разумно согласится.

Горгий: Однако, возвращаясь домой, ты можешь встретить какого-нибудь друга, который позовет тебя на хороший пир в приятной компании. Всю ночь вы будете пить вино и вести интересные беседы, а под утро ты решишь, что тебе не надобно ложиться, а значит, и не придется просыпаться.

Алкивиад: Пока ты, Горгий, описывал эту пирушку, мне захотелось на ней оказаться и провести там всю ночь!

¹⁸² Уловку в основе этого диалога я взял из выступления Баса ван Фраассена.

Горгий: Тем проще тебе будет согласиться, что ты не знаешь, что проснешься завтра.

Алкивиад: И действительно, не знаю.

Горгий: Однако в начале нашего разговора о знании ты утверждал, что знаешь, что завтра проснешься, и мы согласились, что думать так было разумно. В то же время мы представили ситуацию с пирушкой, и вот ты уже не знаешь, проснешься ты завтра или нет. И думать, что не знаешь, получается, тоже разумно!

Алкивиад: Тут явно есть противоречие. Но как нам его разрешить, Горгий?

Почему в этом диалоге Алкивиад отвечает на один и тот же вопрос сначала утвердительно – «Да, я действительно знаю», а затем отрицательно – «И действительно, не знаю»? Одно из объяснений этого противоречия таково: существуют слова, чувствительные к контексту. Например, слово «сейчас» будет менять свое значение в зависимости от времени, к которому мы его относим. Это может быть как «сейчас» в 12:43 во вторник, так и сейчас, в ту самую секунду, что я произношу это слово. Знать – это глагол, чувствительный к контексту. Причем этот контекст будет определять строгость понятия «знать». Когда Горгий спросил Алкивиада в первый раз, речь шла о знании в слабом смысле – это было такое знание, к которому предъявляются низкие требования. Уточнения Горгия приводят к очень сильному знанию, с очень строгими критериями соответствия. Поэтому, в слабом смысле слова знания, Алкивиад знает, что завтра проснется, тогда как в сильном смысле – не знает. В самом сильном смысле этого слова он не знает вообще ничего, ну или только самые несомненные вещи, связанные со способностью наблюдать за собственным мышлением (интроспекцией).

Вот определение контекстуализма, которое будет взято за основу:

«Говорящий может истинно сказать ‘S знает, что p’, тогда как другой говорящий, в другом контексте, в котором действует более высокий стандарт, может истинно сказать ‘S не знает, что p’»¹⁸³.

Заметьте, что в этом определении фактически говорится не об агенте знания (об S), а о том, кто оценивает знание. Даже если бы говорящий и агент были одним и тем же человеком, то речь шла бы о знании второго порядка.

Как именно реализуется чувствительность знания к контексту – отдельная проблема внутри контекстуализма. Дэвид Льюис предполагал, что это происходит из-за того, что знание имеет разные степени¹⁸⁴. Другой защитник контекстуализма, Стюарт Коэн, дополняет эту идею тем, что необходимым компонентом знания является обоснование. Именно обоснование является чувствительным к контексту¹⁸⁵. Если определение одного из компонентов является чувствительным к контексту, то и само знание оказывается чувствительным к контексту. Еще одна опция – знание не является чувствительным к контексту само по себе. Контекст и принципы приписывания знания некоторому положению дел анализируются не в отношении к агенту знания, а к тому, кто дает описания (исключая случаи, когда агент и тот, кто описывает ситуацию – один и тот же человек). То есть контекст появляется в отношении к высказыванию «S знает, что P», так как на самом деле такого рода высказывания сводятся к форме «S знает, что P, в отношении стандарта C»¹⁸⁶.

Контекстуализм имеет интересные отношения со скептицизмом. Контекстуалисты считают, что то, как они решают скептический парадокс – достоинство их теории. Критики обвиняют контекстуализм в том, что это скептицизм в новом облики.

¹⁸³ DeRose, K. The case for contextualism. Vol. 1. P. 3.

¹⁸⁴ Lewis, D. Elusive knowledge.

¹⁸⁵ Cohen, S. Contextualism, skepticism, and the structure of reasons. P. 60.

¹⁸⁶ Ludlow, P. Contextualism and the new linguistic turn in epistemology // Contextualism in philosophy. 2005. P. 11–50.

В параграфе «Инфаллабилизм и скептицизм» я рассмотрел, что скептическая аргументация включает в себя дедуктивный принцип замкнутости (closure) в знании: если S знает, что P, и знает, что из P следует Q, то S знает Q. Идея любого скептического сценария также включает в себя то, что если вы в нем находитесь, то не знаете этого. Иначе говоря, нахождение в этом сценарии неотлично от ненахождения в нем. В аргументе скептика P – это такого рода знание, которым я лишь думаю, что обладаю. Q – скептическая альтернатива P.

Из принципа замкнутости следует, что

i) Если я знаю P, то я знаю, что не-Q

Из скептического сценария следует, что

ii) Я не знаю, что не-Q

Из соединения (i) и (ii) следует, что

iii) Я не знаю P

Можно отрицать как (i), так и (ii). Однако, как было показано в параграфе «Инфаллабилизм и скептицизм», может показаться, что для таких решений не хватает мотивации и они выглядят *ad hoc*. Принцип замкнутости выглядит правдоподобным, также как и то, что скептический сценарий неотличим от реалистских представлений о реальности. Контекстуализм предполагает, что (iii) следует из (i) и (ii), только когда у нас высокие стандарты знания. Скажем, у меня есть немало свидетельств в пользу того, что я имею руки. Вероятность этого кажется высокой. Представим, что эта вероятность в 99%. Однако, согласно принципу замкнутости, она такая же, как и верность моего знания, что я не нахожусь в матрице, то есть 99%¹⁸⁷. Чем выше вероятность, что у меня есть руки, тем выше вероятность, что я не в матрице. Представим, что стандарт обоснования, достаточный для знания, составляет 92%. Тогда я знаю, что у меня есть руки и знаю,

¹⁸⁷ *Cohen, S. Contextualism, skepticism, and the structure of reasons. P. 66.*

что не нахожусь в матрице. При стандартах обоснования, необходимых для знания выше 99%, я не знаю, что у меня есть руки. Таким образом, при низких стандартах знания ложно (ii), тогда как при высоких стандартах – ложно (iii).

Очевидное возражение к этому примеру – вероятность наличия у меня рук не влияет на вероятность того, что скептическая гипотеза верна. Хотя куда больше критиков смущает то, что в каком-то смысле я действительно не знаю, нахожусь ли я в матрице или нет!

Примечательно, что один из самых влиятельных контекстуалистов, Стюарт Коэн, привлекает дополнительные доводы, которые должны смягчить уступки скептицизму. Например, то, что скептическая гипотеза – это не рационально, не интуитивно и не предполагает простоту в объяснении¹⁸⁸.

2.2. Случай Стюарта

Стюарт ожидает посадки на прямой рейс до Детройта. В руках у него талон на посадку с указанием, что это прямой рейс. Теперь представим два развития ситуации:

(1) К Стюарту подсаживается другой пассажир. «Я так устал на работе, если рейс до Детройта непрямым, то я тут с ума сойду! Кстати, приятель, — пассажир поворачивается к Стюарту, — ты не знаешь, это прямой рейс?» «Знаю, — отвечает Стюарт, — это прямой рейс».

(2) К Стюарту подходит человек в униформе с эмблемой красного креста. «Я курьер и перевозжу печень для трансплантации пациенту в Детройт. Хотел узнать, прямой ли это рейс? Если нет, то печень не успеет доехать и испортится». «Не знаю, — разводит руками Стюарт, — обратитесь к сотрудникам авиакомпании за уточнением»¹⁸⁹.

¹⁸⁸ *Cohen, S.* How to be a Fallibilist // *Philosophical perspectives*. 1988. Vol. 2. P. 91–123.

¹⁸⁹ Этот случай взят из работы Турри, где он защищает позицию пуристского инвариантизма. *Turri, J.* Linguistic intuitions in context: a defense of nonskeptical pure invariantism // *Intuitions* / Ed. by A. Booth, D.

Контекстуалисты решают этот вопрос так: в ситуации (1) у Стюарта спрашивают про знание низкого стандарта. В ситуации (2) – речь идет о знании очень высокого стандарта. Может показаться, что Стюарт противоречит сам себе и врет в одном из случаев. Однако это не так, потому что Стюарт отвечает на два разных вопроса про знание. В (1) предполагается низкий стандарт знания, в (2) – очень высокий. Этот и другие аналогичные примеры показывают, как люди меняют свои критерии знания в зависимости от контекста.

Возражение против контекстуализма можно построить в нескольких направлениях. Можно утверждать, что, а) нас самом деле Стюарт не обладает знанием в обоих случаях; б) Стюарт обладает знанием в обоих случаях, но меняет свою оценку знания из прагматических соображений; в) Стюарт обладает знанием в обоих случаях, но меняет свою оценку из-за того, что нерелевантные альтернативы попадают в его поле зрения; г) Стюарт обладает знанием в обоих случаях, но дает ответ на другой вопрос в (2); д) в одном из случаев Стюарт поступает эпистемически недобросовестно и говорит неправду; е) в случае (2) Стюарт в результате рефлексии задается вопросом о том, обладает ли он знанием. Обращение к знанию второго порядка вводит его в локальный скептицизм. Рассмотрим все шесть опций по отдельности.

- *Стюарт не обладает знанием в обоих случаях.*

Стюарт считает, что у него есть знание, на основании показаний билета. То, что этого достаточно, чтобы обладать знанием, мы полагаем на основании антискептической интуиции – мы очень много чего знаем о мире. Если у нас есть надежные свидетельства (информация на посадочном талоне относится к надежным свидетельствам), то этого достаточно для того, чтобы считать, что мы обладаем знанием. Если мы считаем, что Стюарт не знает, прямой ли рейс на Детройт у его самолета несмотря на то, что именно это он запомнил из чтения

Rowbottom, 2013. Этот мысленный эксперимент основан на случае из *Cohen, S. Contextualism, skepticism, and the structure of reasons.*

посадочного талона, то, скорее всего, предполагаем, что таких свидетельств недостаточно. Если это так, то мы предъявляем к обладанию знанием слишком строгие критерии, которые ведут к тому, что очень мало из того, что мы считаем знанием, на самом деле им является. Поэтому такая опция ведет к скептицизму и не устроит большинство философов.

- *Стюарт обладает знанием в обоих случаях, но меняет свою оценку знания из прагматических соображений.*

Стюарт обладает знанием, однако, во втором случае он не готов и не обязан нести моральную ответственность за жизнь человека. Из прагматических соображений он отказывается от ответственности. В литературе включение прагматических соображений в знание получило название «Прагматический поворот»¹⁹⁰. Сторонники этого подхода предполагают, что знание не исчерпывается эпистемическими категориями¹⁹¹. Прагматические соображения влияют на то, обладает агент знанием или нет. При этом прагматический поворот не предполагает, что прагматические соображения конституируют знания в том же смысле, что и убеждение или истина, в качестве компонентов¹⁹².

Я уделяю импуризму мало внимания в силу следующего возражения. Импуризм должен поддерживать следующие высказывание: «S знал, что P, пока не стало известно, что P – это важнее, чем казалось S, и после этого он перестал знать, что P». Например, поместим (1) и (2) в одну ситуацию. К Стюарту подходит человек и спрашивает: «Не знаете, рейс до Детройта прямой?». «Да, прямой» – уверенно отвечает Стюарт. Но тут человек добавляет: «Отлично, я просто работаю курьером донорских органов. Сердце везу. Если самолет с пересадками, оно испортится, и пациент умрет». После этого следующий ответ Стюарта должен

¹⁹⁰ Этот термин предложил Джон Кванвиг в блоге «Certain Doubts». Другие названия этого направления – импуризм (impurism), субъектно-чувствительный инвариантизм (subject-sensitive invariantism) и практикализм (practicalism).

¹⁹¹ Stanley, J. Knowledge and practical interests Clarendon Press, 2005. P. 2.

¹⁹² Ichikawa, J.J., Steup, M. The Analysis of Knowledge.

показаться полностью адекватным: «После того, что вы сказали про пациента, я понял, что больше не знаю, прямой ли это рейс, хотя до этого я это знал. Уточните теперь у сотрудников аэропорта». Я думаю, что этот ответ соответствует тому, как должно работать приписывание знания в импуризме. Но ответ не выглядит адекватным¹⁹³. На этом основании прагматический поворот мне не кажется перспективным решением проблемы приписывания знания.

- *Стюарт обладает знанием в обоих случаях, но меняет свою оценку из-за того, что нерелевантные альтернативы попадают в его поле зрения.*

Патрик Райсью предполагает, что в (2) Стюарт знает, что рейс прямой, и на основании свидетельств может исключить все релевантные альтернативы¹⁹⁴. Однако существуют такие нерелевантные альтернативы, которые обычно мы не в состоянии исключить. И это обычная эпистемическая ситуация: мы можем исключить все релевантные альтернативы, но почти никогда мы не можем исключить вообще все возможные альтернативы. В некоторых ситуациях эти нерелевантные альтернативы могут стать заметными и их трудно игнорировать. Поэтому, хотя Стюарт и говорит неправду, его поведение понятно и уместно.

Этот ответ мог бы быть применим в отдельных ситуациях, но не выглядит универсальным возражением. Например, Стюарт скорее мог бы ответить: «Насколько я знаю, это прямой рейс, но вы знаете, всякое бывает, поэтому лучше уточните у персонала». Такой ответ выглядит адекватнее, так как предполагает более добросовестную и сильную кооперацию с курьером¹⁹⁵. Никто не подразумевает в диалоге, что Стюарт должен знать, например, о планах пилота совершить экстренную посадку.

¹⁹³ Подробнее см. *Blome-Tillmann, M.* Contextualism, Subject-Sensitive Invariantism, and the Interaction of ‘Knowledge’-Ascriptions with Modal and Temporal Operators // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2009. Vol. 79. No. 2. P. 315–331.

¹⁹⁴ *Rysiew, P.* The context-sensitivity of knowledge attributions. // *Noûs*. 2001. Vol. 35. No. 4. P. 486.

¹⁹⁵ *Turri, J.* Linguistic intuitions in context. P. 173.

- *Стюарт обладает знанием в обоих случаях, но дает ответ на другой вопрос в (2).*

Когда Стюарт отвечает, что «не знает», он на самом деле отказывается от ответа, а его метакоммуникативное сообщение не является истинным или ложным. Когда ставка поднимается, люди склонны уходить от той ответственности, которую они не обязаны нести¹⁹⁶. Отвечая «я не знаю», Стюарт сообщает нечто вроде «спросите у кого-то другого». И хотя этот ответ кажется правдоподобным, он не дотягивает до универсального объяснения. Стюарт мог сказать, что он не знает, имея в виду именно это: он не знает. Когда я рассказываю студентам про контекстуализм, то обычно разыгрываю диалог Алкивиада с Горгием из начала главы, и студенты нередко попадают в ту же уловку, что и Алкивиад. Если студенты отвечают, что не знают, они это делают, потому что оказываются в скептическом сомнении.

- *Стюарт обладает знанием в обоих случаях, но в (2) у него возникли противоречивые убеждения*

Мне кажется, нет ничего удивительного в том, что Стюарт действительно знает, но имеет другое убеждение. Его убеждение, что рейс до Детройта прямой, поколебали страх или сомнение. Мы легко поддаемся сомнению, даже когда мы обладаем знанием. Столь успешный локальный скептицизм не мог бы существовать, если бы мы не могли усомниться в чем угодно и легко это делали под давлением обстоятельств. Эпистемологические теории, особенно контекстуализм, отчасти базируются на том, что мы должны придерживаться принципа эпистемической благосклонности (charity) и предполагать, что правильное объяснение должно давать трактовку, которая будет наиболее благосклонной по отношению к агенту знания. Проблема этого ответа в том, что он не соответствует принципу эпистемической благосклонности.

¹⁹⁶ *Ibid*, P. 181.

- *Стюарт не обладает знанием второго порядка в обоих случаях, поэтому, когда ставка повышается, он обращается к знанию второго порядка и впадает в сомнение*¹⁹⁷.

Включает ли в себя знание – знание второго порядка? Иногда точно да: я могу знать, что я знаю, что кот на ковре. Обладаю ли я им всегда? Другими словами: любое ли знание необходимо имеет знание второго порядка? Точно нет: чтобы знание второго порядка было знанием, оно должно иметь знание третьего порядка и так далее до бесконечности. Когда мы обращаемся к знанию второго, третьего и последующих порядков, рано или поздно, можно обнаружить отсутствие еще одного порядка. После этого может начать казаться, что отсутствие знания n-порядка подрывает и само знание. Скептик выходит на сцену, триумфально потирая руки.

В случае (1) и (2) Стюарт не обладает одинаковым знанием второго порядка, однако во втором случае, так как ставки велики, он ведет себя по-другому. То есть Стюарт знает, что самолет едет без пересадок, но не знает, что он знает.

На мой взгляд этот ответ является наиболее правдоподобным. Его преимущество в том, что вопрос о приписывании знания – знает ли Стюарт, что рейс прямой – это такой вопрос, ответ на который подразумевает оценку приписывания знания. Оценка приписывания знания со стороны агента знания подразумевает знание второго порядка, а при сильной рефлексии возможно углубится в знание третьего порядка, четвертого порядка и так далее. Это означает, что при разных мыслительных операциях Стюарта в оценке приписывания знания, ему придется обратиться к знанию второго порядка. В (2) Стюарт может испугаться нерелевантных случаев, впасть в локальный скептицизм, принять во внимание прагматические соображения, решить не нести ответственность «на всякий случай», и оценка обладания знанием о наличии знания в его мыслительном

¹⁹⁷ *Williamson, T. Contextualism, subject-sensitive invariantism and knowledge of knowledge // The Philosophical Quarterly. 2005. Vol. 55. No. 219. P. 213–235.*

процессе неминуема. Ответ про другое метакоммуникативное сообщение также имеет смысл, если задействовано знание о знании. В противном случае мы имеем дело с эпистемически недобросовестным человеком, однако поведение Стюарта не кажется мне порочным *per se*.

Опираясь на вышесказанное, сформулирую недостатки контекстуализма в трех тезисах.

1. Главное достоинство контекстуализма – простое объяснение убедительности скептической проблемы. Но есть более простое и элегантное объяснение случаев с высокими и низкими стандартами, вроде случая со Стюартом или с Алкивиадом – объяснение Уильямсона через знание о знании. Это более экономное объяснение, которое не требует введения новой сущности – контекста.

2. Контекстуализм был создан как ответ на проблему скептицизма. Вместо этого он признает, что скептические аргументы в каком-то смысле являются верными. Это скептицизм в новом облики.

3. Контекстуализм не создавался для того, чтобы дать ответ на вопрос о природе знания. Даже если принять контекстуализм и его объяснение того, что знание всегда релевантно контексту, нам нужно по-прежнему решить, что такое знание, как следует описывать его устройство и как можно решить проблему Геттиера¹⁹⁸. Другими словами, контекстуализм – это не теория знания, а дополнение к теории, которое «усложняет» модель знания, делая его более громоздким. Поэтому, *ceteris paribus*, исходя из пункта (1), нам следует отказаться от контекстуализма, исходя из выведения к наилучшему объяснению.

2.3. Теория “Сначала знание”

В основании анализа знания лежит несколько важных интуиций. Одна из них – знание состоит из компонентов. Есть ментальные и не-ментальные компоненты

¹⁹⁸ Возможности контекстуализма в случае с решением Геттиера остаются ограниченными. Подробнее см. *Greco, J. Contextualism and Gettier cases // The Routledge handbook of epistemic contextualism Routledge, 2017. P. 190–201.*

знания. Обязательный ментальный компонент – это убеждение. Среди нементальных компонентов общим для всех теорий является истина. Знание сообщает о некотором истинном положении дел. Вы не можете что-то знать (например, что Эверест – самая высокая гора на земле) и при этом ошибаться. В русскоязычной культуре эта идея неочевидна: очень часто под знанием имеют в виду высокую степень уверенности в том, что дела обстоят так, а не иначе. Однако для англоязычной, и шире, западно-философской дискуссии – это, несомненно, так. Поэтому знание включает в себя истинное убеждение. Истинного убеждения для знания недостаточно, на что, указывал еще Платон, хотя и в другом философском контексте. Герой его диалога, молодой математик Теэтет, предполагает, что знание – это истинное мнение¹⁹⁹. Сократ возражает, что судьи могут выносить истинное мнение о деле, не разобравшись в нем досконально, то есть не зная его (Платон, Теэтет – 201b). Другой пример – можно иметь истинное убеждение, что в мире четное число котов. Если такое убеждение окажется истинным в силу совпадения, то такой случай едва ли будет знанием. Поэтому у Платона и у философов XX века, которые следовали этой линии размышления, возникает идея добавить к истинному убеждению дополнительный компонент, чтобы исключить такие возражения²⁰⁰.

Дискуссия о знании в эпистемологии второй половины XX века выглядит как долгая и безуспешная попытка создать теорию в терминах необходимых и достаточных условий, которая решает проблему Геттиера и при этом не скатывается в скептицизм. Такие теории являются редуктивными, потому что

¹⁹⁹ Убедительную аргументацию в пользу того, что убеждение (belief) не следует отождествлять с мнением (δόξα), а обоснование или свидетельство с рассуждением (λόγος) см. в *Бутаков П. А.* Платон, эвиденциализм и JTB // *Schole*. 2018. Т. 12. № 2. С. 669–685. Подробнее об эпистемологии мнения см. *Нехаев А. В.* Место и роль мнения в структурах объяснения и референции // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*. 2010. – Т. 85. – №14. – С. 270-278.

²⁰⁰ Уильямсон не согласен с тем, что Платон разделяет JTB-анализ, утверждая, что Платон принадлежит скорее к его линии мысли. См. *Прись, И. Е.* Реализм и сначала знание. Интервью с Тимоти Уильямсоном. // *Сибирский философский журнал*. 2022. Т. 19. №. 3. С. 182–183. Мне кажется, наиболее правдоподобное прочтение характеризует Платона как эпистемолога «сначала эйдос». См. также *Касавин, И. Т.* Социальная философия науки и коллективная эпистемология. Москва: Весь Мир, 2016. Р. 162.

знание редуцируется до элементов, из которых оно состоит, например, до обоснованного истинного убеждения. Так как ни одна из многочисленных редуктивных теорий знания не смогла занять доминирующую позицию, то уместно предположить, что ключевая идея стандартного анализа – знание следует определить в терминах составных элементов, – ошибочна. Напомню, Линда Загзебски обосновала, что если теория знания предполагает такую связь между агентом и миром, которая ведет к истине не с необходимостью, то эта теория не может избежать случаев Геттиера²⁰¹.

На идее бесперспективности проекта анализа знания строится «индуктивный аргумент» Уильямсона: долгие попытки найти удовлетворительную редуктивную теорию знания не увенчались успехом, так как знание не состоит из составных элементов²⁰². Причина в том, что знание фундаментальнее, чем убеждение.

В анализе знания предполагалось, что убеждение удовлетворяет всем случаям ментальных состояний, ответственных за знание²⁰³. Уильямсон иллюстрирует отсутствие необходимости в этом с помощью следующей аналогии: вы не сможете определить понятие «зеленый», как совокупность «быть цветом» + дополнительные условия X. Так и со знанием: нельзя дать определение знания как убеждения + дополнительные условия X.

Уильямсон утверждает, что знание – это ментальное состояние. Знание относится к категории фактивных (*factive*) ментальных состояний. Это такие ментальные состояния, которые включают в себя положение дел. Знать пропозицию «р» можно, только если р – истинно, и «для некоторого ментального состояния S, находится в S – это необходимое и достаточное условия для того, чтобы знать р»²⁰⁴. Примером фактивных ментальных состояний будет восприятие, воспоминание или понимание. Вы не можете помнить или воспринимать то, что не

²⁰¹ Zagzebski, L. The inescapability of Gettier problems.

²⁰² Williamson, T. Knowledge and its Limits. P. 30.

²⁰³ Ibid, p. 21

²⁰⁴ Ibid.

имеет места быть. Тогда это будет ложное восприятие или ложное воспоминание, то есть не восприятие и не воспоминание вовсе. С другой стороны, существуют нефактивные ментальные состояния, например сожаление или воображение.

Взгляд, что знание – это только ментальное состояние, подразумевает, что у такого ментального состояния нет нементальных компонентов.

Уильямсон предполагает, что из всех фактивных ментальных состояний знание является самым базовым. Восприятие, понимание или воспоминание – это разновидности знания. Например, если верно, что «я помню, что Р», то отсюда следует, что «я знаю, что Р». Когда я говорю: «Я *увидел*, как тигр перешел улицу Пестеля», это означает, что «Я *знаю* через восприятие, еще точнее, через зрение, что тигр перешел улицу Пестеля». Восприятие оказывается каналом, через который поступает знание. Сравните: «У меня была галлюцинация, в которой тигр перешел улицу Пестеля». Восприятие оказывается ложным, и поэтому не возникает знания. Еще пример: «Я *понял*, что в философии Хайдеггера человек живет в бытии, отличном от бытия физических объектов». Этот смысл передается другими словами: «Я *узнал*, что в философии Хайдеггера человек живет в бытии, отличном от бытия физических объектов». Последний пример: «Я *вспомнил*, что вчера был дождь» означает, что «Я *знаю* через память, что вчера был дождь». Нельзя вспомнить, увидеть или воспринять положение дел, не зная его²⁰⁵.

2.3.1. Экстернализм в ментальных состояниях

В анализе знания предполагалось, что оно состоит из ментальных (убеждение) и не-ментальных (истина) компонентов. Если понятие содержит ментальные и не-ментальные компоненты, то мы его считаем не-ментальным. Такой взгляд строится на идее *интернализма* в сознании²⁰⁶: ментальные состояния определены

²⁰⁵ Ibid, P. 38

²⁰⁶ Здесь важно не перепутать экстернализм в сознании с экстернализмом в обосновании. Здесь и далее до конца главы, используя термины экстернализм, интернализм и производные от них понятия, я буду иметь ввиду экстернализм или интернализм касательно ментальных состояний.

внутренними физическими состояниями²⁰⁷. Интернализм в сознании склоняет в пользу редуктивного объяснения знания как многокомпонентного явления. Ведь знание сообщает истину, тогда как истина включает внешнее по отношению к субъекту положение дел.

Интернализму в ментальных состояниях Уильямсон противопоставляет *экстернализм* – взгляд, согласно которому, ментальные состояния включают в себя внешний мир.

Ментальные состояния могут быть узкими и широкими. Состояние *C узкое*, если и только если для всех случаев *a* и *b*, если *a* и *b* внутренне одинаковы, то *C* возникает в *a*, если и только если *C* возникает в *b*. «Состояние *C широкое*, если оно не узкое»²⁰⁸. Интернализм утверждает, что все ментальные состояния – узкие.

Представьте, что полностью идентичный мне двойник в параллельной реальности охотиться на шмигров – существ, внешне не отличимых от тигров. При этом внутреннее строение и эволюционное развитие шмигров разительно отличается от таковых у тигров, поэтому это животные разных видов. Эти сведения ни я, мой двойник не знает, так что для вас тигры и шмигры не различимы. В момент, когда я и полностью идентичный мне двойник вышли на охоту, мы охотимся на разных животных, но у меня и двойника «внутренние» ментальные состояния одинаковы. Я истинно верю, что охочусь на тигров. Если мой двойник тоже верит, что охотится на тигров, то ошибается. Но он ошибается не более, чем я, так как мы не знаем деталей, отличающих тигров от шмигров. Таким образом, мой двойник не верит, что охотится на тигров, которые существуют только в моем мире. Поэтому мы верим в тигров по-разному, несмотря на то что внутреннее доступное нам ментальное содержание об этих животных у меня и у двойника одинаково²⁰⁹.

²⁰⁷ Ibid, P. 49.

²⁰⁸ Ibid, P. 52.

²⁰⁹ Ibid, P. 53.

Для экстерналистов это разные ментальные состояния: одно – о шмиграх, а другое – о тиграх. Для интерналистов – эти ментальные состояния одинаковы. Это значит, что ментальные состояния не схватывают разницу в объектах.

Подразумевается, что интерналисты могут проводить различие между ментальным и не-ментальным. Фактивные ментальные состояния не могут существовать без объектов, к которым они отсылают. В мире, где нет Неаполя, у вас не может быть ментального состояния, связанного с Неаполем: вы не можете помнить о Неаполе или видеть его. Если не очевидно, как отделить воспоминание об *X* от самого *X*, более того, если ментальные состояния о мире не могут существовать без внешнего мира, то бремя доказательств ложиться на интерналистов.

Если верна идея, что убеждение – это ментальная часть знания, тогда возможно выделить, какого рода убеждение является компонентом в знании. То есть убеждение – это часть объяснения того, что такое знание. Если прав Уильямсон, то в таком случае знание объясняет, какого рода ментальным состоянием оно может и не может быть.

Далее, под субъектом будет пониматься человек, который обладает знанием или убеждением, в зависимости от формулировки.

Определение супервентности: **a** *супервентно* на **b**, если и только если изменения в **a** невозможны без изменения в **b**.

Уильямсон²¹⁰ предлагает допустить, что знание – это ментальное состояние:

- (1) Для каждой пропозиции **p** есть ментальное состояние субъекта **S**, такое, что в каждом случае **a**, некто имеет **S** если и только если субъект знает **p**.

²¹⁰ Формулировки, выделенные в пункты (1)–(6) – почти дословный перевод тезисов Уильямсона с незначительными правками. В пояснениях и опровержениях (4)–(6) я преимущественно пересказываю автора. См. Ibid, P. 54–59.

Из этого следует, что знание супервентно на ментальном состоянии в виде:

- (2) Для всех пропозиций **p** и случаев **a** и **b**, если субъект в том же самом ментальном состоянии в **a** и в **b**, тогда если в **a** субъект знает **p**, только если в **b** субъект знает **p**.

Интернализм подразумевает, что ментальное состояние супервентно на феноменальном состоянии:

- (3) Для всех случаев **a** и **b**, если **a** внутренне устроено так же, как и **b**, субъект находится в том же самом ментальном состоянии и в **a**, и в **b**.

Из (2) и (3) следует, что знание супервентно на ментальных состояниях.

- (4) Для всех пропозиций **p** и случаев **a** и **b**, если **a** внутренне устроено так же, как и **b**, субъект в **a** знает, что **p**, если и только если в **b** субъект знает, что **p**.

Согласно аргументации Уильямсона, это не так. В ситуации **a** идет дождь. У субъекта есть знание о том, что идет дождь. В ситуации **b** дождя нет, но субъект имеет ложное убеждение о том, что идет дождь, которое «внутри» неотличимо от ситуации в **a**. Так как интерналист принимает (3), а (2) следует из (1), то все что остается – это отрицать (1).

- (5) Для всех пропозиций **p** и случаев **a**, если субъект в **a** убежден в **p**, то в некотором случае **b** субъект в том же самом ментальном состоянии, что и в **a**, и знает **p**.

Этот тезис ложен, так как если **p** является ложной во всех релевантных ситуациях, то нет такой ситуации, в которой **p** можно знать. Например, нельзя знать, что $2+2=5$ или что есть такие холостяки, которые женаты. Кроме необходимых истин проблемой является и знание своих ментальных состояний²¹¹.

²¹¹ Ibid, P. 56.

- (6) Для всех пропозиций **p** и случаев **a**, если субъект в **a** *истинно* убежден в **p**, то в некотором случае **b**, субъект в том же самом ментальном состоянии, что и в **a**, и знает **p**.

Некто может верить, что чеснок полезен по таким субъективным соображениям, которые несовместимы с теми, *которые сопровождали бы его знание о том*, что чеснок полезен. Так как его иррациональные соображения – часть его ментальных состояний, никто не мог бы находиться в том же ментальном состоянии и знать, что чеснок – полезен. Дальнейшие попытки преодолеть это возражения, сталкиваются с проблемой достаточного для знания обоснования²¹². Проблема обоснования в анализе знания остается нерешенной.

Можно предположить, что разница между знанием и убеждением в том, что если мы что-то не знаем, то это не добавляет что-либо ментальное для убеждения:

- (7) Для всех пропозиций **p** и случаев **a**, если некто в **a** убежден в **p**, то в некотором случае **b**, некто в том же самом ментальном состоянии, что и в **a**, и *не* знает **p**.

Как и в случае (5), возникает проблема с необходимыми истинами, вроде $2+2=4$ или знания своих ментальных состояний. Например, некто испытывает боль и знает это напрямую. Он не может иметь убеждение, но при этом не знать, что испытывает боль²¹³.

Уильямсон доказывает, что далеко не все ментальные состояния, которые могут быть убеждением, способны при должных добавлениях стать знанием. Такие убеждения могут быть истинными и обоснованными, но не окажутся знанием.

Проблема кроется в том, что возможность убеждения быть или не быть знанием зависит от других ментальных состояний субъекта. Некоторые ментальные состояния несовместимы с обладанием знания. Например, они вводят

²¹² Ibid, P. 57.

²¹³ Ibid, P. 59.

субъекта в заблуждение относительно его способностей, или приводят к неправильным выводам, или просто неверны в отношении какой-то истины. Однако куда большее количество препятствий к обладанию знанием связано с внешними по отношению к субъекту обстоятельствами: неизвестными фактами, ненадежными инструментами и свидетельствами, труднодоступностью объекта познания. Уместить все эти нюансы в одну формулу – непросто. Другая проблема – неясна мотивация в пользу определенной формулировки²¹⁴. Куда более простым объяснением будет то, что знание – это ментальное состояние.

Как показать, что некоторое состояние X фундаментально и его существование не является совокупностью внешних (например, надежности и истины) и внутренних (например, убеждения) состояний?

Допустим, что состояние X возникает в ситуациях (i) и (ii). Представим, что в ситуации (iii) внутреннее состояние такое же, как в (i), а внешнее – как в (ii). Если X – это просто совокупность «подходящего» внешнего и «подходящего» внутреннего состояния, то оно возникнет и в (iii). Представим, что свойство C (плоская фигура, которую можно напечатать на черно-белом принтере) – это совокупность цвета и формы, и что черный квадрат и белый круг обладают C . Тогда черный круг также обладает C , так как имеет цвет черного квадрата и форму белого круга. Соответственно, если черный квадрат и белый круг имеют свойство, которое черный круг не имеет, тогда это свойство – не совокупность цвета и формы²¹⁵.

Можно привести множество примеров, когда знание – это не просто совокупность внутренних и внешних состояний. Начнем с примера с восприятием. Игорь видит воду. В ситуации (i) Игорь видит воду обычным образом с помощью правого глаза. Левый глаз воспринимает лучи света, которые в силу случайности совпадают с тем, как выглядят лучи света, отраженные от воды. Однако на самом деле эти лучи света производит специальный прибор для имитации восприятия

²¹⁴ Ibid, P. 60.

²¹⁵ Ibid, P. 68.

воды, расположенный прямо перед левым глазом Игоря. Травма головы мешает Игорю заметить этот прибор. В итоге Игорь видит воду. Ситуация (ii) отличается от (i) только тем, что левый и правый глаз поменяли свои роли местами: левый глаз воспринимает настоящую воду, правый – ее имитацию, однако травма головы мешает заметить Игорю, что что-то не так. В итоге Игорь видит воду. В ситуации (iii) внутренние обстоятельства соответствуют (i), а внешние обстоятельства повторяют (ii). Повреждение головы мешает полноценно анализировать информацию из левого глаза, как и в ситуации (i). Однако в отличие от первого случая, там нет прибора, имитирующего лучи света, отраженные от воды, поэтому левый глаз не видит воду. Перед правым глазом стоит прибор, как в ситуации (iii) который дает не настоящее восприятие воды, а его имитацию. Игорь не видит воду.

В первых двух случаях Игорь видел воду. В третьем – нет. Так Уильямсон доказывает, что восприятие – фундаментально, и поэтому зависит не просто от совокупности внешних и внутренних состояний²¹⁶.

Рассмотрим эту же схему в отношении знания. В случае (i) Екатерина знает, что выборы сфальсифицированы. Надежный свидетель Алексей сообщил ей, что выборы сфальсифицированы. Екатерина доверяет Алексею, поэтому она приняла эту информацию как верную. Владимир – ненадежный свидетель, но и он сообщил, что выборы сфальсифицированы. Екатерина не доверяет Владимиру. В случае (ii) роли Алексея и Владимира меняются. Надежный свидетель Владимир сообщил, что выборы сфальсифицированы и Екатерина доверяет ему. Ненадежный свидетель Алексей сообщил Екатерине, что выборы сфальсифицированы, но Екатерина не доверяет ему. Екатерина знает, что выборы сфальсифицированы. В случае (iii) внутренние обстоятельства – доверие Екатерины, как в (i), а внешние обстоятельства – свидетельства Владимира и Алексея, как в (ii). Екатерина доверяет Владимиру и не доверяет Алексею. Но Алексей – надежный свидетель, то, что он говорит о выборах ему известно доподлинно. Однако Екатерина не

²¹⁶ Ibid, 69–70.

доверяет Алексею из-за личной неприязни. Владимир совершенно не отвечает за свои слова, особенно когда дело доходит до выборов. Какими бы выборы ни были, Владимир бы говорил, что они сфальсифицированы. Но именно Владимиру доверяет Екатерина. Поэтому она не знает, что выборы сфальсифицированы²¹⁷.

Я нахожу тезис о невозможности существования фактивных ментальных состояний без реальности, которая обеспечивает их возникновение, убедительным. Однако из него, как я буду обосновывать в конце главы, не следует, что знание ограничено ментальным состоянием. На мой взгляд, ментальные состояния производны от определенного типа каузальных цепочек, которые обеспечивают надежность информации, на основании которой формируются фактивные ментальные состояния. Другими словами, за пределами ментальных состояний находится гораздо больше элементов знания, чем может показаться. Эти цепочки циркулирующей информации неправдоподобно сводить к ментальному состоянию.

2.4. Проблемы теории «сначала знание»

В этом параграфе я рассмотрю проблемы теории *сначала знание*. В первом и втором подпараграфе будет рассмотрен напрашивающийся вопрос о соотношении убеждения, истинного убеждения и знания. В третьем подпараграфе я реконструирую доводы Уильямсона о том, что фактивные ментальные состояния объяснимы только исходя из свойств реальности, и продемонстрирую, что эта идея основана на экстернализме относительно ментальных состояний. После этого я рассмотрю важную для теории Уильямсона проблему светимости ментальных состояний. В заключении параграфа я предложу свое возражение против аргумента антисветимости.

²¹⁷ Ibid, P. 72.

2.4.1. Знание и убеждение

В редуктивном анализе знания за ментальный компонент отвечало понятие убеждения. В теории Уильямсона, знание само становится ментальным состоянием. Несомненно, существует связь между убеждением, надежностью, обоснованием и знанием. Так, трудно представить себе ситуацию, в которой мы знаем нечто о P , но у нас нет убеждения, что P ²¹⁸. Более обоснованные утверждения мы склонны считать более сильными кандидатами на знание. Хорошая теория знания должна объяснять взаимосвязи между этими понятиями²¹⁹.

Уильямсон выделяет несколько путей выстраивания отношений между знанием и убеждением. Можно, следуя Вендлеру, согласиться с тем, что знание и убеждение – это ментальные состояния разного порядка. Убеждение относится к смыслу высказывания (пропозиции), тогда как знание – к факту. Пропозиция, если окажется ложной, может продолжить свое существование, тогда как факт (положение дел) не может быть ложным. Убеждение легко разделить с другим человеком – достаточно его помыслить. Знание не «разделяют» с другим человеком в этом смысле – к нему либо имеют доступ, либо нет²²⁰. Другими словами, убеждение – это о субъективном состоянии, знание – об объективном положении дел.

Несводимая разница в убеждении и знании выражается в языке. Если бы убеждение схватывало все случаи знания, то мы могли бы спокойно заменить слово «знаю» на «убежден». Скажем, я могу знать поэму, каламбур, шутку, имя. Однако если я скажу, что истинно убежден в поэме, каламбуре или шутке – это или не будет иметь смысла, или приобретет совсем другой смысл²²¹. Уильямсон не разделяет этот подход, так как существует связь между убеждением и знанием в виде «Если

²¹⁸ Но возможно: на экзамене студентку спрашивают дату первого упоминания Москвы. Студентка в полной неуверенности называет цифру, которая каким-то образом приходит в голову – 1147 год – и оказывается права. Есть ли у нее знание без убеждения – спорный вопрос. Сам я считаю, что это вполне возможно. Подробнее см. *Shope, R. The analysis of Knowledge. P. 178–187, 1983.*

²¹⁹ *Williamson, T. Knowledge and its Limits. P. 41.*

²²⁰ *Vendler, Z. Res cogitans Cornell University Press, 1972. P. 118.*

²²¹ *Ibid, p. 141*

S знает, что A, то он верит в A». Объяснение Вендлера для Уильямсона не объясняет правдоподобие этой связи²²².

Анализ знания предполагал, что такое понятие, как убеждение, должно объяснять знание. Уильямсон предлагает перевернуть направление объяснения – знание должно объяснять, что такое убеждение²²³. Уильямсон намечает такое определение убеждения: «...грубо говоря, обращение с P как будто некто знает P»²²⁴. В его философии знание объясняет смысл других эпистемических состояний, при этом само знание является «необъяснимым объясняющим» (unexplained explainer).

Намеченная линия мысли требует дополнительных прояснений. Одно из них – как связано истинное убеждение и знание? Можно ли доказать, что знание фундаментальнее убеждения? Если знание – это ментальное состояние, а мы обычно распознаем наши ментальные состояния, то почему знание опознается хуже, чем другие ментальные состояния? Как теория Уильямсона уклоняется от проблемы Геттиера и решает проблему скептицизма? Эти вопросы можно переформулировать как проблемы. Все они отвечают за хорошую встраиваемость теории в реальность, то есть вероятностные качества абдукции. В следующих двух параграфах я рассмотрю эти вопросы в указанном порядке.

Теория Уильямсона обладает следующими преимуществами абдукции в понимании: а) простота в объяснении – знание – это ментальное состояние, которое фактивно; б) теоретическая связность и ресурсоемкость объяснения: знание связано с другими эпистемическими ментальными состояниями как более фундаментальная по отношению к ним сущность, с помощью которой следует определять все эпистемические состояния.

²²² *Williamson, T. Knowledge and its Limits. P. 42–43.*

²²³ На русском этот ход мысли разбирается в *Прись, И. Е. Знание как наиболее общее фактивное ментальное состояние.*

²²⁴ *Williamson, T. Knowledge and its Limits. P. 46–47.*

В следующем подпараграфе я разберу, почему пункт (б) программы «сначала знание» не срабатывает на примере убеждения. Затем я продемонстрирую, почему экстернализм относительно ментальных состояний необходим для программы «сначала знание» и почему эта идея является убедительной. Далее мною будет разобран тезис, согласно которому, ментальные состояния являются «светимыми» для разума, тогда как знание – несветимо. После этого я рассмотрю аргумент антисветимости Уильямсона. В завершении главы последует разбор возможной причины контринтуитивности тезиса, что «знание – это всего лишь ментальное состояние».

2.4.2. Знание и истинное убеждение

Убеждение – ментальное состояние. Знание – тоже ментальное состояние. А истинное убеждение? Может показаться, что оно находится где-то между убеждением и знанием. То есть истинное убеждение – это такое ментальное состояние, которое обладает дополнительным свойством. Но истина – не ментальное состояние, поэтому кажется, что возникает неправдоподобная ситуация. Возражение Уильямсона состоит в следующем: если что-то по смыслу находится между двумя ментальными состояниями, оно не должно быть ментальным состоянием. Вот его аналогия: предположим, что геометрическое свойство – это свойство объекта быть расположенным в пространстве. Есть (1) свойство быть равносторонним треугольником, (2) свойство быть треугольником, у которого стороны равны для невооруженного глаза и (3) свойство быть просто треугольником. (2) находится между (1) и (3), но не является чисто геометрическим свойством, так как свойство «для невооруженного глаза» не является геометрическим. Аналогичным образом, в теории Уильямсона, истинное убеждение – нементальное состояние²²⁵. Таким образом, истинное убеждение – это двухкомпонентное явление с того уровня описания, на котором находятся

²²⁵ *Ibid*, p. 28

ментальные состояния. Знание – элементарное состояние на этом же уровне описания.

2.4.3. Знание и убеждение

Выведение к наилучшему объяснению включает в себя идею объяснительной силы. Эта сила может реализовываться различными путями, один из них – то, как много *explanandum* объясняет *explanans*. В случае Уильямсона объяснительная сила оценивается тем, насколько успешно фактивное ментальное состояние (знание) может объяснить другие эпистемические состояния. Именно эта часть программы могла бы стать наиболее плодотворной, однако стала наиболее спорной²²⁶.

Проиллюстрирую проблему на примере отношения знания и убеждения. Можно дать определение убеждения через знание. Например, убеждение – это «...обращение с P как будто некто знает P». Более популярные попытки соотнесения знания и убеждения исходят из того, что знание *конституирует* убеждение. Однако в определенных ситуациях некто S может иметь два убеждения: 1) абсолютно рациональное и достаточно надежное убеждение P и при этом 2) иметь убеждение, что S не знает P²²⁷. Хорошей иллюстрацией являются случаи с лотереей. Если вы проиграли в лотерею с очень маленькими шансами на победу, то это не благодаря удаче. Если выиграли – можно сказать, что удача была на вашей стороне. Соответственно, можно иметь убеждение, что вы проиграете в лотерею и проиграв в нее, вы это сделаете не благодаря удаче. По мнению многих аналитических эпистемологов – это не будет знанием, так как не будет удовлетворено условие безопасности²²⁸. В силу этого возникает проблема того, что

²²⁶ Хороший разбор этих проблем см. в *McGlynn, A. Knowledge First? London: Palgrave Macmillan, 2014.* Стоит оговориться, что сам Уильямсон не обязательно прочитывается как эпистемолог сначала знание, который может вывести остальные (или многие) эпистемические состояния из знания. См. *Gerken, M. Against knowledge-first epistemology.*

²²⁷ *Ibid*, p. 23

²²⁸ *Ibid*, p. 27

убеждение не конституируется знанием, хотя и обладает большой эпистемической ценностью.

2.4.4. Светимость знания

Ментальные состояния узнаваемы. Например, если мне больно, мне трудно спутать боль с другими ментальными состояниями, я обычно осведомлен, что испытываю боль. Понимание, восприятие или воспоминание также являются знакомыми нам ментальными состояниями, которые я хорошо узнаю. Со знанием все сложнее: нередко его трудно отличить от обоснованной уверенности или необоснованного убеждения. Отсюда возникает неправдоподобность того, что знание – это ментальное состояние, ведь знание часто неузнаваемо. Я могу что-то знать, но не узнавать это ментальное состояние или путать знание с убеждением.

Однако схожая ситуация возможна и с другими эпистемическими состояниями. Например, люди могут иметь ложные воспоминания, неотличимые от настоящих. Один из исследователей ложных воспоминаний, профессор Свейн Магнуссен вспоминает: «Мы поехали на маленькой машине из Осло в Копенгаген. Машина сломалась. Я совершенно четко помню, как мы столкнули ее с причала в воду. Я даже помню, что причал был деревянным, хоть и уверен, что в Копенгагене таких нет»²²⁹. Позже он узнал у владельца машины, что такого эпизода не было. В экстернализме ложное воспоминание и обычное воспоминание – разные ментальные состояния. Такое различие отвечает, как мне кажется, интуициям многих людей.

Уильямсон обозначает доступные ментальные состояния как «светимые» (luminous). «Условие С – светимое, если и только если для каждого случая α , если в α С достигается, то тогда в α некто знает, что С достигнуто»²³⁰. Если ментальное состояние светимо, например, мы знаем о том, что испытываем головокружение,

²²⁹ Эстбю, Х., Эстбю, И. Это мой конек: Наука запоминания и забывания. Москва: Альпина Нон-Фикшн, 2020.

²³⁰ Williamson, T. Knowledge and its Limits. P. 95.

то чтобы это узнать, всегда достаточно задаться вопросом «А есть ли у меня головокружение?». Нементальные состояния не являются светимыми. Например, факт отсутствия мышей в подвале не всегда доступен моему сознанию.

Как показывает Уильямсон, ментальные состояния не обязательно светимы. Например, ощущение холода не светимо. Приведу аргумент Уильямсона²³¹. Представим себе человека, который утром на рассвете мерзнет, затем, в течение дня постепенно согревается и к закату начинает потеть от жары. Его состояния от заката до рассвета поделены на интервалы в одну миллисекунду, в каждый из которых его ощущения переходят поэтапно от чуть более холодного к чуть более теплomu. Изменения в ощущении температуры настолько слабые, что человек не ощущает их изменения. Если допустить, что ощущение холода светимо, то если в α_i человек ощущает холод, то и в α_{i+1} он будет ощущать холод. Соответственно, существует такое состояние α_{i+n} , когда ощущение холода уходит и человек это знает. Принимая во внимание, что знание подразумевает надежность, получается, что в момент α_{i+n} человек определяет это состояние надежным способом. Однако он это не может сделать в силу того, что настолько слабые изменения температуры невозможно заметить.

Мэтью Стеуп защищает принцип светимости ментальных состояний, исходя из того, что если человек не замечает разницу в ощущении холода между состояниями α_i и α^{i+1} , то это означает, что разницы в ощущении холода просто нет²³². Более того, неизвестно, может ли изменение в ощущениях происходить каждую миллисекунду. Например, возможно, ощущения обладают той же темпоральностью, что и наша способность воспринимать их интроспективно²³³.

²³¹ Ibid, P. 94.

²³² *Williamson, T. Replies to critics. P. 222–223 // Williamson on Knowledge / Ed. by D. Pritchard, P. Greenough Oxford University Press, 2009. P. 279–384.*

²³³ *Steup, M. Are mental states luminous? // Williamson on Knowledge / Ed. by D. Pritchard, P. Greenough Oxford University Press, 2009. P. 217–236.*

Уильямсон в ответе Стеупу вводит различие на *ощущение изменения* и *изменение ощущения*. Эти два состояния могут существовать независимо друг от друга, однако их уравнивание необходимо для того, чтобы отстаивать доводы Стеупа. Например, если воспринимать разницу в холоде как *ощущение изменения*, то агент по определению никогда не наблюдает изменения в двух близлежащих состояниях ощущения холода. Если воспринимать разницу в холоде как *изменение ощущения*, то метафизически возможно, что агент может забыть, что было в ощущении момент назад, и условие светимости будет нарушено²³⁴.

Если опираться на феноменологию восприятия, то, согласно моему опыту, можно иметь различные ментальные состояния, не имея возможности безошибочно различить их. Например, испытывать негативную реакцию на мир, не понимая, что это – гнев, раздражение, расстройство или разочарование. Если моя оценка опыта верна, то ментальные состояния не всегда светимы, потому что не всегда различимы их свойства. Однако для каждого ментального состояния характерны такие случаи, когда оно различимо однозначным образом. Если человеку холодно, то, зачастую, ощущение холода светимо, также как если человек убежден, то во многих случаях принятие пропозиции опознаваемо носителем убеждения без какого-либо затруднения. Понимание может быть ложным, однако ментальное состояние идентифицируется во многих случаях без проблем. Аналогично с восприятием. Если я вижу кота, сомнения скептика можно принять как часть интеллектуальной игры, но оценка ментального состояния как восприятия сохранится. Разница между знанием и ментальным состоянием может быть продемонстрирована через принцип различения светимости²³⁵ (DLP).

DLP: условие С является более светимым, чем условие D, если для *значительного* количества случаев α С корректно идентифицируется чаще, чем D, в сопоставимых по контексту обстоятельствах.

²³⁴ Williamson, T. Replies to critics. P. 370–374.

²³⁵ Discernability luminous principle. Аббревиатура на русском не выглядит удачной.

Например, гнев является более светимым условием, чем верность прогноза погоды на неделю. DLP нужен, чтобы показать разницу между знанием и ментальными состояниями. Эта формулировка не проясняет, как сравнивать разные случаи и как сопоставлять контексты условий. Однако формулировка принципа хорошо передает интересующее меня наблюдение: знание менее светимо, чем ментальные состояния, и поэтому оно не является ментальным состоянием.

Убеждение, например, будет более светимым, чем знание. Эта линия мысли ведет к тому, что все ментальные состояния и процессы (понимание, восприятие, воспоминание, гнев, желание, восхищение и так далее) являются более светимыми, чем знание. Это связано с тем, что ментальные состояния можно достигать интроспективно; достижение же знания зависит далеко не только от интроспекции. Совет «обратиться внутрь своего мира» для того, чтобы разобраться в характере переживаемых состояний, имеет смысл, когда мы имеем дело с ментальными состояниями и процессами. Однако в случае со знанием проблемы, связанные с эвристическими уловками (biases), которые можно решать обращаясь «внутрь себя» – лишь вершина айсберга. Или например, когда ты спрашиваешь человека, помнит ли он эпизод из детства, ему нужно обратиться к интроспекции. Он может сверить свои воспоминания с данными других свидетелей, проверить их качество и например, убедиться в верности или ложности своего воспоминания.

Мне не удалось развить из формулировки DLP аргумент, который бы однозначно доказывал, что знание – это не ментальное состояние. Главная проблема, с которой я столкнулся – вопрос о том, на каком основании можно определять состояния как «достаточно светимые», чтобы считаться ментальными состояниями. Допустим, что убеждение – это достаточно светимое состояние для того, чтобы считаться ментальным. Но почему знанию не хватает «светимости», даже если согласится, что, в целом, знание менее светимо? Кажется, что любое проведение разграничения на достаточно и недостаточно светимые состояния будет ad hoc. Решение, которое я наметил выше – критерий практики. Являются ли

интроспекция и рефлексия над работой сознания ключевыми инструментами для квалификации состояния как ментального? Если да, то мы имеем дело с ментальными состояниями. В случае со знанием – это только один из способов квалификации того, с чем мы имеем дело. Ментальные состояния, как и знание, также могут определяться не через анализ сознательного опыта, а через внешнюю реальность. Например, можно уточнить у свидетеля, действительно ли я был убежден в некотором положении дел. В известном смысле, это будет непрямая квалификация ментальных состояний. Однако в случае со знанием процедура квалификации куда больше располагает к обращению к внешним по отношению к агенту данным. Тем не менее, в текущем виде представленное решение уязвимо для критики.

Вторая проблема – как сравнивать степень светимости состояний? Полагаю, что оценка знания и фактивных ментальных состояний на основании этого принципа демонстрирует хорошо наблюдаемую разницу.

Принцип DLP также требует прояснений относительно противостояния между экстернализмом и интернализмом. Интернализм выигрывает от того, что ментальные состояния являются куда более светимыми, чем знание. Однако экстернализм в ментальных состояниях, на мой взгляд, является более сильной позицией. DLP совместим с экстернализмом. Даже если ментальные состояния включают в себя мир за пределами границы тела агента, из этого не следует, что знание – это только ментальное состояние.

2.4.5. Скептицизм для нередуктивного знания

В начале первой главы я пришел к выводу, что хорошая теория знания должна успешно оппонировать скептицизму. Насколько хорошо это удастся Уильямсону?

Для обоснования антискептической позиции, Уильямсон апеллирует к принимаемому им экстернализму в вопросе свидетельств²³⁶. Такая позиция подразумевает, что свидетельство, даже если оно нам ментально не доступно, ведет к знанию. Например, я могу знать, что я не мозги в колбе, даже если свидетельства, на основании которых я пришел к этому заключению, мне не доступны полностью и я не способен их воспроизвести.

Перейдем теперь к скептическому аргументу. Назовем мир, в котором наши убеждения о нем верны – хорошей ситуацией, а мир, в котором мы мозги в колбе – плохой ситуацией. Скептик склонен считать, что наше знание о мире не позволяет отличить плохую ситуацию от хорошей. Поэтому мы не знаем большую часть того, что нам кажется очевидным, например, что у меня есть руки, ведь если у меня их нет, в плохой ситуации я буду иметь те же свидетельства, что и в хорошей.

Уильямсон доказывает, что свидетельства в хорошем случае отличаются от свидетельств в плохом. Для того, чтобы создать проблему для скептического взгляда, можно сделать эпистемическую асимметрию вида: случай Б «эпистемически доступен из случая А, если и только если все, что некто знает в А, верно в Б. Тогда, согласно антискептику, хотя хорошая ситуация эпистемически доступна из плохой ситуации, плохая ситуация не доступна эпистемически из плохой ситуации»²³⁷. Из этого следует, что в плохой ситуации не следует доверять свидетельствам, тогда как в хорошей ситуации – этим свидетельствам стоит доверять. Таким образом, наши эмпирические данные позволяют заключить, что мы в хорошей ситуации.

Основанием для отказа от аргумента Уильямсона будет отказ от экстернализма в свидетельствах. Такой отказ может быть мотивирован

²³⁶ В рамках эпистемологии Уильямсон экстерналист в двух смыслах: в ментальных состояниях и в свидетельствах. Первый смысл служит основанием для второго. Логически существует возможность быть экстерналистом в ментальных состояниях и интерналистом в свидетельствах. Обратную позицию (интернализм в ментальных состояниях и экстернализм в обосновании) занимает, вероятно, большинство эпистемологов.

²³⁷ *Williamson, T. Knowledge and its Limits. P. 166.*

интуитивной убедительностью интернализма: мы всегда знаем какие у нас есть свидетельства и в чем они заключаются. Если свидетельство нам не доступно (например, мы не помним оснований, по которым мы пришли к факту), то такое свидетельство нам не принадлежит и не позволяет достигать знания. Против интернализма Уильямсон выдвигает аргумент того же типа, что был рассмотрен мною в параграфе «аргумент анти-светимости». Когда S воспринимает изменение положения солнца от состояния яркого дня до крошечной тьмы, его восприятие может быть разделено на отрезки в миллисекунду времени. S не обладает способностями отличать положение солнца в T_n от T_{n+1} . Поэтому S не доступна в опыте разница в позициях солнца в этих двух состояниях. Это значит, что мы не всегда имеем полный доступ к свидетельствам. Однако интернализм утверждает противоположное: S обладает свидетельством, что P , только если у него есть (потенциально) полный доступ к свидетельству, что P .

В целом, эта стратегия защиты от скептицизма применима к любой экстерналистской теории знания, в том числе и к теории знания Бруно Латура, которую я рассмотрю в третьей главе.

Однако существует и попытка ослабить теорию Уильямсона через демонстрацию уступок скептикам, которые может содержать его теория. Если знание – базовое фактивное ментальное состояние, то через знание можно определить свидетельство (evidence). Уильямсон предполагает, что полные свидетельства S – это полное знание S . Или коротко: $E = K$ ²³⁸. Дилан Додд утверждает, что тезис $E = K$ влечет скептицизм в ситуациях достижения знания, которые не связаны с прямым восприятием внешнего мира. Например, знание фактов о будущем. Так, на основании имеющихся свидетельств, можно вывести, что я буду жив через месяц. Если это выведенное (inferential) знание, то, в случае с Уильямсоном, его вероятность равна 1 (стоцентная). Однако в этом случае вероятность того, что я проживу 2 месяца, также вырастет, но не потому, что

²³⁸ Ibid, P. 185

получена новая информация, а благодаря указанному выведению²³⁹. Оптимальный выход из этой ситуации – допустить, что изначально такого рода знание о будущем недостижимо. Однако аналогичные аргументы можно построить о различных убеждениях, касающихся настоящего²⁴⁰. Это ведет к существенному ограничению того, что мы можем знать.

Этот аргумент основан на положении, что $E = K$ подразумевает инфаллабилизм вида « S знает, что p , только если вероятность p на основании свидетельств $S = 1$ »²⁴¹. Однако тезис $E = K$, как и эпистемология Уильямсона в целом, совместимы с фаллабилизмом Коэна вида: « S может прийти к знанию, что p , на основании r , даже если r не влечет за собой p »²⁴². Если Уильямсон принимает коэновский фаллабилизм, то для него не возникает скептической проблемы²⁴³.

2.4.6. Нередуцируемость знания до ментального состояния

Как было замечено некоторыми эпистемологами, концепция «сначала знание» может включать несколько тезисов²⁴⁴. Меня интересует только два: (i) «знание» нередуктивно, то есть не состоит из истинного убеждения и чего-то еще; (ii) знание – это ментальное состояние.

В третьей главе я продемонстрирую совместимость (i) с разновидностью релайабилитета, которая будет понимать ментальный компонент знания – убеждение, как ментальное состояние производное от цепочек знания. Поэтому меня интересует отвержение (ii).

Для этого я обращаюсь к принципам выведения к наилучшему объяснению. Приведу два основных тезиса, которые я буду отстаивать: 1) знание – это гораздо

²³⁹ *Dodd, D.* Why Williamson should be a sceptic. P. 640–642 // *The Philosophical Quarterly*. 2007. Vol. 57. No. 229. P. 635–649.

²⁴⁰ *Ibid*, p. 646–649

²⁴¹ Подробнее см. в *Littlejohn, C.* From $E = K$ to scepticism? P. 679 // *The Philosophical Quarterly*. 2008. Vol. 58. No. 233. P. 679–684.

²⁴² *Ibid*, P. 682

²⁴³ *Ibid*, P. 683

²⁴⁴ *McGlynn, A.* Knowledge First? P. 15–18.

больше, чем ментальное состояние; 2) описание знания не через ментальные состояния является более плодотворным.

В современных исследованиях науки сложился определенный жанр описания, построенный на наделинии агентностью объектов, которые не могут иметь убеждений²⁴⁵. Однако их действия – необходимое условие для формирования цепочки знания. Например, в визуальном восприятии, такую роль играет свет. Для того чтобы что-то видеть, свет должен иметь определенные характеристики «доставлять» корректную информацию. Даже пока никто не смотрит на kota, свет уже отражается от поверхности питомца. Это положение дел – несформированное до конца знание.

Чем сложнее цепочка знания, тем больше таких звеньев будет в ней присутствовать. Например, при открытии гормона TRF ученые имели огромное количество таких цепочек акторов. В них участвовали лабораторные животные, приборы, листы бумаги, компьютеры, графики, анализ графиков, статьи в журналах²⁴⁶.

Если представить всю цепочку знания о существовании гормона TRF, то в ней будет участвовать сотни и тысячи ментальных состояний. В этой ситуации знание – это гораздо больше, чем ментальное состояние при любой трактовке ментального состояния. Назовем такую цепочку знания «комплексным знанием, что P». Комплексное знание по определению гораздо больше, чем ментальное состояние. Во-первых, в него включено множество ментальных состояний, во-вторых, в него включена активность акторов, не обладающих сознанием. Если явление состоит из ментальных и нементальных компонентов, то в целом оно не ментальное. Таким образом, комплексное знание будет не ментальным состоянием, но знанием. На этот довод есть очевидное (и главное) возражение – мы имеем дело со знанием,

²⁴⁵ Прежде всего я имею в виду Science and Technology Studies. См. подробнее: *Callon, M., Law, J. After the individual in society: Lessons on collectivity from science, technology and society // Canadian Journal of Sociology/Cahiers canadiens de sociologie. 1997. P. 165–182.*

²⁴⁶ *Latour, B., Woolgar, S. Laboratory life.*

которое выводится из других единиц знания. С позиции «сначала знание» финальное ментальное состояние включает в себя внешнюю по отношению к агенту часть реальности. Цепочки знания реализуются на физических объектах и процессах, но могут быть от них концептуально отделены. Все действия, приписываемые объектам, должны быть или включены в ментальное состояние или не быть частью знания.

Более правдоподобным будет полагать, что фактивные ментальные состояния производны и возможно, супервентны на физических свойствах нашего мира, однако не редуктивны по отношению к ним. Эта интуиция, мне кажется, заслуживает более проработанного аргумента, однако эту проработку следует иметь в виду в качестве перспектив настоящего исследования. В следующей главе я продемонстрирую интуитивно понятный и плодотворный способ описания цепочек знания.

Заключение ко второй главе

Во второй главе было продемонстрировано, что инвариантизм предполагает, что есть некоторый инвариант, который свойственен всем случаям знания. Однако эти теории могут показаться несостоятельными не только из-за проблемы Геттиера, но и с позиции объяснительной силы. Были приведены влиятельные в литературе доводы в пользу того, что инвариантизм не объясняет, как при разных стандартах знания у нас меняется его оценка. Было указано, что две программы предлагают решение этой проблемы неэпистемическими объяснениями. Импуризм привлекает прагматические соображения, но сам становится жертвой контринтуитивных последствий. Контекстуализм делает уступки скептицизму и говорит, что мы приписываем знание, опираясь на контекст. Было рассмотрено, как в ответ инвариантисты предлагают ряд объяснений того, как человек меняет оценку знания, но смена этой оценки не влияет на инвариант знания.

Затем было обосновано, что наиболее экономными ответами будет попадание в локальный скептицизм и отсутствие знания второго порядка. Контекстуализм

является не полноценной теорией знания, а дополнением к теории знания, которое позволяет преодолеть скептицизм, но не решает проблему Геттиера.

После этого во второй главе была разобрана теория «сначала знание» Уильямсона. Было описано, как эта теория отталкивается от неспособности анализа знания справиться с проблемой Геттиера. Затем было рассмотрено объяснение этой неспособности: знание – это не многокомпонентная сущность. Знание – это фактивное ментальное состояние. Было показано, что согласно теории Уильямсона, знание является наиболее фундаментальным эпистемическим состоянием, и поэтому объясняет все остальные эпистемические состояния, вроде убеждения, обоснования, свидетельства, воспоминания или понимания. Было продемонстрировано, что так как знание нельзя разделить на компоненты, оно не сталкивается с проблемой Геттиера.

Далее, был развернут тезис, согласно которому, в простоте теории Уильямсона заключается теоретическая привлекательность программы «сначала знание». Тезис о сводимости знания к ментальному состоянию основывается на экстернализме в понимании сознания, который утверждает, что ментальные состояния включают в себя внешний по отношению к агенту мир. Экстернализм доказывается через невозможность сепарации внешних и внутренних компонентов знания. Было продемонстрировано, что одна из проблем этого подхода – ментальные состояния светимы для нашего разума, тогда как знание – нет. Затем было разобрано, как Уильямсон атакует этот тезис демонстрацией того, что ментальные состояния также не светимы (аргумент антисветимости). Уильямсон показывает, что из структуры аргумента антисветимости можно вывести возражение на проблему скептицизма. В теории Уильямсона, фундаментальность знания по отношению к другим эпистемическим сущностям демонстрируется через создание теорий, в которых знание определяет эти сущности. Было проиллюстрировано, что основная проблема этих определений в том, что они сталкиваются во всех случаях с убедительными контрпримерами. Отсюда возникает идея о том, что все эпистемические ментальные состояния являются фундаментальными и не

сводимыми друг к другу. Несмотря на имеющиеся ресурсы для решения проблемы скептицизма и успешного уклонения от проблемы Геттиера, было показано, что теория Уильямсона не обладает должной объяснительной силой и знание не является универсальным объяснением других эпистемических состояний, а сама идея, что знание – это всего лишь ментальное состояние, является крайне контринтуитивной. Для демонстрации разницы между ментальными состояниями и знанием был предложен принцип различения светимости, который позволяет обосновать, что знание недостаточно светимо для интроспекции, чтобы быть всего лишь ментальным состоянием. Именно в этом контексте возникает необходимость рассмотреть теорию знания, разработанную философом Бруно Латуром.

Глава 3. Теория знания Латура

Введение к третьей главе

Эта глава посвящена теории знания Бруно Латура. Хотя Латур предлагает оригинальную и обоснованную концепцию знания, его теория не представлена в аналитической традиции. Задача главы — обосновать философскую состоятельность теории знания Латура в рамках современной аналитической эпистемологии, то есть ее способность реагировать на те проблемы, которые остаются предметом дискуссии о знании в аналитической традиции.

В предыдущих параграфах было показано, что в аналитической эпистемологии нет доминирующей концепции знания. В первой главе я рассмотрел теории анализа знания. Сторонники этого подхода полагают, что знание — это истинное убеждение вместе с некоторым условием *X*, которое может быть каузальной связью²⁴⁷, обоснованием (*warrant*)²⁴⁸, надежностью (*reliability*)²⁴⁹ или более сложным условием²⁵⁰. Во второй главе я рассмотрел попытки дополнить анализ знания условиями, которые не связаны с истинностью в строгом смысле — прагматическими соображениями²⁵¹ и контекстом²⁵². Во второй части второй главы

²⁴⁷ *Goldman, A.I.* A causal theory of knowing.

²⁴⁸ *Plantinga, A.* Warrant and proper function.

²⁴⁹ *Goldman, A.I.* Discrimination and perceptual knowledge.

²⁵⁰ *Chisholm, Roderick Milton.* Theory of knowledge.

²⁵¹ *Stanley, J.* Knowledge and practical interests.

²⁵² *Lewis, D.* Elusive knowledge; *Cohen, S.* Contextualism, skepticism, and the structure of reasons.

я продемонстрировал, как Уильямсон и его последователи отвергают проект анализа знания и предполагают, что знание – это ментальное состояние²⁵³.

В третьей главе я покажу, что теория Латура решает основные проблемы знания, которые есть в аналитической философии и сохраняются отчасти нерешенными в рассмотренных выше подходах.

С целью продемонстрировать, что теория знания Латура (далее ТЗЛ) является перспективной и выдерживает возможную критику со стороны аналитических философов, я реконструирую основные положения этой теории. Далее я продемонстрирую объяснительный потенциал теории на двух примерах. Затем продемонстрирую, какие конвенции анализа знания ТЗЛ не соблюдает. После применю к ТЗЛ сложившуюся в аналитической эпистемологии классификацию подходов с тем, чтобы выявить применимую к взглядам Латура критику, а также аргументы, которые эта теория может применять в свою пользу. Критика будет применима к ТЗЛ в силу занимаемых ею позиций по важным для теорий знания различиям. Другая причина, по которой я буду встраивать ТЗЛ в таксономию аналитической эпистемологии – необходимость реагирования на важное возражение, состоящее в том, что ТЗЛ и теории, рассмотренные в предыдущих главах, исследуют разные явления, которые называют одним термином – знание. Тот факт, что ТЗЛ уверенно встраивается в таксономию эпистемологии, затруднит эту линию критики. После этого я выявлю в ТЗЛ проблемы, которые предполагают дальнейшую доработку теории. В конце я предложу различные возможные формулировки знания в терминах необходимых и достаточных условий на основании ТЗЛ. На основе этих формулировок я продемонстрирую, как ТЗЛ может работать с проблемой Геттиера.

²⁵³ *Williamson, T. Knowledge and its Limits.*

3.1. Теория знания Бруно Латура

Перед тем как я опишу ТЗЛ, я дам релевантный для моего исследования комментарий об обстоятельствах, в которых она возникла²⁵⁴. Бруно Латур начинал свой интеллектуальный путь с библейской экзегезы²⁵⁵ и стал широко известен академическому сообществу как один из основателей антропологии науки²⁵⁶. Взгляд на мир с позиции антрополога фокусируется на практиках, в случае Латура – на практиках производства и распространения научного знания. Если аналитические философы сосредоточены на субъекте настолько, что одной из самых заметных теорий становится знание как истинное ментальное состояние, то в латуровской оптике субъект знания – конечный результат производства знания.

После написания «Пересборки социального»²⁵⁷ Латур начал проект «модусов существования»²⁵⁸. Результатом этого проекта стал ряд работ, главная из которых — «Исследование модусов существования»²⁵⁹. Одна из базовых идей этой работы состоит в следующем: есть четырнадцать способов говорить об истине – четырнадцать модусов существования. Есть модусы, связанные с нашей повседневной жизнью, вроде закона, политики, технологии, привычки, этики, вымысла (*fiction*) или религии, есть и менее узнаваемые. Так, существует модус, отвечающий за сохранение сущностями их тождества во времени, — репродукция, или модус, отвечающий за то, чтобы другие модусы не нарушали своих границ — препозиция²⁶⁰. Вместе эти модусы включают в себя все что доступно людям в мире,

²⁵⁴ Материалы этого и следующего параграфа в сокращенном виде были опубликованы в *Демин Т.С. Бруно Латур и аналитическая эпистемология // Социология власти. – 2019. – Т. 31. – №. 2; С.116-135.*

²⁵⁵ *Латур, Бруно. Биография одного исследования: к работе о модусах существования // Философско-литературный журнал «Логос». 2017. Vol. 27. No. 1 (116), С. 221.*

²⁵⁶ *Latour, B., Woolgar, S. Laboratory life; Latour, B. Science in action: How to follow scientists and engineers through society Harvard university press, 1987.*

²⁵⁷ *Латур, Б. Пересборка социального. 2014.*

²⁵⁸ Здесь имеется в виду библиографическая периодизация творчества Латура. После 2005 г. он пишет ряд работ в новом ключе (про право, религию, искусство и метафизику), которые в целом можно охарактеризовать как проект «модусов существования». Подробнее интеллектуальную автобиографию Латура на русском см. *Латур, Бруно. Биография одного исследования.*

²⁵⁹ *Latour, B. An inquiry into modes of existence.*

²⁶⁰ Все веб-ссылки в этой главе даются на сайт modesofexistence.org, посвященный opus magnum Латура — «Исследованию модусов существования». На сайте есть объемный индекс с раскрытием всех

исчерпывают собой в достаточной степени все сущности, с которыми мы сталкиваемся²⁶¹. Модусы определяют, что представляют собой сущности, которые возникают внутри них, а также значение *истинности* или ложности в рамках своих *границ*²⁶². Высказывание не может быть истинным вообще; оно наделяется истинностным значением в рамках конкретных модусов. Мы можем делать истинные и компетентные высказывания в таких областях, как этика, правоприменение, воспроизводство сущностей во времени или искусство опираясь не только на знание, но и на другие способы достижения истины. Например, в правоприменении мы приходим к истине благодаря работе с правовыми средствами (legal means), приводя прецедент в соответствии с формулировками правовых актов, в религии – толкуя священные тексты и изучая традицию богословских споров. Таким образом, Латур является сторонником плюралистической теории истины. Это означает, что в каждом модусе существования есть своя модель истины. В случае с модусом знания это корреспондентная теория истины.

Каждый модус имеет: а) особую траекторию, по которой циркулирует производимая модусом сущность. Для знания это движение информации через «цепочку референций» (chain of references). Например, перемещение информации от данных, содержащихся в пробирке до научной статьи требует многочисленных изменений, переводов из записей наблюдений в графики, из графиков – в интерпретации, и т.д. В ТЗЛ любое движение информации по траектории знания подразумевает перемещение через подобные трансформации; б) «условия удовлетворения» — то, каким образом устанавливается истинность или ложность высказывания в рамках модуса. Для знания это «каноническое разделение на “истинные” и “ложные” высказывания, находящиеся в соответствии (corresponds)»

основных понятий и сюжетов книги. Для доступа к материалам необходима регистрация. URL: [http://modesofexistence.org/inquiry/?lang=en#b\[chapter\]=#7&b\[subheading\]=#107&a=SET+VOC+LEADER&c\[leading\]=VOC&c\[slave\]=TEXT&i\[id\]=#vocab-405&i\[column\]=VOC&s=0&q=\[pre\]](http://modesofexistence.org/inquiry/?lang=en#b[chapter]=#7&b[subheading]=#107&a=SET+VOC+LEADER&c[leading]=VOC&c[slave]=TEXT&i[id]=#vocab-405&i[column]=VOC&s=0&q=[pre]) (Дата обращения: 20.04.2020)

²⁶¹ Latour, B. An inquiry into modes of existence. P. 479–480.

²⁶² Latour, B. An inquiry into modes of existence. P. 53–54.

с референтом (то положение дел, к которому отсылает информация); в) требования, которым должны соответствовать производимые модусом сущности: «объективное, инструментализированное и исправленное знание», сохраняющее неизменность в ходе трансформаций²⁶³. Для обозначения этого феномена Латур использует термин «неизменная мобильность» — способность информации проходить через трансформации, сети, контексты, время, пространство (мобильность) и сохранять при этом нужное содержание (неизменность); г) способ изменения модуса, при котором он сохраняет самотождественность²⁶⁴ (каким образом в рамках модуса производятся новые сущности?): достижение отдаленных сущностей через траектории движения неизменных мобильностей²⁶⁵. То, что было недоступно знанию через его траектории, становится доступным благодаря тому, что объект через движение информации становится известен субъекту.

Знание, таким образом, — это один из многих способов достижения истины со своими специфическими характеристиками, не редуцируемый до любого другого модуса²⁶⁶. Эти необычные для эпистемологии детали, вроде информации, являющиеся «неизменными мобильностями», которые перемещаются через «цепочку референций», — результат многих лет работы Латура в области антропологии науки²⁶⁷. В слишком знакомых или близких для нас случаях знания этапы трансформации неразличимы, и поэтому не получается увидеть трансформации, которые претерпевает информация для того, чтобы пройти свой путь от объекта к субъекту. Исследования науки показали сложности, с которыми

²⁶³ URL: [http://modesofexistence.org/inquiry/#b\[chapter\]=#9&b\[subheading\]=#135&a=SET+VOC+LEADER&c\[leading\]=VOC&c\[slave\]=TEXT&i\[id\]=#vocab-441&i\[column\]=VOC&s=0&q=\[ref\]](http://modesofexistence.org/inquiry/#b[chapter]=#9&b[subheading]=#135&a=SET+VOC+LEADER&c[leading]=VOC&c[slave]=TEXT&i[id]=#vocab-441&i[column]=VOC&s=0&q=[ref])
(Дата обращения: 20.04.2020)

²⁶⁴ URL: [http://modesofexistence.org/inquiry/#b\[chapter\]=#9&b\[subheading\]=#135&a=SET+VOC+LEADER&c\[leading\]=VOC&c\[slave\]=TEXT&i\[id\]=#vocab-441&i\[column\]=VOC&s=0&q=\[ref\]](http://modesofexistence.org/inquiry/#b[chapter]=#9&b[subheading]=#135&a=SET+VOC+LEADER&c[leading]=VOC&c[slave]=TEXT&i[id]=#vocab-441&i[column]=VOC&s=0&q=[ref])
(Дата обращения: 20.04.2020)

²⁶⁵ Latour, B. An inquiry into modes of existence. P. 488–489. См. также URL: [http://modesofexistence.org/inquiry/#a=SET+VOC+LEADER&c\[leading\]=VOC&c\[slave\]=TEXT&i\[id\]=#vocab-441&i\[column\]=VOC&s=0](http://modesofexistence.org/inquiry/#a=SET+VOC+LEADER&c[leading]=VOC&c[slave]=TEXT&i[id]=#vocab-441&i[column]=VOC&s=0) (Дата обращения: 20.04.2020)

²⁶⁶ Latour, B. A Textbook Case Revisited. Knowledge as mode of existence. P. 85.

²⁶⁷ Латур не принимает разделение знания на «научное» и «обыденное» или, например, попперовское различие субъективного и объективного знания. Поэтому его примеры исследования эволюции лошадей и кота на ковре используются как равнозначные примеры одного и того же знания. Latour, B. A Textbook Case Revisited. Knowledge as mode of existence.

сталкивается знание в процессе возникновения. Отсюда – упрек Латура в адрес классических философов: для объяснения того, как возникает знание, они используют слишком простые примеры. На таких примерах ни одна из теорий не может показать те сложности, с которыми сталкивается знание. Поэтому «мы принимаем побочный продукт пути [знания — ДТ] — знающий разум и познанный объект — как два единственных по-настоящему значимых компонента любого положения дел»²⁶⁸. Этот упрек справедлив и по отношению к современным эпистемологам. Избежать эпистемологических ловушек, согласно Латуру, можно на основе пяти тезисов.

1. Знание, которое находится в процессе производства, и знание, которое мы видим в качестве результата этого процесса, — два разных состояния знания.
2. Только во втором состоянии знания мы можем говорить о знающем субъекте и познанном объекте²⁶⁹.
3. Исправления и пересмотры — это существенные характеристики возникновения знания²⁷⁰.
4. Создание «черных ящиков»²⁷¹, проверка знания экспертами, привыкание к новому знанию и другие формы институционализации – также существенные черты знания²⁷².

²⁶⁸ Latour, B. A Textbook Case Revisited. Knowledge as mode of existence. P. 90.

²⁶⁹ Latour, B. A Textbook Case Revisited. Knowledge as mode of existence. P. 94.

²⁷⁰ В эпистемологии идея, что знание подвержено ошибкам называется фаллабилизмом (fallibilism). Фаллабилизм в дискуссии имеет неопределенный статус. Так, Льюис считает, что фаллабилизм противоречит интуициям и неприемлем для знания. При этом Стивен Коэн имеет ввиду под этим термином, что у нас нет гарантии от ошибки. Он считает, что практически все эпистемологи разделяют эту идею. *Cohen, S. How to be a Fallibilist; Lewis, D. Elusive knowledge.* См. также *DeRose, K. Contextualism and Fallibilism // The Routledge Handbook of Epistemic Contextualism Routledge, 2017. P. 145–155; Holliday, W.H. Fallibilism and multiple paths to knowledge // Oxford studies in epistemology. 2015. Vol. 5. P. 97–144.*

²⁷¹ Обычно нам не нужно знать, как мы пришли к какому-то знанию. Например, нам не интересны доказательства того, почему Земля вращается вокруг Солнца. Тогда мы просто пользуемся этим фактом без обращения к тому, на чем основывается это знание. Латур назвал такой принцип «черным ящиком». *Latour, B. Science in action. P. 2–3.*

²⁷² Latour, B. A Textbook Case Revisited. Knowledge as mode of existence. P. 94.

5. Знание находится во времени и оценить, что является знанием, а что нет, можно лишь ретроспективно²⁷³.

Если в концептуализации знания мы опускаем эти тезисы, то исчезает работа, благодаря которой формируется знание. Такое исчезновение открывает дорогу для «телепортационного знания» – идеи о том, что знание – это скачок от объекта к субъекту без понимания того, как возникновение этих двух сущностей стало возможным. Даже если такое понимание есть, субъект и объект остаются центральными элементами, с которых начинается анализ знания. Именно такую картину, где субъект и объект – точки отчета анализа знания, мы можем наблюдать в современной эпистемологии. ТЗЛ выступает против такой установки.

В следующем параграфе я продемонстрирую на двух примерах, как эта теория описывает нашу познавательную практику, и через это обосную ее высокий эвристический потенциал.

3.1.1. Анализ опыта

Теория Латура обладает несколькими преимуществами перед теориями знания в аналитической эпистемологии. Первое из них – коллективный характер знания. Я провожу аргументацию в пользу такого подхода в конце параграфа «Нарушение конвенций». В этом параграфе я хочу рассмотреть второе преимущество – высокий эвристический потенциал теории при ее применении в описании цепочек знания. Чем больше полезных различий дает теория, тем более высоким эвристическим потенциалом она обладает. Я продемонстрирую особенности описания, которое обеспечивает ТЗЛ в двух гипотетических ситуациях²⁷⁴.

²⁷³ *Latour, B. A Textbook Case Revisited. Knowledge as mode of existence. P. 88.*

²⁷⁴ Латур показывает преимущества применения своей теории на примере научной выставки, посвященной эволюции лошадей. См. *Latour, B. A Textbook Case Revisited. Knowledge as mode of existence. P. 84–87.84-87.* Наиболее известное применения Латуром концепции «неизменной мобильности» приводится в описании исследования освоения территории джунглей Амазонки. См. *Latour, B. Pandora's hope. P. 24–79.*

Детальный анализ любого случая знания приводит нас к тому, как оно возникло или как оно обосновывается²⁷⁵. Любое знание в конечном счете обосновывается тем, как оно было открыто или подтверждено. В связи с этим, я сразу перейду к описанию знания через его открытие и подтверждение, то есть процесс его производства.

Начнем с самого простого. Я знаю, что кот сидит на ковре. Как устроено это знание?

Простой уровень описания I: у меня есть убеждение и оно соответствует реальности. Убеждение верно благодаря зрению, через которое я смотрю на кота.

Этот уровень описания легко интерпретировать посредством любой из известных нам теорий. Такое описание слишком мало говорит нам о том, какова природа знания²⁷⁶.

Глубокий уровень описания I: частицы света падают на кота и ковер. Они отражаются от поверхности кота и ковра. Отраженные частицы света улавливает сетчатка глаза. Через нее частицы света попадают на фоторецепторы. Фоторецепторы – колбочки и палочки – обрабатывают полученные частицы. Затем глаз посылает электрические импульсы в глазной нерв. Через глазной нерв электрические импульсы поступают в зрительные отделы мозга. Мозг из поступающих электрических импульсов производит зрительный образ. По зрительному образу я распознаю кота и ковер, также как и то, что кот сидит на ковре.

²⁷⁵ Различение на «контекст открытия» и «контекст обоснования» было введено Хансом Рейнбахом. *Reichenbach, H. Experience and prediction: An analysis of the foundations and the structure of knowledge.* P. 6–71938. В указанном месте оно означает разницу между феноменальным опытом агента и логической структурой знания, которая не привязана к чьему-то опыту.

²⁷⁶ *Latour, B. Pandora's hope.* P. 40.

Это далеко не самый глубокий уровень описания знания – однако его достаточно, чтобы сделать выводы. Однако перед этим – еще один пример, для того чтобы показать инвариант в двух случаях знания.

Я знаю, что Эверест – самая высокая гора на земле. Как устроено это знание?

Простой уровень описания 2: в детстве я прочитал это в энциклопедии издательства «Аванта+». Это достаточно надежное для такого рода знания свидетельство, поэтому прочитав этот факт в книге, я получил знание, что Эверест – самая высокая гора.

Снова мы имеем случай, который легко интерпретируется любой теорией знания.

Глубокий уровень описания 2: в середине XVIII в. в рамках «великого тригонометрического исследования» Индии с помощью теодолита – прибора для определения горизонтальных и вертикальных углов и их измерения, собираются данные в шести разных позициях с 27 ноября 1849 по 17 января 1850. На основании этих данных вычислительный центр в Дехрадуне делает тригонометрические расчеты для каждого из наблюдений независимо друг от друга²⁷⁷. Из этих расчетов исследователи приходят к выводу, что высота Эвереста составляет 29002 футов²⁷⁸. Расчеты показывали, что Эверест – самая высокая гора, а не Канченджанга, как считалось до этого. Более точное измерение горы – 29029 футов, было сделано в индийском исследовании 1955 года, а затем подтверждено китайскими исследователями в 1975 году. Данные измерений были опубликованы и стали общепринятыми, в том числе и в России. Соавторы энциклопедии, сотрудники института географии РАН, были осведомлены о высоте горы и в статьях энциклопедии неоднократно отметили, что Джомолунгма (Эверест) – самая

²⁷⁷ Аргумент в пользу того, что расчеты проводились именно там, а не в Калькуте см. Kochhar, R. Kochhar, R. , Did Radhanath Sikdar Measure the Height of Mount Everest First?, The Wire Science, 2021.

²⁷⁸ Walker, J.T. The Trigonometrical Survey of India. P. 46 // Journal of Asiatic Society of Bengal. 1862. Vol. 31. P. 32–48.

высокая гора на земле. В середине нулевых я прочитал об этом факте в энциклопедии.

Как и в первом случае, мы могли бы описать, как устроено знание, еще подробнее и глубже. Проблемы с непальскими властями, устройство теодолита, подробное описание процессов измерений, а затем вычислений в разные годы разными исследовательскими группами, а также исследование высоты других гор-восьмитысячников, публикации этих исследований, а также обнародование этих данных, обсуждение данных измерений гор в профессиональной среде, то, каким образом авторы энциклопедии усвоили данные о самой высокой горе, дало бы еще более полную картину. Но для наших выводов достаточно представленного описания.

Эти два случая – кот на ковре и высота Эвереста, – демонстрируют интересное свойство знания. Для того чтобы знание стало доступным, оно должно пройти путь, в котором информация об объекте знания будет принимать очень разные формы. То, что проходит путь от объекта знания к его субъекту, будем называть информацией. Информация о коте сначала принимает форму лучей света, затем данных в сетчатке глаза, фоторецепторы переводят ее в новую форму. Электрические импульсы глазного нерва, а затем зрительный образ, который формируется в головном мозге – также разные формы информации. Но все они необходимы, чтобы возникло знание.

Аналогично с Эверестом. Вот грубое описание пути, который проходит знание в этом случае: а) гора Эверест, б) шесть измерений горы теодолитом, в) тригонометрические расчеты, г) обнародование этих данных, д) подтверждение верности расчетов другими экспертами, е) передача выводов исследования и его деталей экспертным сообществом через письменные материалы (и устно), ж) усвоение информации авторами энциклопедии, з) написание энциклопедии, и) изготовление и распространение энциклопедии, к) покупка и преподнесение энциклопедии мне в качестве подарка, л) чтение энциклопедии. На каждом из этапов информация приобретает разную форму – измерение приборов, записи,

вычисления, публикации, обсуждение в экспертной среде, передача факта через публикации, лекции и разговоры, печать книги, ее покупка в магазине, чтение, наконец, усвоение прочитанного факта. Показания прибора, математические формулы и текст – это совершенно разные формы информации, но все они оказываются частью одной цепи, через которую должно пройти знание, чтобы стать доступным.

3.2. Теория Латура в контексте аналитической эпистемологии

ТЗЛ имеет множество пересечений с аналитической эпистемологией – совместимость с корреспондентной теорией истины, представление о субъекте знания, наличие ресурсов для надежности; вместе с тем, она не похожа на аналитические теории знания. Для демонстрации расхождения следует выявить конвенции в анализе знания, которые у Латура имеют специфический фокус или даже отвергаются. Опираясь на подпараграф «Конвенции в дискуссии о знании» первой главы, я рассмотрю отношение ТЗЛ с конвенциями в аналитической эпистемологии. Я начну с ухода от философского анализа знания через пропозиции, затем укажу смещение от когнитивного уровня описания к практикам, далее, отмечу трудную связь ТЗЛ с непропозициональным знанием, и затем рассмотрю центральный пункт расхождения – фокус на коллективной природе знания. Учитывая важность последнего расхождения, я дополнительно приведу аргументы в пользу коллективной природы знания.

Объект знания — это пропозиция. Обычно она выражается в форме «S знает, что P».

Пропозиция — это смысл высказывания. Согласно ТЗЛ, знание содержится во множестве связей между сущностями, в сложных операциях, движении «неизменных мобильностей», которые эпистемологи не замечают²⁷⁹. В форме «S знает, что P» мы выражаем конечный продукт знания. Поэтому пропозиционально

²⁷⁹ Latour, B. A Textbook Case Revisited. Knowledge as mode of existence. P. 94.

выражаемое знание не будет центральной категорией анализа в латуровской эпистемологии.

Знание — это когнитивная связь субъекта знания с пропозицией.

Рассматривая знание как отдельный модус существования, Латур уделяет особое внимание критике понятий знающего субъекта и познанного объекта. Для возникновения знания задействуется целая цепочка связей. Это проявляется особенно наглядно в случае с трудоемкими «открытиями»: чтобы подтвердить существование бозона Хиггса, физики проводят самый дорогой в истории эксперимент посредством Большого адронного коллайдера. В производстве такого знания задействовано огромное количество связей, выходящих далеко за пределы формы «S знает, что P». Знание может быть выражено в такой форме только когда оно произведено и артикулировано²⁸⁰. Следуя логике Латура, можно сказать, что, положение субъекта и объекта как центральных понятий знания — одна из причин, по которой эпистемологи так сильно заблуждаются в том, как оно устроено.

Анализ пропозиционального знания отличается от анализа других видов знания.

Некоторые эпистемологи²⁸¹ утверждают, что не все знание существует в форме пропозиции. Например, многие эпистемологи, вслед за Гилбертом Райлом, предполагают, что знание-как не является разновидностью пропозиционального знания: например, знание, как водить велосипед. Я полагаю, что ТЗЛ может по-разному работать с этим различием. Так, оно может быть совместимо с интеллектуализмом и рассмотрением знания-как в качестве особого вида знания. Согласно другой трактовке, знание-как – это компонент, из которого состоит знание-что²⁸².

²⁸⁰ Этот тезис Латур заимствует у У. Джеймсона. *Latour, B. A Textbook Case Revisited. Knowledge as mode of existence. P. 90.*

²⁸¹ Подробнее см. *Pavese, C. Pavese, C. , Knowledge How, The Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2021.*

²⁸² Такую трактовку предлагает Адам Миллер в своей работе по теологии Бруно Латура. *Miller, A.S. Speculative grace.*

Важнее, что для ТЗЛ не существует «чистого пропозиционного» знания или «чистого знания-как». Кроме пропозиций или навыков есть множество других ступеней трансформации, через которые проходит информация в модусе знания. Рассмотрение неочевидных отношений ТЗЛ и непропозициональных компонентов знания следует отнести к перспективам исследования.

*Фундаментально знание состоит из индивидуальных случаев знания. Аналитическая философия концентрируется на индивидуальном знании*²⁸³.

Коллективным знанием занимается социальная эпистемология, тогда как остальная аналитическая эпистемология концентрируется на индивидуальном знании. Традиция рассмотрения индивидуального знания стала исследовательским допущением, принимающимся по умолчанию²⁸⁴.

ТЗЛ предполагает, что индивидуальный уровень знания возникает в конце проделанного пути. В этом смысле базовым состоянием для знания является коллективный уровень²⁸⁵.

Весьма известная линия критики в адрес индивидуальной эпистемологии Декарта, Локка, Беркли, Юма, Канта и Рассела была сформулирована Карлом Поппером. Он предлагает мысленный эксперимент, в котором библиотеки и умение людей ими пользоваться остаются, а все наши личные знания и технологии исчезают. Этот мир по своим эпистемическим возможностям будет радикально отличаться от мира, где нет такого знания. Так он обосновывает существование во многом «независимого третьего мира» – мира, который населяют теории, рассуждения, аргументы, проблемы, содержание библиотек, дискуссии в научных

²⁸³ Fuller, S. The knowledge book: Key concepts in philosophy, science and culture. Routledge, 2014. P. 1.

²⁸⁴ В аналитической эпистемологии коллективная эпистемология находится за пределами центральной дискуссии. А. Голдман и К. О'Конор констатируют доминирование индивидуальной эпистемологии, но в своем обзоре про социальную эпистемологию все равно в основном пишут про индивидуальную эпистемологию. См. Goldman, A., O'Connor, C. Social Epistemology.

²⁸⁵ Отдельный интерес представляет оценка влияния коллектива на достоверность знания. В духе Д. Блура можно предположить, что коллективизация знания повышает его надежность. Подробнее см. Касавин, И.Т. Социальная философия науки и коллективная эпистемология. Издательство Весь Мир, 2016. P. 157–160.

журналах и так далее²⁸⁶. По Попперу, эпистемология должна быть сосредоточена не на «субъективном знании», но на «объективном знании» третьего мира.

Вторую главу «Надежды Пандоры» Латура можно прочесть как отказ от субъекта в знании²⁸⁷, хотя более поздние работы французского философа возвращают субъекта на место, не фокусируясь при этом на фундаментальной ненадежности когнитивных эвристик, важных для индивидуального уровня знания.

При этом коллективная природа знания входит в аксиоматику исследований науки и техники в том виде, в котором ее развивает Латур, но не обсуждается широко в дискуссии о знании в аналитической философии²⁸⁸.

В качестве контраргумента²⁸⁹ в адрес этого различия я буду использовать классический пример индивидуального знания – «кот на ковре». В этой пропозиции есть три категории (кота, ковра и пространственного отношения объектов), каждая из которых возможна только при условии существования коллектива из разумных агентов. То есть это уже коллективно существующее знание. Поэтому индивидуальное знание в этом примере является редукцией коллективного знания.

Структура аргумента:

1. Кот на ковре – пример пропозиции, которая может быть индивидуальным знанием.
2. Кот на ковре состоит из трех категорий: кота, пространственного отношения «на» и ковра.

²⁸⁶ Поппер, К.Р. Объективное знание. С. 110.

²⁸⁷ Дж. Кочан пытается добавить в ранней модели знания Латура место субъекта. *Kochan, J. Putting a spin on circulating reference, or how to rediscover the scientific subject.*

²⁸⁸ Отношение между коллективным и индивидуальным в исследованиях науки и технологии немного сложнее. Так, в некоторых работах STS мы можем наблюдать отказ от дихотомии индивидуального и коллективного. См. *Callon, M., Law, J. After the individual in society.* Однако в различениях аналитической философии, в STS речь по-прежнему идет о коллективном знании.

²⁸⁹ Схожим образом это возражение выдвигает И.Т. Касавин. Подробнее см. *Касавин, И.Т. Социальная философия науки и коллективная эпистемология* ООО Издательство Весь Мир, 2016. С. 138.

3. Эти три категории усваиваются людьми через социализацию, поэтому не существуют как индивидуальные категории, которые приходят к нам независимым от коллектива способом.
4. Следовательно, в пропозиция «кот сидит на ковре» включает коллективное знание с необходимостью.
5. Из (4) следует, что (1) ложно.

Тем не менее, существует знание, к которому мы приходим вне зависимости от наличия коллектива. Например, ребенок выросший вне общества, «Маугли», предположительно обладает индивидуальным знанием. Вполне возможно, такой человек будет обладать категорией кота и категорией пространственного расположением «на», схожей с той, которой обладаем мы. Более того, я думаю, люди обладают такого рода знанием, хотя это нетривиальная форма знания. Мы не можем обсуждать такое знание, и если по поводу него состоится эпистемически успешная коммуникация, то оно станет коллективным, тогда как об индивидуальном знании невозможно говорить с пониманием участников коммуникации, не превращая это знание в коллективное – то есть приводя его к таким категориям, которые являются доступными всем участникам коммуникации²⁹⁰. Например, я знаю, что некто, кого я назвал «Виналик», делает «виналение». Если я скажу, что «Виналик делает виналение», в этой фразе ясным будет только глагол «делает» и связь двух существительных, то есть то, что известно из синтаксиса этого предложения. Однако смысл фразы станет понятным, только если смысл двух неизвестных слов станет доступен участникам коммуникации. То есть пропозиция про Виналика станет коллективно понимаемой.

Из этого примера можно понять, что существенная черта знания – это «синхронизация» его содержания с коллективно понимаемым опытом, категориями, понятиями и так далее. Именно такую синхронизацию имеет ввиду Латур, когда например, рассматривает распространение научных метрических

²⁹⁰ Такое знание Райенбах имеет ввиду, когда пишет о «контексте открытия» в «Опыте и предсказании». *Reichenbach, H. Experience and prediction. P. 6–7.*

систем²⁹¹. Представление, что объективное знание – это просто совокупность индивидуальных элементов знания, – неудачное обобщение. Примеры «индивидуального знания» в философии почти всегда – примеры «индивидуализированного знания».

3.2.1. Применение различий аналитической эпистемологии к ТЗЛ

Латур отвергает эпистемологию как неперспективный проект²⁹². При этом ТЗЛ оказывается полноценной теорией знания, поскольку предполагает позицию по всем значимым вопросам в рамках эпистемологии. Теории знания в аналитической философии поддаются классификации по пяти выбранным позициям²⁹³. Это разделение на интернализм и экстернализм, пуризм и импуризм, скептицизм и антискептицизм, инвариантизм и контекстуализм, редуктивистские и нередуктивистские теории. В этом параграфе я раскрою эти различия, идентифицирую ТЗЛ по отношению к ним, укажу некоторые из проблем, с которыми сталкивается латуровская теория из-за занимаемых ею позиций, и рассмотрю, как она их решает.

Интернализм и экстернализм

Рассмотрим пример высказывания: Москва — самый большой город России. Многим известно, что это так. Но какими свидетельствами мы располагаем в пользу этого? Возможно, кто-то вспомнит, как читал об этом в Википедии, однако многим неизвестна причина, по которой они разделяют это убеждение. Интерналисты считают, что для обладания знанием необходимо иметь свидетельства в пользу того, что Москва – самый большой город России. Экстерналисты утверждают, что такой необходимости нет, – можно знать что-то,

²⁹¹ *Латур, Бруно*. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 386–392.

²⁹² *Latour, B.* A Textbook Case Revisited. Knowledge as mode of existence. P. 94.

²⁹³ Можно выделить больше оснований для классификаций и, полагаю, ТЗЛ непроблематично впишется в большинство из них. Классификация теории знания по трем различиям (пуризм/импуризм, инвариантизм/контекстуализм, скептицизм/антискептицизм) содержится в *Turri, J.* Linguistic intuitions in context. P. 167.

не помня свидетельств, благодаря которым некто к этому пришел²⁹⁴. С точки зрения экстернализма, убеждение является обоснованным в том случае, если субъект связан с объектом знания правильным образом, например с помощью причинно-следственной связи или надежного процесса формирования убеждений (reliable belief forming process).

Интерналисты считают экстернализм контринтуитивным. Распространенное возражение звучит следующим образом: как вы можете знать, что Москва – самый большой город России, если у вас нет весомых причин так думать? Экстерналисты возражают, что если интерналисты правы, то у нас остается очень мало знания, так как их критерии слишком строгие. Вывод, что люди редко имеют доступ к знанию, устроит только скептиков. Если критерий знания окажется слишком строгим, то мы должны от него отказаться. В этом вопросе ТЗЛ занимает более распространенную в современной эпистемологии позицию экстернализма. Для того чтобы что-то знать, субъекту достаточно иметь связь в виде цепочки референций с объектом знания, которая будет приводить нас к истинному выводу. Замысел латуровской концепции знания – отойти как можно дальше от субъекта и объекта²⁹⁵, тогда как интернализм – это попытка объяснить успех знания через когнитивные способности агента.

Пуризм и импуризм

Рассмотрим ситуацию: два разных человека имеют одинаковый эпистемический доступ к факту Р – их убеждения основаны на идентичных обоснованиях и свидетельствах, которые равны в плане надежности, а также они одинаково хорошо осведомлены о контраргументах против этого факта. Возможна ли ситуация, когда один из них обладает знанием, что Р, а другой— нет?

²⁹⁴ Информативное введение в противостояние экстерналистов и интерналистов см. в *Nagel, J. Knowledge.*

²⁹⁵ *Latour, B. A Textbook Case Revisited. Knowledge as mode of existence. P. 91 // The Handbook of Science and Technology Studies / Ed. by E.J. Hackett et al. MIT Press, 2007.*

Импуристы полагают, что практические соображения делают такую ситуацию возможной. Пуристы – что нет²⁹⁶.

Согласно Латуру, знание – это один из многих модусов существования. Прагматические соображения не входят в этот модус как его конститутивные элементы, в отличие от цепочки референций объекта, субъекта и других свойственных модусу знания сущностей. Отсюда я делаю вывод, что в самом знании нет прагматических элементов. С другой стороны, знание не существует в вакууме. Прагматические соображения, конечно же, участвуют в ситуациях, когда мы пользуемся знанием. Мы принимаем решения не только на эпистемических основаниях, но это не отменяет того, что в метафизике Латура модус знания имеет монополию на то, как приходить к истине в рамках своих границ.

Я полагаю, что перспективная линия защиты для ТЗЛ, – принять аргументы других сторонников инвариантизма, которые я рассматривал в параграфе «Стюарт, импуризм и инвариантизм» в предыдущей главе. Другими словами, пуризм ТЗЛ совместим с решениями других пуристов.

Контекстуализм и инвариантизм

Эпистемический контекстуализм строится на том, что «знать» – глагол, чувствительный к *контексту*, поэтому под знанием мы можем понимать различные вещи²⁹⁷. Единственно верной атрибуции знания быть не может, потому что нет универсального стандарта для знания. Контекстуалисты считают, что некоторые проблемы эпистемологии (прежде всего скептицизм) решаются тем, что в разных случаях мы применяем понятие знания, имея в виду разные стандарты того, в какой степени мы что-то знаем. Вспомним случай со Стюартом. В ситуации (1) Стюарт имеет низкий стандарт знания. Это связано с тем, что возможная ошибка не приведет к серьезным последствиям. В ситуации (2) стандарт знания

²⁹⁶ Turri, J. Linguistic intuitions in context. P. 166–167.

²⁹⁷ Cohen, S. Contextualism, skepticism, and the structure of reasons; Lewis, D. Elusive knowledge; DeRose, K. The case for contextualism. Vol. 1.

очень высокий. Оба раза Стюарт говорит правду, отвечая на один вопрос по-разному, потому что это два вопроса с разными стандартами понятия «знание».

В противоположность контекстуалистам, инвариантисты считают, что знание можно атрибутировать через общий для всех случаев *инвариант*. ТЗЛ принадлежит ко второму лагерю. Инвариантом для всех случаев знания в теории Латура являются четыре характеристики модуса знания, описанные выше. Инвариантизм доминирует на протяжении всей истории западной философии, постоянно сталкиваясь с проблемой скептицизма²⁹⁸. Теории антискептического инвариантизма должны объяснять, почему скептические возражения так легко могут заставить человека усомниться в его знании.

Скептицизм и антискептицизм

Скептицизм является разновидностью инвариантизма. Скептики согласны с тем, что все случаи знания имеют общее основание, однако отрицают, что люди обладают знанием в принципе. В аналитической эпистемологии считается, что хорошая теория знания должна справляться с аргументами скептиков. Например, в классическом скептическом сценарии мы являемся мозгами в колбе, для которых нейроученые с помощью импульсов имитируют повседневную жизнь. Состоятельная теория знания должна отвечать на вопрос, каким образом наше знание избегает подобной вероятности. Поскольку Латур – антискептик, то его теория должна решать проблему скептицизма, а также в идеале объяснить успешность стратегии скептиков. Почему скептические аргументы так легко могут убедить нас в незнании?

Так как модус знания ограничен, скептические сценарии не имеют отношения к той реальности, в которой мы взаимодействуем со знанием. Все, что возможно познать теоретически, действительно доступно знанию. Однако мы не можем познать какую-то единственную абсолютную реальность, потому что таких средств познания нет. Наше представление о том, что такое познание возможно, по крайней

²⁹⁸ *Dutant, J. The Legend of the Justified True Belief Analysis.*

мере в теории, – это отдельный модус, а именно модус абсолютной истины, который Латур именуется двойным кликом, уподобляя двойному клику компьютерной мыши. Двойной клик пытается создать иллюзию, что знание может давать ответы на все вопросы, хотя это не так²⁹⁹. В латуровской метафизике знание не должно объяснять, почему кот на ковре сохраняет свое существование во времени, или каким должен быть наилучший судебный приговор, или как католику совместить феминизм, который ему близок, с патриархатом, который предписывают Святые отцы, или как поступит на вашем месте добродетельный человек. На эти вопросы отвечают другие модусы. Присущий западному мышлению модус двойного клика только вводит в заблуждение. «Змеиный язык демона Двойного клика не может служить судьей, так как никогда не позволяет категории быть услышанной на своем языке. Берегитесь: все, что он предлагает, ведет к скептицизму»³⁰⁰.

Существует устойчивая связь между позицией реализма аналитических философов, в совокупности с допущением, что человеческое мышление способно познавать мир таким, какой он есть «на самом деле» и скептицизмом. Латуровское объяснение успешности скептических стратегий работает на этой схеме: сначала предполагаются такие способности человеческого познания, которых у нас нет, а затем скептические стратегии успешно опровергают существование таких способностей и доводят сомнение в том, что мы можем что-то знать, до предела. Я полагаю, что установление границ для знания ослабляет позиции скептицизма.

Редуктивные и нередуктивные теории

Как было показано в первой главе, проект анализа знания в аналитической философии начинался с решения проблемы Геттиера. Решения проблемы Геттиера предлагались исходя из того, что знание можно определить с помощью компонентов, из которых оно состоит (например, убеждения, истины и обоснования) и которые являются его необходимыми и достаточными условиями.

²⁹⁹ Latour, B. An inquiry into modes of existence. P. 93–95.

³⁰⁰ Latour, B. An inquiry into modes of existence. P. 132.

Такие решения редуцированы, потому что знание редуцируется до своих составляющих, например, до обоснованного истинного убеждения. Лидер эпистемологии «сначала знание» Тимоти Уильямсон³⁰¹ и его сторонники³⁰² отвергают этот подход. Ни одно из редуцированных решений в эпистемологии не смогло занять доминирующие позиции. На этом факте строится индуктивный аргумент Уильямсона: долгие попытки найти удовлетворительную редуцированную теорию знания не увенчались успехом³⁰³. Причина – знание не состоит из других эпистемических элементов. Подобно тому, как нельзя определить понятие цвета через перечисление разных цветов – коричневый, перламутровый, синий, сиреневый, – мы не можем определить знание через перечисление элементов, которые являются его необходимыми и достаточными условиями. Так происходит, потому что знание фундаментальнее убеждения (и некоторых других ментальных состояний и эпистемических категорий). Более того, Уильямсон определяет убеждение через знание³⁰⁴, а также другие фактивные ментальные состояния. Так как сделать обратное – определить знание через убеждение – никому не удалось, Уильямсон находится в более сильной позиции.

ТЗЛ находится в интересной позиции по отношению к «сначала знанию». Знание для Латура – это не ментальное состояние. Это гораздо больше. Латур критикует чрезмерный фокус на ментальной части знания при недостаточном внимании к внешней по отношению к агенту знания части³⁰⁵. Поэтому ТЗЛ – редуцированная теория. С другой стороны, она совместима с идеей, что знание является фундаментальной эпистемической категорией и нам следует объяснять другие фактивные ментальные состояния с помощью знания. Еще одна опция – нередуцированность эпистемических категорий друг к другу. Возможно, именно этот

³⁰¹ *Williamson, T.* Knowledge and its Limits. P. 27–33.

³⁰² *Nagel, J.* 10. Knowledge as a mental state // Oxford studies in epistemology. 2013. Vol. 4. P. 273; *Miracchi, L.* Competence to know // Philosophical Studies. 2015. Vol. 172. No. 1. P. 29–56; *Cassam, Q.* What is Knowledge? // Royal Institute of Philosophy Supplements. 2009. Vol. 64. P. 101–120; *Ichikawa, J.J., Jenkins, C.S.I.* On Putting Knowledge 'First'.

³⁰³ *Williamson, T.* Knowledge and its Limits. P. 30.

³⁰⁴ *Williamson, T.* Knowledge and its Limits. P. 47.

³⁰⁵ *Latour, B.* A Textbook Case Revisited. Knowledge as mode of existence. P. 96–97.

путь будет ближе к Латуру, который является противником редукции на методологическом уровне³⁰⁶.

Однако можно развить теорию знания Латура в нередуктивном ключе, поставив в качестве его единственного элемента цепочку из референций. Да, эта цепочка создает дополнительные сущности, вроде объекта и субъекта, но они являются частью единой цепочки референции не в качестве компонентов, но как производные, которые не являются необходимыми компонентами знания. В пользу такого хода свидетельствует различие на знание, находящееся в процессе производства, и произведенное знание. Первый тип знания – тоже знание, однако объект и субъект еще не приведены в состояние соответствия, и, возможно, еще не возникли. Этот путь не кажется мне основным, так как анализируемое в эпистемологии знание уже включает созданную корреспондентную связь. Поэтому более правдоподобное прочтение ТЗЛ будет определять ее как редуктивную теорию.

Наиболее интересное пересечение ТЗЛ с программой «сначала знание» – тезис о том, что убеждение производно от знания. Здесь плюралистический подход Латура требует уточнения: убеждение не обязательно имеет эпистемическую природу, оно может быть связано, например, с эстетикой, религией или этикой, и в этом случае мы имеем дело с другим модусом существования. В модусе знания убеждение всегда выводится из цепочки референции, хотя не обязательно из корректной референции или правильным образом.

Таким образом, ТЗЛ может трактоваться и в качестве редуктивной, и в качестве нередуктивной теории. Нередуктивные теории знания не сталкиваются с проблемой Геттиера. Редуктивная версия ТЗЛ столкнется с этой проблемой, что будет продемонстрировано в параграфе «Формулировка условий знания», где я попытаюсь показать ее возможное решение.

³⁰⁶ Подробнее см. приложение «Несводимое», особенно первую главу. *Латур, Б. Пастер: Война и мир микробов*. Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.

3.3. Проблемы теории знания Латура

ТЗЛ занимает одну из самых распространенных позиций в аналитической эпистемологии — пуристского инвариантистского антискептического редуктивного экстернализма. Позиция нередуктивного знания не является позицией большинства, однако новое по меркам философии направление имеет большое число сторонников³⁰⁷. Такое положение дает теории Латура сильное преимущество: она отвечает основным интуициям эпистемологов о природе знания.

В силу того, что занимаемая ТЗЛ позиция широко распространена, она также имеет наработанные ответы на критику, предъявляемую к аналитической эпистемологии. Некоторые из них я описал в предыдущем параграфе. Ниже я разберу, как ТЗЛ может ответить на потенциальные возражения против нее.

Если знание — это цепочка референций, вектор или направление, то непонятно, какова его природа. Ответ на вопрос «Что такое знание?» подразумевает, что философы должны прояснить природу явления, указать, что представляет собой знание метафизически. Можно предположить, что цепочка из референций устроена так же, как и причинно-следственные связи. Например, причиной того, что я вижу кота, является сам кот, а также мое зрение. Следствие — мой феноменальный образ кота в сознании. Однако то, что в аналитической философии называется причинно-следственными связями (causal connections), у Латура — вотчина модуса сетей, которым занимается акторно-сетевая теория. Именно в рамках этого модуса мы будем описывать то, как связаны кот и его феноменальный образ³⁰⁸. Сети акторов необходимы для знания, но «цепочки», по которым оно циркулирует, суть нечто иное. Пассаж Латура о «цепочке,

³⁰⁷ Всего в этой системе различений можно занять 32 разные позиции. Многие из них не имеют понятной мотивации (например, сочетание контекстуализма и скептицизма) или не сложились исторически.

³⁰⁸ Существует множество теорий причинно-следственных связей, которые будут по-разному соотноситься со взглядами Латура на то, как один объект воздействует на другой. Соотнесение дискуссии о причинно-следственных связях в философии с модусом сетей Латура — сложный, но, на мой взгляд, перспективный исследовательский проект, аналогичный развиваемому в данной работе.

определяемой как лакуна (hiatus) между формами разной природы», которая делает «отдаленные сущности доступными», по которой циркулируют «неизменные мобильности»³⁰⁹, также не дает никакой ясности.

Отвечая на эту критику, значение цепочки референций можно продемонстрировать на примере нашего восприятия. Когда сетчатка глаза воспринимает свет через колбочки и палочки, после чего происходит перевод этих данных в электрические импульсы, которые через глазной нерв поступают в зрительный отдел головного мозга, мы регистрируем несколько переводов от воспринимаемого взглядом объекта до зрительного образа в сознании. Упрощенная схема выглядит так: объект — волны света — электронные импульсы — зрительный образ. В каждом случае происходит перевод из одной формы в другую. Все эти формы имеют разную природу, но передают одну информацию, которая, меняясь, сохраняет необходимое, чтобы объект стал доступен субъекту знания. Любое знание проходит через такие переводы (трансформации) информации, чтобы сделать удаленные сущности доступными для познания, будь это высота горы, отдаленные галактики или грибницы в сосновом бору, и сформировать отношение соответствия между ментальной репрезентацией и положением дел. После этого с течением времени знание может проверяться и уточняться, чтобы подтвердить или опровергнуть свой статус. В этом состоит природа знания, которая доступна для нашего понимания в представленном виде.

Теория истины Латура плохо совместима с другими философскими позициями по смежным вопросам. Только приняв его теорию истины, мы можем принять целиком его теорию знания. Такой поворот в философии маловероятен. Выгодное отличие теорий знания в аналитической философии — они хорошо совместимы с различными взглядами в других областях, в том числе в метафизике.

³⁰⁹ Latour, B. An inquiry into modes of existence. P. 92.

На это можно возразить, что степень совместимости теории знания с другими философскими позициями сама по себе не свидетельствует в пользу неверности подхода.

Можно не согласиться с плюралистской теорией истины Латура, остановится на том, что единственный вид истины – это соответствие, и принять его теорию знания. Нам нужно очень мало работы, чтобы «отрезать» всю сложную и необычную метафизику Латура от его теории знания. Это возможно потому, что модусы истины имеют монополию внутри своих границ. Если существует только истина в корреспондентном смысле, то остальных модусов существования нет, однако содержание модуса знания от этого не меняется. Мне не близко это решение, так как я придерживаюсь плюрализма и считаю, что бывают разные виды истинности. Так, мне не кажется правдоподобным, что в этике или эстетике существует соответствие, свойственное знанию. Скорее, там работают другие принципы, содержание которых – предмет отдельных дискуссий. Достаточно сказать, что если не принимать реализма моральных и эстетических фактов, но принимать, что возможны верные этические и эстетические высказывания (например, «это плохой поступок» или «это прекрасная музыка»), то, скорее всего, существуют специальные способы достижения этих истин. Это могут быть когерентные теории истины или узкоспециальные способы утверждения истин. Одно из преимуществ ограничения теории соответствия – сокращения «пространства», в котором скептицизм может чувствовать себя уверенно.

ТЗЛ и теории знания в аналитической философии – это разного типа теории. Латур смещает фокус с ментальных состояний субъекта на анализ элементов внешнего мира, поэтому его теория является «социологической», тогда как теории знания в аналитической философии «субъектоцентричны». Вместо того, чтобы описывать ментальные свойства субъекта, мы начинаем описывать то, что можно назвать каузальными дополнениями к знанию, которые самим знанием не являются. Антропологический фокус Латура создает сущность, которая не интересна аналитическим философам. В исследовании знания главный фокус аналитической эпистемологии – сосредоточение на когнитивной работе субъекта.

Я думаю, что именно эта особенность создает ощущение чужеродности проекта Латура, позволяя предположить, что Латур занимается одним знанием, тогда как аналитические философы – другим.

У Карла Поппера было разделение на два типа знания: индивидуальное знание агентов и объективное знание библиотек, архивов, аргументов и логики – «третий мир»³¹⁰. Можно предположить, что теории знания в аналитической эпистемологии имеют предметом субъективное знание, тогда как ТЗЛ – третий мир. Однако Латур не принимает это различие, поэтому для него «кот на ковре» и междисциплинарное исследование борьбы леса и саванны лежат на одной плоскости³¹¹. На каком основании можно включить нементальные компоненты – цепочки референций и неизменные мобильности – в знание?

Я аргументирую включение указанных нементальных компонентов в знание тем, что эти компоненты обеспечивают отношение соответствия. Агенты не могут достигать истинности без всей этой работы. На это можно возразить, что политика, религиозная вера, молекулы, законы природы, можно описывать как необходимые условия для достижения истинности, но мы не включаем эти сущности в знание. Однако разница, например, между неизменной мобильностью и законами природы в том, что про законы природы неуместно говорить, что цель их существования – достижение истины агентами. Однако именно для этого существует неизменная мобильность или любая другая эпистемическая сущность. Правило включения сущности в знание можно сформулировать так: сущность X является частью знания K, если и только если X содержит целью достижения отношение соответствия в K. Неизменные мобильности и цепочки референций необходимы для достижения истины, и поэтому являются частью знания.

Резюмирую сопоставление двух исследовательских проектов: аналитической эпистемологии и Латура. Вот что их объединяет: корреспондентная теория истины, которая подразумевает объекта и субъекта (они же для теории Латура – носитель

³¹⁰ Поппер, К.Р. Объективное знание. С. 110.

³¹¹ Latour, B. Pandora's hope. P. 40.

истины и делатель истины); представление о знании как особой связи человека с миром; фаллабилизм как принцип потенциальной ошибочности наших убеждений; антискептический, пуристский, редуктивный экстернализм; мотив сделать теорию так, чтобы между субъектом и объектом не было неправдоподобного разрыва, который ведет к контрпримерам. То, что Латур сосредотачивается на внешнем по отношению к субъекту положении дел и так мало уделяет внимания когнитивной характеристике субъекта знания – не странная особенность, а достоинство. Это позволяет пользоваться теорией как инструментом в описании путей знания, методично отслеживать слабые места в цепочке, оценивать достоверность, а главное, такая практика является лучшей прививкой от скептицизма. Теория знания Латура – это ключ, который может открыть гораздо больше дверей, чем проанализированные мною теории знания.

3.3.1. Проблемы метафизики Латура

Модусы существования – это сложный метафизический проект. Было бы грубым преуменьшением сказать, что это просто еще одна плюралистическая теория истины. Этот проект подразумевает и определенную онтологию, и специфическую теорию каузальности, и философию искусства, права, политики, экологии, морали и так далее, он включает в себя огромный пласт философских взглядов. Важно разобраться, каким образом ТЗЛ зависит от остальных метафизических воззрений Латура. *Если ТЗЛ неотделима от некоторых других метафизических взглядов Латура, то несогласие с этими взглядами будет основанием для неприятия самой теории знания.* С другой стороны, независимость ТЗЛ от остальной метафизики Латура в философской дискуссии будет преимуществом. Но каким образом возможна зависимость между ТЗЛ и остальной метафизикой? Я попытаюсь рассмотреть некоторые из возможных связей ТЗЛ с проектом модусов существования. Цель этого параграфа – продемонстрировать, что ТЗЛ может существовать за пределами латуровской философии.

Я вижу по меньшей мере два вопроса, возникающих из-за того, что ТЗЛ – часть метафизики Латура. i) Латур определяет модусы существования на основании

общего метода выведения модусов через определение четырех параметров, которые характеризуют любой модус. Привносит ли его метод определения модусов такую специфику, которая делает ТЗЛ неприемлемой для дискуссий в аналитической философии? ii) Знание в философии Латура – не единственный надежный источник истинных высказываний для человека. Это не кажется доминирующим взглядом на познание. Необходим ли тезис (ii) для ТЗЛ? Мой ответ на оба вопроса – отрицательный. В этом параграфе я попытаюсь разобраться с этими двумя вопросами.

Способ характеристики модусов. Модусы характеризуются через четыре параметра. 1) Особая траектория, по которой циркулирует производимая модусом сущность. Должна ли у знания быть такая траектория? Ответ положительный, ведь эта траектория – особая связь человека с миром. Так, для эпистемологии «сначала знание» эта траектория представляет собой свойство ментального состояния быть фактивным. Для анализа знания это может быть условие безопасности, или, к примеру, каузальная связь в дополнение к истинному убеждению. Важно, что этот пункт классификации сам по себе не должен быть проблематичен для ТЗЛ. 2) Условие удовлетворения. В ТЗЛ – это то, что пропозиция может быть истинной или ложной. В этом пункте видно, что, описывая знание, Латур придерживается корреспондентной теории истины. При этом он ограничивает влияние корреспондентной теории. Например, она не может описывать истинность и ложность многих моральных, эстетических, религиозных или правовых высказываний. Это следствие мотивировано метафизикой Латура (в том числе его плюралистической теорией истины). В следующем параграфе я обосную, что мы можем принимать основной тезис ТЗЛ – что знание – это особое движение информации, – и при этом не разделять многие другие убеждения Латура, в том числе и то, что знание ограничено другими модусами. 3) Требование, которому должна соответствовать производимая модусом сущность. Эта характеристика важна для любой теории знания. Аналитические философы отвечают на это требование тем, что на теоретическом уровне пытаются провести границу между знанием и незнанием через необходимые и достаточные условия. Латур идет по

совсем другому пути – объясняет требования, которым должна соответствовать сущность, чтобы быть знанием через эмпирический материал. Я думаю, разница в указанных подходах следующая. Аналитические философы преимущественно делают теории, направленные на более или менее успешное разделение случаев знания и не знания – проблема Геттиера, проблема лотереи, случай Стюарта и тому подобное. В силу устройства дискуссии, теория, которая позволяет строго различать сложно классифицируемые случаи, будет иметь сильное преимущество. Чем лучше теория делает это, тем выше ее ценность. Если знание – это реальный класс сущностей, то из этого не следует, что истинная теория знания позволит нам приписывать сущностям статус знания в спорных ситуациях. Для того, чтобы подвести ТЗЛ к этому вопросу, в заключительном параграфе я предложу свои формулировки, основанные на его теории. Тут лишь отмечу, что его теория может быть сформулирована в терминах необходимых и достаточных условий или объяснена на более глубоком уровне описания. 4) Способ, которым модус производит составляющие его сущности. Этот пункт предполагает, что знание имеет способы производства, благодаря которым мы можем узнавать новое. Такие способы должны быть, так как знание создается через практику (в отличие от камней, организмов или элементарных частиц, которые просто есть), поэтому существование этого пункта не должно вызывать каких-то проблем. Как видно из этого рассмотрения, способ, которым Латур характеризует знание, не предполагает дополнительных проблем для аналитической эпистемологии.

Знание ограничено другими модусами. Для ТЗЛ характерно, что мы не можем *знать* многих религиозных, правовых, этических или например, эстетических истин, но можем при этом обладать ими. Так, правильная трактовка правового прецедента приведет нас к легально истинному высказыванию. Однако сам способ постижения истины в таком случае будет основываться не на знании (хотя оно нам тоже необходимо – знание формулировок законов или знание того, где эти формулировки искать, например). Эта позиция приводит нас к другим дискуссиям. В духе латуровской метафизики можно было бы занимать дискутируемую позицию – мы не можем знать моральных фактов или религиозных (правовых, эстетических,

многих онтологических) истин в том же смысле, в котором мы знаем, что на ковре сидит кот, а Эверест – самая высокая гора. Если знанию недоступны указанные классы сущностей, то это большая проблема. ТЗЛ в таком случае будет теорией, которая предполагает согласие с часто непопулярной «антиреалистской»³¹² позицией по большому спектру проблем. Это плохое следствие для любой философской теории.

Вместе с тем, я не думаю, что, разделяя взгляд Латура на знание, мы будем вынуждены соглашаться с его теорией истины. Например, что нельзя знать моральных фактов в том же смысле, что и собственный рост. В случае с моральными фактами, также, как и во всех других случаях, выстроенная надлежащим образом связь из цепочки референций от морального факта к субъекту мышления может считаться знанием.

Однако я думаю, что Латур прав в том, что у знания есть значительные ограничения даже в тех областях, где это противоречит интуициям значительного количества аналитических философов. Я допускаю, что знания указанных вещей у нас в действительности нет. Возьмем в пример моральное утверждение «убийство – это плохо». Допустим, в здравом уме утверждать обратное – верх жестокости. Однако откуда нам это известно? Ответы быть могут самые разные. Например, что это часть нашего инстинкта самосохранения, или что это вопрос прагматики, или что внутри нас есть универсальные моральные структуры. Если основа нашего морального суждения об убийстве – природный инстинкт, то тогда мы можем знать особенности его воздействия. Однако принципы выведения из знания инстинкта – знания моральных истин остаются неочевидными. Как инстинкт становится моральным? Не есть весь день – это против инстинктов, но только иногда такое поведение можно счесть аморальным. В таком взгляде между инстинктом и моралью выстраивается связь, непохожая на движение информации в модусе знания. Если в наше мышление встроены универсальные законы морали, то

³¹² Подробнее о реализме в разных дискуссиях см. *Miller, A. Realism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Ed. by E.N. Zalta Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2021.*

взаимодействие с ними будет отличаться от того, как мы получаем знание, например, от обычного наблюдения за своими феноменальными состояниями. Какое бы объяснение аморальности убийства мы бы не дали, оно будет предполагать на глубоком уровне описания специфические свойства моральных утверждений (или того, что мы считаем моральными утверждениями). Можно считать, что такой вещи, как моральные факты, нет, следовательно, мы не можем знать того, чего нет. Однако от этого убеждение, что убийство – это плохо, не становится бессмысленным. Что-то делает такое утверждение правильным. Предположим, это может быть когерентная система убеждений, которую разделяет группа людей. В таком случае можно мотивированно утверждать, что знание, в котором одним из компонентов будет истинное убеждение в когерентном смысле и знание, в котором одним из компонентов будет истинное убеждение в корреспондентном смысле – разные виды знания.

Этим размышлением я хочу продемонстрировать, что предполагаемые Латуром границы знания хорошо мотивированы. Можно не соглашаться с границами того, что мы можем знать, исходя из метафизики Латура, или отвергать всю его метафизику, и при этом придерживаться его объяснений природы знания и не впадать в противоречие. Это возможно благодаря тому, что ТЗЛ базируется на корреспондентной теории истины, и те ограничения, которые ТЗЛ накладывает на границы своего применения, совпадают с ограничениями корреспондентной теории.

3.4. Формулировка условий знания

Как и любую другую теорию знания, ТЗЛ можно сформулировать в терминах необходимых и достаточных условий. Я пересказываю формулировку самого Латура, сделанную исходя из его методологии описания модусов существования в начале главы. Однако это не единственный способ описания ТЗЛ. В этом параграфе я предложу основные пути того, как можно адаптировать ТЗЛ к аналитической философии. В строгом смысле, это будет уже не теория Латура, но формулировки теории знания, основанные на ТЗЛ. Я буду использовать в названии формулировок

термин «эмпиризм», так как Латур называет свою теорию «радикальный эмпиризм», подчеркивая этим свою связь с радикальным эмпиризмом Джеймса.

Сформулировать интересующую нас теорию можно несколькими способами. Самый простой путь – формулировка в терминах ЛТВ.

3.4.1. ЛТВ-эмпиризм

S знает, что P, если и только если:

1. S убежден, что P
2. P истинно
3. S пришел к P через цепочку из трансформирующейся информации, которая передала неизменную мобильность, что P.

В этой формулировке убеждение можно считать уязвимым термином. S убежден, что P, если думает о P с согласием. Однако для знания это не обязательно так. Преподаватель спрашивает на экзамене у студента о дате исторического события, и студент ее верно называет. После этого преподаватель недоверчиво смотрит, и студент уже не имеет убеждения, что эта дата – правильная. Однако студент назвал правильную дату. У студента нет убеждения, что дата верная, тем не менее он ее знает. Мы можем быть «подключены» к знанию попперовского «третьего мира» библиотек и дискуссий, не имея убеждения на этот счет. Однако такое предположение будет проблематичным, так как остаются диспозициональные установки, и действия на их основании также будут формой согласия. Далее, мы регулярно имеем надежный доступ к реальности, но в силу забывчивости, попадания в скептические ловушки, прагматических соображений, неуверенности или даже эпистемической трусости можем в нем усомниться. Однако этот случай можно объяснить иным способом – студент теперь действительно не знает дату, более того, об этом будут свидетельствовать дальнейшие действия.

Если после экзамена спросить у студента, когда произошло это историческое событие, он, вполне возможно, сообщит, что не знает.

Другая проблема состоит в том, что знание в его ментальной части некоторые философы обосновывают как более базовое состояние, чем убеждение³¹³. Знание понятнее на интуитивном уровне, чем истинное убеждение, и раньше усваивается в детстве.

Можно возразить, что под убеждением понимается любое ментальное состояние, имеющее пропозицию. Однако тогда слово «убеждение» уже не будет подходящим. Это просто ментальное состояние, несущее информацию (information-bearing mental state).

Еще одно возражение связано с тем, что не все убеждения имеют отношение к знанию, и в этом смысле убеждения могут иметь разную природу. Например, эстетическое убеждение, что «эта картина прекрасна» будет относиться к другому модусу существования («fiction» по Латуру), и поэтому универсальное понятие убеждения вносит не нужную путаницу. Можно предположить, что ментальный компонент знания является уникальным типом фактивного ментального состояния и не применим, например, к суждениям вкуса.

Пока я так и не пришел к выводу, какого рода ментальное состояние задействуется в знании, но склоняюсь к тому, что убеждение не является базовым ментальным состоянием для знания, а «эпистемическое убеждение» производно от знания.

Поэтому модифицируем первое условие.

3.4.2. JTM-эмпиризм

S знает, что P, если и только если:

1. S думает, что P

³¹³ *Williamson, T. Knowledge and its Limits.*

2. Р истинно

3. S пришел к Р благодаря цепочке из трансформирующейся информации, которая передала неизменную мобильность, что Р.

«S думает, что Р» означает, что у него есть ментальное состояние, содержащее информацию, что Р. Такая формулировка не устраивает меня, так как в ней истинность, ментальное состояние и цепочка референций представлены как непонятным образом связанные компоненты. В знании это не так. Ментальное состояние – это часть истины. Вторая часть истины – объект знания. Ментальное состояние и объект находятся в состоянии соответствия. Они находятся в состоянии соответствия не случайно, а благодаря цепочке из информации и неизменной мобильности.

На это сторонники корреспондентной теории истины могут возразить, что у каждого объекта уже есть некоторое соответствие. В мире четное количество комнат для хранения спа-грязи вне зависимости от того, есть ли кто-то, кто об этом подумал. Соответственно, истина существует вне разума. Закономерный вопрос: где находится носитель истины? Например, в пропозиции? А где находится пропозиция до того, как ее кто-то помыслил? В логическом пространстве, которое существует отдельно от остальных сущностей? Для того чтобы сохранить идею «истины вне человека», можно множить самые причудливые сущности. Однако – это решения *ad hoc*. Куда более экономным решением будет признать, что нет никакого космического хранилища пропозиций, вездомного логического пространства или платоновского мира идей. Для того, чтобы объяснить устройство мира, все эти сущности нам не нужны.

Я помыслил, что в мире четное количество комнат спа-грязи. Нет никакого знания об этом. Это истина? Возможно, это станет истиной, но пока мы не построим от всех комнат спа-грязи на земле к чьему-то разуму цепочку из информации, которая будет сообщать о числе всех комнат спа-грязи, не возникнет отношение соответствия (если оно и есть, то только в модальном смысле). Четное количество комнат спа-грязи может быть истинным в силу того, что у нас есть

носитель истины (допустим, это мое ментальное состояние) и делателя истины (все комнаты спа-грязи на земле), которые соответствуют друг другу. Отношение соответствия возникает благодаря знанию, а не содержится в виде свойств внутри объектов или в космическом хранилище всех возможных соответствий. До того, как возникло это ментальное состояние, никакой гипотетической истины не было, потому что не было никакого соответствия.

Однако мы знаем, что в мире четное или нечетное количество комнат спа-грязи, так как комнаты спа-грязи считаются в натуральном ряду чисел. Если один человек считает, что в мире четное количество спа-грязи, а другой – что нечетное, то, кто-то оказывается прав и без знания. Так и есть. Это возможно потому, что возможно посчитать комнаты и сказать кто прав.

То есть, когда я говорю, что «истинно, что в мире четное количество комнат спа-грязи», это означает, что если мы построим цепочку референций от всех в мире комнат спа-грязи, то их число окажется четным. То есть понятие истины производно от понятия знания, хотя конечно мы можем ее мыслить независимо.

Знание истинно не благодаря совпадению, как в примере с четным количеством комнат, в которых хранится спа-грязь. У нас есть информация, которая совершает путь от объекта к субъекту. Таким образом, знание – это цепочка референций, на одном конце которой есть объект, а на другом субъект. Референции делают так, чтобы объект и субъект соответствовали друг другу. По пунктам это можно описать следующим образом.

3.4.3. Мягкий эмпиризм

S знает, что O если и только если:

1. существует цепочка из референций от O к S, которая
2. передает неизменную мобильность об O таким образом, что
3. S имеет M об O,
4. обеспечивает соответствие O и M (истину)

В этой формулировке S – это человек, который обладает знанием, M – это ментальное состояние субъекта об объекте, O – объект знания.

Это определение мне кажется уже близкой к каузальной теории Голдмана, где (1) напоминает каузальную связь. Остался заключительный штрих – проверить определение на проблему Геттиера.

Возьмем случай с часами. Мы посмотрели на сломанные часы в момент, когда стрелка часов показывала правильное время. Было ли с цепочкой референций что-то не так? Эта цепочка вела к истине. Если мы через минуту проверим время по другим часам – то мы по прежнему будем думать, что знали правильное время минуту назад.

Ответ, разрабатываемой теории, будет следующий. Время является универсальным стандартом, который обеспечивается через синхронизацию множества часов. Эта коллективная синхронизация и есть объект – «правильное время». Когда часы ломаются, то они прекращают передачу информации. Ее просто нет. Поэтому мы получаем верное время в силу случайности, а не благодаря цепочке из референций.

Следующий случай – монетка в кармане. Джон думает, что его коллега Смит получит новую работу, и он знает, что у него 10 монет в кармане. Из этого он делает заключение, что тот у кого 10 монеток в кармане, получит повышение. Повышают Джона. Однако он оказывается прав – у него тоже есть 10 монеток. Есть ли здесь цепочка из референций? Их целых две. Первая: монеты в кармане Смита (истина) – Смит получит повышение по словам начальника (истина) – Смит должен получить повышение (ложь) – (Джон получает повышение). Вторая: Джон получает повышение (истина) – у Джона в кармане 10 монет, хотя в момент формирования убеждения «тот, кто получит повышение, имеет 10 монет в кармане» он об этом не знает (неизвестная истина). Наглядно видно, что это две разные цепочки. Одна не следует из другой. Если бы Джон знал, что у него 10 монет, и сделал бы вывод, что его повысят, тогда бы существовала цепочка

референций от обладателя 10 монет до повышения, и не возникало бы проблемы Геттиера.

Перейдем к проблемному случаю – мысленному эксперименту про амбары. Благодаря не очень надежному методу, Генри приходит к выводу, что перед ним амбар. Ему повезло – рядом стоят ненастоящие амбары, и если бы он посмотрел на них с такого же расстояния, то ошибся бы. У нас есть цепочка референций, которая идет от амбара к Генри. Она производит истину. Но эта цепочка – ненадежная. Будет ли этот случай знанием?

Два возможных ответа. Если мы отвечаем, что Генри обладает знанием, тогда мы идем против интуиций значительного количества людей. Это не очень большая проблема, так как интуиции, даже если это интуиции большинства – не самый сильный аргумент в метафизике (я подобно разбирал этот вопрос в конце первой главы). Однако мне кажется, что Генри получил соответствие объекта и своего ментального состояния случайно, в силу удачи.

Если мы признаем, что Генри не обладает знанием, то необходимо дополнить существующую теорию новым определением.

Есть для дополнения и другое основание. В исследованиях науки заметную роль в производстве знания играют такие процедуры, как проверка и исправление. Во всех случаях Геттиера несложно придумать проверку, которая выявит подвох в ситуации. Если посмотреть на часы через пять минут, то станет ясно, что я не обладаю знанием. Когда Джон узнает, что повысили его, а не Смита, он придет к тому, что был неправ. Если Генри подойдет к соседнему амбару, то его мнение о том амбаре, который он принял за настоящий, изменится.

Если обобщить проверку и исправление в формальное условие, то получится условие надежности, или условие безопасности, или условие чувствительности. Какое из них выбрать и в какой формулировке?

Можно попытаться пойти по этому пути, связывая формальное условие с реальностью. Однако здесь я не вижу перспективы: все они уверенно ложатся на реальность. Если это был бы единственный критерий, то стоило бы выбрать самую лаконичную из формулировок. Однако они по разному справляются с контрпримерами. Можно подобрать наиболее сильного кандидата в отношении проблемы Геттиера и проблемы лотереи.

Эта формулировка мне не кажется принципиальной, поэтому при своем выборе я руководствовался лаконичностью и правдоподобностью в отношении того, как мы ведем себя в случаях, когда мы хотим испытать знание.

3.4.4. Релейабилитский эмпиризм

S знает, что O если и только если:

1. существует цепочка из референций от O к S, которая
2. передает неизменную мобильность об O таким образом, что:
3. S имеет M об O,
4. обеспечивает соответствие O и M (истину),
5. S не может легко ошибиться об O.

«Не может легко ошибиться» в терминах возможных миров означает «Во всех мирах, близлежащих к актуальному миру, S не ошибается».

В определении релейабилитского эмпиризма, перед нами разновидность теории, родственной релейабилитизму. По-настоящему уникальной эту теорию делает слияние простой версии надежности и передачи неизменных мобильностей. В релейабилитизме и схожих каузальных подходах, предполагалось, что если есть мобильность, то будут и каузальные связи, которые ее обеспечат. Применимо к этой теории, из (5) следует (2), поэтому (5) включает в себя (2). Но эмпирическая реальность устроена не так: сначала строится цепочка. Цепочка, которая должна сформировать M, будет проводить неизменную мобильность. Тогда у S возникнет M и уже можно проверять знание на (5).

Свидетельство верности этой схемы – то, как хорошо она эмпирически описывает различные случаи знания. Разрабатываемая теория лучше встраивается реальность, чем релейабиллизм и его аналоги. Вернемся в предпоследний раз к случаю с Эверестом. Как его описывать, если буквально следовать схеме релейабиллизма?

Релейабиллист вначале зафиксировывает пропозицию, которая истинна – «Эверест – самая высокая гора». Это является чьим-то знанием, потому что во всех близлежащих возможных мирах эти агенты с уверенностью придут к тому же выводу, если в этих мирах пропозиция о высоте Эвереста – истинна. Это обеспечивается положением дел и теми процедурами, которые гарантируют верность пропозиции.

Это релейабиллистское описание является верным. Однако оно гораздо более грубое, чем описание разрабатываемой теории в параграфе «анализ опыта». Из релейабиллизма не ясно, как достигается надежность и каким образом «доставляется» истина до субъекта. С такой теорией мы не получим более глубокого описания ситуации.

Другой недостаток – концентрация на «телепотрационном знании», в котором субъект и объект знания оказываются центральными элементами, тогда как в работе знания, во-первых, это конечный продукт производства знания, во-вторых, это только часть цепочки знания. Например, знание высоты Эвереста встроено в общую каузальную сеть отношений объектов, вроде известных процедур измерения высоты гор. Именно поэтому одна каузальная цепочка может производить для одного объекта миллионы и миллиарды знающих субъектов. Такое описание напрашивается в разрабатываемой теории, но требует дополнительных пояснений для релейабиллизма.

Такая разница существует потому, что ТЗЛ изначально создавалась на основании антропологических исследований. Она создавалась исходя из наиболее

экономного и правдоподобного описания реальности, которую наблюдает антрополог. Такие цели перед аналитическими теориями не ставились.

Именно в этом заключается преимущество ТЗЛ и разрабатываемой теории – она создана, чтобы описывать реальность, не ограничиваясь демаркацией знания и не-знания (решая при этом проблемы Геттиера, лотереи и скептицизма). Хорошая теория побеждает на основании более сильной абдукции. Абдуктивный аргумент основан на хорошей встраиваемости в реальность и элегантности, которые ведут к наилучшему объяснению (*inference to the best explanation*)³¹⁴. Такое объяснение может иметь разную оценку таких элементов абдукции, как экономность, эстетические и прагматические факторы, однако в данном случае эти дискуссии не влияют на мой тезис.

Осталось последнее уточнение, а именно, связь знания и истины. Вслед за Латуром я предполагаю, что истина – это цель знания. Эта цель достигается благодаря надежности цепочки референции. Поэтому правильно было бы еще глубже встроить отношение соответствия (5) в условие безопасности (4).

3.4.5. Радикальный аналитический эмпиризм

1. существует цепочка референций R от O к S, которая
2. передает неизменную мобильность об O таким образом, что
3. S имеет M об O
4. S не может легко ошибиться в M, и благодаря этому
5. R обеспечивает соответствие O и M (истину).

Из этой формулировки видно, что пункты (2)-(5) являются пояснением того, каким образом должна выглядеть цепочка референций (1).

Мотивация финальной формулировки проста: люди не могут получать истину саму по себе, без посредников, на основании делателя и носителя истины. M и O соответствуют друг другу благодаря надежности связи или, способности S

³¹⁴ Подробнее об абдукции см. *Lipton, P. Inference to the best explanation.*

различать O как M , а не как M' такой, что M будет отличаться от M' пропозиционально.

Пункт (4) отвечает за надежность знания. В случае, если эпистемологи договорятся о наилучшей формулировке условия надежности, то его можно будет адаптировать к рассмотренной формулировке. (4) отвечает за успешное прохождение проблемы Геттиера и, частично, за стратегию противостояния скептическим аргументам. Например, (4) можно сформулировать в инфаллябилистском ключе: « S не может ошибаться об O ». То есть не может ошибаться и локально (в наиболее близлежащих возможных мирах), и глобально (в несколько более отдаленных ситуациях). Такая формулировка хорошо работает с проблемой Геттиера, но, благодаря экстернализму, имеет способы уклонения от скептицизма. Так как это формулировка экстерналистского критерия надежности, хорошим решением будет воспользоваться аргументами экстернализма против скептицизма. Например, антискептическим аргументом Тимоти Уильямсона рассмотренном во 2 главе.

Отдельного внимания заслуживает случай с небоскребом из параграфа «Условия надежности» первой главы. Напомню, что в этом случае Моррис прибывает на вокзал Чикаго. Желая узнать, как добраться до Сирс-Тауэр, он останавливает случайного прохожего. Так выходит, что прохожий оказывается глубоким знатоком Чикаго и всевозможных маршрутов по этому городу. Знаток города сообщает Моррису оптимальный маршрут до небоскреба – Сирс-Тауэр находится в двух кварталах на восток от вокзала. Моррис формирует истинное убеждение с помощью показаний знатока городских маршрутов. Однако, знаток маршрутов ненавидит республиканцев. Если бы Моррис спросил знатока, как пройти до национального собрания республиканцев, то знаток бы его обманул. Интуиция некоторых эпистемологов (в том числе и моя) срабатывает в пользу того, что Моррис получает знание о Сирс-Тауэр, хотя ситуация не удовлетворяет условию безопасности. Решение Блум-Тилмана в этом примере состоит в том, что ненависть к республиканцам эпистемически нерелевантна для знания, так как в

данном случае не влияет на достижение истины. Если бы она влияла, то это не был бы близлежащий возможный мир³¹⁵. Однако, как мне кажется, знание Морриса и знатока города требуют разных критериев надежности. Если знаток города был вовлечен в производство знания, то его убеждения должны удовлетворять критериям надежности, тогда как знание Морриса является формой «подключения» к знанию, отличному от участия в нем производителей. Например, на многих страницах Википедии содержатся фактические ошибки. Это означает, что в близлежащих возможных мирах эти ошибки находятся в других местах, и Википедия не является достаточно надежной для того, чтобы быть источником знания. Но будет убедительным предположить, что если факт, попавший в Википедию – результат надежных цепочек информации, то чтение этого факта дает людям знание. Получается, что вопрос «подключения» к знанию заслуживает отдельного рассмотрения. Возможно, он должен соответствовать лишь каузальному критерию знания. Этот ход был бы очень уместен в случае с рассмотрением знания с позиций социальной эпистемологии и непоследовательным с позиции индивидуалистской эпистемологии. Так как Латура в этом различии следует рассматривать как социального эпистемолога, то его теория, в случае верности моего предположения, обладает дополнительным преимуществом в решении случаев Геттиера.

Вторую и третью стратегию противостояния скептицизму можно заимствовать у самого Латура. В его «модусах существования» разрабатывается псевдо-модус – двойной клик. Его смысл в том, чтобы создать впечатление, что мы стремимся обладать доступом к реальности самой по себе, не преобразованной и не претерпевшей многочисленных переводов, доступом к реальности, уподобленному двойному щелчку компьютерной мыши³¹⁶. Однако такого доступа к реальности, по мнению Латура, у нас нет. Таким образом, критикуемый Латуром реализм, под которым он имеет ввиду взгляд, согласно которому, существует

³¹⁵ *Blome-Tillmann, M.* Non-reductive safety. P. 33.

³¹⁶ *Latour, B.* An inquiry into modes of existence. P. 93.

независимая от нашего разума реальности, которую мы можем познавать, несовместим его взглядами. Отказ от такого реализма не предполагает, что наш доступ к миру перестает быть надежным. Однако этот отказ сокращает возможности скептицизма.

Еще одна причина успешности скептицизма связана с тем, что модус знания нарушает границы своей применимости и используется там, где нет корреспондентной теории истины³¹⁷ (которая, напомню, практически применима только внутри модуса знания). Поэтому иногда, когда скептик сомневается в наличии знания, он в каком-то смысле прав, так как строго говоря, многие вещи мы не знаем в том же смысле, в каком мы знаем научные факты или данные нашего восприятия. Однако эта стратегия по-настоящему убедительна в рамках плюралистических теорий истины, на настоящий момент не популярных у аналитических философов.

Таким образом, совмещение трех стратегий – антискептических аргументов экстернализма, отказа от определенных версий реализма и ограничения модуса знания в границах своей применимости, оставляет меньше места для скептических аргументов.

Заключение к третьей главе

В третьей главе было показано, что теория знания Латура изначально включена в большой метафизический проект «модусов существования» – несводимых друг другу способов производства истины, где знание – один из четырнадцати модусов существования. Затем было продемонстрировано, что модусы характеризуются по четырем параметрам: 1) траектория, по которой циркулирует производимая модусом сущность, 2) условие удовлетворения, 3) требование, которому должна соответствовать производимая модусом сущность, 4) способ, которым модус производит составляющие его сущности. В случае со

³¹⁷ *Latour, B. An inquiry into modes of existence. P. 94.*

знанием – это 1) цепочка из референций, которая переносит «неизменные мобильности», цель которых – 2) произведение отношения соответствия между субъектом и объектом знания (истины), 3) производство в результате неизменного и исправленного знания. Этот модус 4) расширяется за счет достижения новых сущностей через движение неизменных мобильностей. Главный вывод третьей главы – ТЗЛ имеет достаточно оснований считаться состоятельной теорией знания в рамках аналитической эпистемологии: она описывает коллективный характер знания, имеет высокий эвристический потенциал, совместима с антискептическими и антигеттиеровскими стратегиями экстернализма. Было доказано, что ТЗЛ имплицитно занимает позиции в самых важных дискуссиях о знании в аналитической философии. В настоящей работе она идентифицирована как пуристский инвариантистский антискептический нередуктивный экстернализм. При этом, были предложены потенциальные возражения к теории Латура: она пользуется не интуитивно знакомыми понятиями, не раскрывает природу знания, выглядит как теория, которая занимается не тем знанием, которым занимаются аналитические эпистемологи, существует в связке со специфической теорией истины, не до конца ясна, выведена посредством специфической философской методологии. Было обосновано, что рассматриваемая теория справляется с этими возражениями.

На основе теории знания Латура было предложено несколько формулировок теорий знания в терминах необходимых и достаточных условий. Согласно наиболее предпочтительной формулировке, знание – это цепочка референций от объекта к субъекту, которая передает неизменную мобильность об объекте таким образом, что субъект имеет ментальное состояние об объекте, по поводу которого он не может легко ошибиться, и благодаря этому обеспечивает соответствие объекта и ментального состояния. Было продемонстрировано, что благодаря коллективному характеру знания, у этой формулировки есть перспективные способы работы со «случаем небоскреба». В завершении главы было обосновано, что формулировка устойчива к случаям Геттиера и имеет большие ресурсы для противостояния скептицизму.

Заключение

Данное диссертационное исследование имело целью рассмотреть перспективность теории знания Б. Латура в контексте проблематики знания в аналитической эпистемологии. На основании проделанной работы следует заключить, что теория знания Бурно Латура является перспективной теорией знания, которая имеет ряд преимуществ по сравнению с теориями знания в аналитической эпистемологии.

Для того чтобы оценить перспективность теории знания Латура, в первой и второй главе нам потребовалось рассмотреть контекст, то есть дискуссии о знании в аналитической эпистемологии. В первой главе были рассмотрены основные проблемы, встающие перед теориями анализа знания: скептицизм, проблема Геттиера и проблема лотереи. В качестве основы пост-геттиеровской дискуссии были описаны редуктивные (многокомпонентные) теории знания, которые состоят из истинного убеждения и дополнительных условий X. Были выявлены конвенции, которых придерживаются сторонники редуктивных теорий знания. Затем были рассмотрены наиболее известные редуктивные теории с особым вниманием к семейству релайабилитских теорий как к одному из наиболее влиятельных взглядов в современной эпистемологии. Релайабилитские теории утверждают, что знание – это истинное убеждение, полученное надежным способом. Под надежным убеждением в самом общем виде понимается, что это такое убеждение, по поводу которого агент не может легко ошибаться. Было показано, что все фаллабилитские редуктивные теории уязвимы к проблеме Геттиера. В конце главы был предложен тезис о том, что теория знания, имеющая проработанный нормативный аспект, будет обладать преимуществом, в сравнении с нормативно нейтральными теориями. Это обуславливает необходимость условия надежности для знания, так как именно этот критерий позволяет избегать такие эпистемические проблемы, как ошибку подтверждения и принятие желаемого за действительное.

Во второй главе мною были рассмотрены три отхода от стандартного анализа знания – контекстуализм, импуризм и программа «сначала знание» – с целью

определения их возможностей и ограничений в решении указанных в первой главе проблем. Первые две теории являются не теориями знания, а дополнением к другим теориям знания, которое призвано решить проблему атрибуции знания (проблему Стюарта). Контекстуализм также нацелен на преодоление проблемы скептицизма. Было показано более экономное решение проблемы приписывания знания – в знание не входит знание второго порядка («я знаю, что я знаю») как необходимое условие – в противном случае неизбежно попадание в бесконечный регресс. Именно потому что знание часто не обладает знанием второго порядка, агент может знать некоторое положение дел, но не знать, что он знает. Контекстуализм, согласно позиции, развиваемой в данной работе, выглядит как уступка скептицизму, так как позволяет утверждать во многих контекстах, что агенты ничего не знают, но ведь именно этот взгляд отстаивают современные скептики. Было рассмотрена влиятельная теория «Сначала знание», которая утверждает, что знание – это фактивное ментальное состояние. Оно является более фундаментальным понятием, чем другие эпистемические состояния, в том числе и убеждение. Поэтому знание должно объяснять другие познавательные категории, а не наоборот, как это было принято в случае с убеждением.

Идея того, что знание может объяснять другие эпистемические категории, оказалась наиболее уязвимой для критики. Широко признанного анализа эпистемических категорий через редукцию к знанию или через отношение конституирования пока предложено не было. С другой стороны, тезис о том, что знание – это всего лишь ментальное состояние, гораздо труднее поддается критике.

Затрудненный эпистемический доступ к знанию защищается аргументом антисветимости. Расширение знания за пределы тела агента обосновывается экстернализмом в ментальных состояниях – ментальные состояния не ограничены состояниями «внутри» агента, а включают в себя внешний по отношению к носителю знания мир. В адрес эпистемологии «сначала знание» в исследовании было выдвинуто возражение, что знание включает в себя гораздо более сложную сеть взаимодействий, чем позволяет самый инклюзивный экстернализм, который,

тем не менее, раскрывает природу знания через когнитивные способности агентов. Так, понятием ментальных состояний контринтуитивно описывать многочисленные переводы, исправления, уточнения, которые скорее описываются в терминах каузальных взаимодействий и могут быть недоступны разуму. Таким образом возможности и границы решения проблем, обнаруженных и в альтернативных стандартным теориях знания аналитической эпистемологии, дополнительно обуславливают внимание к теории знания Б. Латура.

В третьей главе была рассмотрена теория знания философа Бруно Латура, которая на настоящий момент не известна в среде аналитических эпистемологов, хотя имеет потенциал для решения рассмотренных в первых двух главах проблем. Был описан контекст, в котором возникла рассматриваемая теория, изначально включенная в большой метафизический проект «модусов существования» – несводимых друг другу способов производства истины, где знание – один из четырнадцати модусов. Модусы характеризуются четырьмя параметрами. В случае со знанием – это 1) цепочка из референций, которая переносит «неизменные мобильности», 2) цель которой – произвести отношение соответствия между субъектом и объектом знания (истину), 3) которая результате производит неизменное и исправленное знание. Этот модус 4) расширяется за счет достижения новых сущностей через движение неизменных мобильностей. Затем на примерах была продемонстрирована плодотворность описаний, которые дает теория знания Латура в сравнении с другими теориями. Далее было показано, что теория Латура нарушает ряд конвенций в стандартном анализе знания, и что это влечет за собой некоторые проблемы. Наиболее важные из них – существенное внимание к процессу производства знания для понимания его природы, а также ограничение применимости корреспондентной теории истины в рамках плюралистической теории истины. Чтобы встроить теорию Латура в дискуссию в аналитической эпистемологии и сопоставить ее с другими теориями знания, были применены различия этой дискуссии. В результате проделанной работы было установлено, что теория Латура является инвариантистским антискептическим пуристским экстернализмом. Было показано, что теория Латура уязвима для ряда

потенциальных возражений. Она пользуется не интуитивно знакомыми понятиями, не раскрывает природу знания, выглядит как теория, которая занимается не тем знанием, которым занимаются эпистемологи, существует в связке с уникальной теорией истины, выведена из специфической метафизики. Было продемонстрировано, что рассматриваемая теория справляется с этими возражениями. В заключительной части главы была предложена разработка возможных формулировок теории знания Латура в терминах необходимых и достаточных условий. Было продемонстрировано, как рассматриваемая теория может справиться с проблемой Геттиера и скептицизма.

Выводы настоящей работы отражены в положениях, выносимых на защиту, и отвечают на поставленную цель. Теория знания Бруно Латура интегрируется в дискуссию о знании в аналитической эпистемологии и обладает рядом существенных преимуществ.

Перспектива данного исследования содержательно состоит в проработке других концептуальных связей между теорией знания Латура и других теорий знания, а также некоторых дискуссий в аналитической метафизике, предложение других теорий знания на основе теории знания Латура. Формально к перспективам следует отнести презентацию и обсуждение положений диссертации с международным сообществом, проработку и критику версии корреспондентной теории истины в работах Латура.

Результаты настоящего диссертационного исследования могут быть использованы в разработке курсов по общей философии, эпистемологии и философии Бруно Латура.

Список литературы

- Антоновский А.Ю.* К проблеме интерсубъективности понимания и атрибуции знания. // Язык, знание, реальность. Сборник работ в честь 70-летия А.Л. Никифорова. Москва: Альфа-М. 2011.
- Антоновский А. Ю.* О различии истины и знания (или о том, где в знании коренится социальность) // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2008. – №4. – Т.18.
- Блинов А.Л., Ладов В.А., и др.* Аналитическая философия. Москва: Издательство РУДН, 2006. 695 с.
- Борисов Е.В.* Знание о незнании в эпистемических апориях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. – №. 52. – С. 15-22.
- Бутаков П.А.* Платон, эвиденциализм и ЖТВ // *Schole*. 2018. – Т. 12. – № 2. – С. 669–685.
- Гагинский А.М.* Критерий, знание, истина // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2013. – №3.
- Грифцова И.Н. Козлова Н.Ю.* Идеи философии языка Р. Карнапа в контексте концептуальной инженерии // *Эпистемология и философия науки*. 2024. – Т. 61. – № 1. – С. 122–133.
- Декарт, Р.* Сочинения в двух томах. Том II. Москва: Мысль, 1994. 633 с.
- Демин Т.С.* Бруно Латур и аналитическая эпистемология // *Социология власти*. 2019. – Т. 31. – №. 2. – С. 116-135.
- Демин Т. С.* В защиту условия надежности: знание как основание для действий, ошибка подтверждения и принятие желаемого за действительное // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. – №. 74. – С. 5-16.
- Демин Т.С.* Проблема Геттиера: что делать с головоломкой аналитической эпистемологии? // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2019. – Т. 56. – №. 3. – С. 58-75.
- Демин Т. С., Фролов К.Г.* Знание-что, знание-как, сознание и искусственный интеллект // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2023. – Т. 8. – №. 1. – С. 102-108.
- Демин Т.С., Фролов К.Г.* Машины и человеческая эпистемология // *Дискурс* – 2022. – Т. 8. – № 2. – С. 17-27.

Джохадзе, И.Д. Дефляционистское понимание истины и проблемы обоснования знания в неопрагматизме // *Философская мысль*. 2019. – №4. С. 24-35.

Джохадзе, И.Д. Между «Знанием как» и «Знанием что»: Брэндом о семантическом прагматизме // *Философский журнал*. 2012. – Т. 9. – №2 . С. 152-157.

Залевская А.А. Абдукция как поиск нового знания // *Понимание и рефлексия в коммуникации, культуре и образовании*. – 2018. – С. 85-92.

Каримов А.Р. Эпистемология добродетелей. СПб: Алетейя, 2019. 428 с.

Касавин И.Т. Социальная философия науки и коллективная эпистемология. Москва: Весь Мир, 2016. 262 с.

Касавин И.Т. Что значит знать? Вот, друг мой, в чем вопрос // *Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии*. 2018. С. 37–42.

Касавин И.Т. Что недостаточно знать о знании // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2009. – Т. 21. – №3.

Козырева О.А. Аргумент антисветимости Т. Уильямсона и проблема знания о себе // *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*. 2021. – Т. 27. – №. 3. – С. 60-72.

Козырева О. А. Новая эпистемология: обзор книги Т. Уильямсона «Knowledge and Its Limits» // *Философия науки*. – 2021. – №. 1. – С. 127-134.

Куслий П.С. Знание, проблема Геттиера и некоторые дискуссии в современной отечественной эпистемологии // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2011. – Т. 14. – № 2. С. 34-54.

Лакофф, Д. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.

Ламберов Л.Д. Как важно быть серьезным: о некоторых критиках Геттьера // *Эпистемология и философия науки*. 2010. – Т. 26. – № 4. – С. 84-90.

Латур, Б. Пересборка социального. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.

Латур, Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Латур, Б. Пастер: Война и мир микробов. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 316 с.

Латур, Б. Биография одного исследования: к работе о модусах существования //

Философско-литературный журнал «Логос». 2017. – Т. 27. – № 1.

Лекторский В.А. О проблеме знания // Epistemology & Philosophy of Science. 2009. – №3.

Лекторский В.А. Что есть знание? // Знание как предмет эпистемологии / под ред. В.А. Лекторского. Москва: ИФ РАН, 2011. 223 с.

Локк, Д. Опыт о человеческом разумении. Москва: DirectMEDIA, 1985. 864 с.

Мур, Д.Э. Доказательство внешнего мира // Аналитическая философия: избранные тексты. Москва: Издательство МГУ, 1993. С. 66–83.

Невельская-Гордеева Е.П. Абдукция как логический метод поиска истины // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. 2014. – Т. 27. – №. 3. – С. 418-423.

Нехаев А.В. Место и роль мнения в структурах объяснения и референции // НОМОТНЕТІКА: Философия. Социология. Право. 2010. – Т. 85. – №14. – С. 270-278.

Никифоров А. Л. Что такое знание? Поиски определения // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2018. С. 7–20.

Никифоров А. Л. Анализ понятия "знание": подходы и проблемы // Эпистемология и философия науки. 2009. – Т. 21. – № 3. – С. 61-73.

Ольховиков Г.К. Знание как истинное и обоснованное мнение: как обезвредить контрпримеры // Логос. 2009. – № 2. – С. 44–53.

Петровская Е.В. “Brainy is the new sexy”: Шерлок Холмс, абдукция и нейросети // Философский журнал. 2019. – Т. 12. – №. 1. – С. 74-89.

Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход. Москва: Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.

Прись И.Е. Реализм и сначала знание. Интервью с Тимоти Уильямсоном // Сибирский философский журнал. 2022. – Т. 19. – №. 3. – С. 175–204.

Прись И.Е. Эпистемология Эрнеста Созы и другие теории знания // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2017. – №. 1. – С. 36–44.

Прись И.Е. Знание как наиболее общее фактивное ментальное состояние // Философская мысль. 2017. – №. 6. – С. 29–35.

Прись И.Е. Знание как истинное обоснованное мнение и случаи Геттиера //

Философская мысль. 2018. – №. 6. – С. 41–52;

Прись И.Е. О двух формулировках условия безопасности и эпистемическом риске // Диалог. 2020. Т. 15. – №. 1. – С. 8–18.

Рогонян Г. Декарт и равнодушный Обманщик // Философско-литературный журнал «Логос». 2014. Т. 98. – №2. – С. 15-42.

Филатов В.П. Мысленные эксперименты и априорное познание // Epistemology & Philosophy of Science. 2016. – Т. 49. – №3.

Фролов К.Г. О нюансах перевода и цитирования в контексте проблемы Геттиера // Вопросы философии. 2013. – № 11. – С. 168–173.

Хорт М. Г. Контекстуализм: ставки и прагматическое вторжение // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2020. – №. 4. – С. 161-168.

Целищев В.В. Аномалии знания: идеи и люди / В.В. Целищев. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2021. – 336 с.

Черняк А.З. Знание и удача // Эпистемология и философия науки. 2020. – Т. 57. – № 2. – С. 61–78.

Шрамко Я. Некоторые проблемы аналитической эпистемологии // Логос. 2006. – № 1. – С. 3–25.

Эдмондс, Д. Убили бы вы толстяка? Москва: Издательство Института Гайдара, 2016. 256 с.

Эстбю, Х., Эстбю, И. Это мой конек: Наука запоминания и забывания. Москва: Альпина Нон-Фикшн, 2020. 318 с.

Юм, Д. Исследование о человеческом разумении / под ред. С. Церетели. Москва: Рипол Классик, 2020. 322 с.

Alexander, J., Weinberg, J.M. The "Unreliability" of Epistemic Intuitions // Current controversies in experimental philosophy. Routledge. 2014. P. 128–145.

Bastardi, A., Uhlmann, E.L., Ross, L. Wishful thinking: Belief, desire, and the motivated evaluation of scientific evidence // Psychological science. 2011. Vol. 22. No. 6. P. 731.

Bishop, M.A. Why the generality problem is everybody's problem // Philosophical Studies. 2010. Vol. 151. P. 285–298.

Blome-Tillmann, M. Contextualism, Subject-Sensitive Invariantism, and the Interaction of 'Knowledge'-Ascriptions with Modal and Temporal Operators // Philosophy and Phenomenological Research. 2009. Vol. 79. No. 2. P. 315–331.

Blome-Tillmann, M. Non-reductive safety // *Belgrade Philosophical Annual*. 2020 No. 33. P. 25–38.

BonJour, L. Externalist theories of empirical knowledge // *Midwest studies in philosophy*. 1980. Vol. 5. P. 53–73.

Bourget, D., Chalmers, D.J. What do philosophers believe? // *Philosophical studies*. 2014. Vol. 170. No. 3. P. 465–500.

Boyd, K., Nagel, J. The reliability of epistemic intuitions // *Current controversies in experimental philosophy*. Routledge, 2014. P. 109–127.

Brendel, E. Intuition pumps and the proper use of thought experiments // *Dialectica*. 2004. Vol. 58. No. 1. P. 89–108.

Brown, J.R. *The laboratory of the mind: Thought experiments in the natural sciences* Routledge, 2011. 177 p.

Brown, J.R., Fehige, Y. Thought Experiments // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / Ed. by E.N. Zalta, U. Nodelman Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2022.

Brown, J., Gerken, M. *Knowledge ascriptions*. Oxford University Press, 2012. 318 p.

Callon, M., Law, J. After the individual in society: Lessons on collectivity from science, technology and society // *Canadian Journal of Sociology/Cahiers canadiens de sociologie*. 1997. P. 165–182.

Carnap, R. *Logical foundations of probability*. Vol. 2. Chicago: The University of Chicago Press, 1962. 365 p.

Cassam, Q. What is Knowledge? // *Royal Institute of Philosophy Supplements*. 2009. Vol. 64. P. 101–120.

Chalmers D.J., Bourget. D. Philosophers on Philosophy: The 2020 PhilPapers Survey // *Philosophers Imprint*. 2023. Vol. 23. No 1.

Chalmers, D.J. The matrix as metaphysics // *Philosophers Explore the Matrix* / Ed. by C. Grau Oxford University Press, 2005. P. 132.

Chalmers, D.J. Revisability and Conceptual Change in "Two Dogmas of Empiricism" // *The Journal of Philosophy*. 2011. Vol. 108. No. 8. P. 387–415.

Chalmers, D.J. What is conceptual engineering and what should it be? // *Inquiry*. 2020. P. 1–18.

Chisholm, R. M. *Perceiving: A Philosophical Study* // *Philosophical Quarterly*. 1957. Vol. 9. No. 37. P. 366–373.

- Chisholm, R. M.* Theory of knowledge. 1 ed. Prentice-Hall Englewood Cliffs, NJ, 1964a.
- Chisholm, R. M.* Theory of knowledge. 2 ed. Prentice-Hall Englewood Cliffs, NJ, 1989b.
- Clark, M.* Knowledge and grounds: A comment on Mr. Gettier's paper // *Analysis*. 1963. Vol. 24. No. 2. P. 46–48.
- Cohen, S.* How to be a Fallibilist // *Philosophical perspectives*. 1988. Vol. 2. P. 91–123.
- Cohen, S.* Contextualism, skepticism, and the structure of reasons // *Philosophical Perspectives*. 1999. Vol. 13. No. 13. P. 57–89.
- Colaço, D., Buckwalter, Wesley, et al.* Epistemic intuitions in fake-barn thought experiments // *Episteme*. 2014. Vol. 11. No. 2. P. 199–212.
- David, M.* Truth as the epistemic goal // *Knowledge, truth, and duty*. 2001. P. 151–169.
- DeRose, K.* Solving the skeptical problem // *The philosophical review*. 1995. Vol. 104. No. 1. P. 1–52.
- DeRose, K.* The case for contextualism: Knowledge, skepticism, and context, vol. 1. Oxford University Press, 2009. 288 p.
- DeRose, K.* Contextualism and Fallibilism // *The Routledge Handbook of Epistemic Contextualism* Routledge, 2017. P. 145–155.
- Dodd, D.* Why Williamson should be a sceptic // *The Philosophical Quarterly*. 2007. Vol. 57. No. 229. P. 635–649.
- Dretske, F.* Knowledge and the Flow of Information. MIT Press, 1981. 288 p.
- Dreyfus, G., Cortés, G.* Recognizing reality: Dharmakirti's philosophy and its Tibetan interpretations. Suny Press, 1997. 622 p.
- Dutant, J.* The Legend of the Justified True Belief Analysis // *Philosophical Perspectives*. 2015. Vol. 29. No. 1. P. 95–145.
- Feldman, R., Conee, E.* The generality problem for reliabilism // *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. 1998. Vol. 89. No. 1. P. 1–29.
- Fuller, S.* The knowledge book: Key concepts in philosophy, science and culture Routledge, 2014. 256 p.
- Fuller, S.* Knowledge: the philosophical quest in history Routledge, 2015. 312 p.
- Fuller, S., Collier, J.* Philosophy, rhetoric, and the end of knowledge: a new beginning

for science and technology studies Routledge, 2003. 402 p.

Gerken, M. Against knowledge-first epistemology // Knowledge-first approaches in epistemology and mind. 2017. P. 46–71.

Gettier, E. Is justified true belief knowledge? // analysis. 1963. Vol. 23. No. 6. P. 121–123.

Goldman, A. Williamson on knowledge and evidence // Williamson on knowledge. 2009. P. 73–91.

Goldman, A. A causal theory of knowing // The journal of Philosophy. 1967. Vol. 64. No. 12. P. 357–372.

Goldman, A. Discrimination and perceptual knowledge // The Journal of philosophy. 1976. Vol. 73. No. 20. P. 771–791.

Goldman, A. What is justified belief? // Justification and knowledge: New studies in epistemology Springer, 1979. P. 1–23.

Goldman, A. Epistemology and cognition Harvard University Press, 1986.

Goldman, A. Epistemic folkways and scientific epistemology // Philosophical Issues. 1993. Vol. 3. P. 271–285.

Goldman, A. Naturalistic epistemology and reliabilism // Midwest studies in philosophy. 1994. Vol. 19. P. 301–320.

Goldman, A., O'Connor, C. Social Epistemology // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Ed. by E.N. Zalta Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2021.

Greco, J. Knowledge as Credit for True Belief // Intellectual Virtue: Perspectives from Ethics and Epistemology / Ed. by L. Zagzebski, M. DePaul. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Greco, J. Achieving knowledge: A virtue-theoretic account of epistemic normativity Cambridge University Press, 2010. 205 p.

Greco, J. Contextualism and Gettier cases // The Routledge handbook of epistemic contextualism Routledge, 2017. P. 190–201.

Hawthorne, J. Knowledge and lotteries. New York: Oxford University Press, 2004. 205 p.

Holliday, W.H. Fallibilism and multiple paths to knowledge // Oxford studies in epistemology. 2015. Vol. 5. P. 97–144.

Horvath, J., Wiegmann, A. Intuitive expertise and intuitions about knowledge // Philosophical Studies. 2016. Vol. 173. P. 2701–2726.

- Ichikawa, J.J.* Basic Knowledge First // *Episteme*. 2017. Vol. 14. No. 3. P. 343–361.
- Ichikawa, J.J., Jenkins, C.S.I.* On Putting Knowledge ‘First’ // *Knowledge First: Approaches in Epistemology and Mind*. 2017. P. 113.
- Ichikawa, J.J., Steup, M.* The Analysis of Knowledge // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / Ed. by E.N. Zalta Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2018.
- Inwagen, P. van.* Materialism and the psychological-continuity account of personal identity // *Philosophical Perspectives*. Vol. 11. P. 305–319.
- Jackson, F.* From metaphysics to ethics: A defence of conceptual analysis Oxford University Press, 1998. 188 p.
- Kahneman, D.* Thinking, fast and slow. Macmillan, 2011. 499 p.
- Kelp, C.* Knowledge first virtue epistemology // *Knowledge first: Approaches in epistemology and mind* / Ed. by J.A. Carter, E.C. Gordon, et al. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 223–245.
- Kochan, J.* Putting a spin on circulating reference, or how to rediscover the scientific subject // *Studies in History and Philosophy of Science Part A*. 2015. Vol. 49. P. 103–107.
- Kochhar, R.* Did Radhanath Sikdar Measure the Height of Mount Everest First? *The Wire Science*, 2001. URL: <https://science.thewire.in/society/history/radhanath-sikdar-measure-height-mount-everest-first/>
- Kornblith, H.* Knowledge and its Place in Nature. Oxford University Press, 2002. 200 p.
- Kornblith, H.* Second Thoughts and the Epistemological Enterprise. Cambridge University Press, 2019. 266 p.
- Köszegi, B.* Ego utility, overconfidence, and task choice // *Journal of the European Economic Association*. 2006. Vol. 4. No. 4. P. 673–707.
- Latour, B.* Science in action: How to follow scientists and engineers through society. Harvard university press, 1987. 288 p.
- Latour, B.* The pasteurization of France. Harvard University Press, 1993. 292 p.
- Latour, B.* Pandora’s hope: essays on the reality of science studies Harvard University Press, 1999. 336 p.
- Latour, B.* A Textbook Case Revisited. Knowledge as mode of existence // *The Handbook of Science and Technology Studies* / Ed. by E.J. Hackett, M. Lynch, et al. MIT Press, 2007.
- Latour, B.* An inquiry into modes of existence. Harvard University Press, 2013. 520 p.

- Latour, B., Woolgar, S.* Laboratory life: The construction of scientific facts. Princeton University Press, 2013. 281 p.
- Lehrer, K.* Theory of knowledge Westview Press, 1990. 212 p.
- Le Morvan P.* Knowledge before Gettier // British Journal for the History of Philosophy. 2017. Vol. 25. No. 6. P. 1216-1238.
- Lewis, D.* Elusive knowledge // Australasian journal of Philosophy. 1996. Vol. 74. No. 4. P. 549–567.
- Lipton, P.* Inference to the best explanation. London: Routledge, 2004. 232 p.
- Littlejohn, C.* From E= K to scepticism? // The Philosophical Quarterly. 2008. Vol. 58. No. 233. P. 679–684.
- Littlejohn, C.* How and why knowledge is first // Knowledge First: Approaches in Epistemology and Mind / Ed. by A. Carter, E. Gordon, et al Oxford University Press, 2017. P. 19–44.
- Ludlow, P.* Contextualism and the new linguistic turn in epistemology // Contextualism in philosophy. 2005. P. 11–50.
- Mayraz, G.* Wishful thinking // Behavioral & Experimental Economics eJournal. 2011.
- McGlynn, A.* Knowledge First? London: Palgrave Macmillian, 2014. 227 p.
- Mijović-Prelec, D., Prelec, D.* Self-deception as self-signalling: a model and experimental evidence // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 2010. Vol. 365. No. 1538. P. 227–240.
- Miller, A.S.* Speculative grace: Bruno Latour and object-oriented theology Fordham University Press, 2013. 160 p.
- Miller, A.* Realism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Ed. by E.N. Zalta Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2021.
- Millikan, R.G.* White queen psychology and other essays for Alice. MIT Press, 1995. 400 p.
- Miracchi, L.* Knowledge is all you need // Philosophical Issues. 2015. Vol. 25. No. 1. P. 353–378.
- Miracchi, L.* Competence to know // Philosophical Studies. 2015. Vol. 172. No. 1. P. 29–56.
- Moore, G.E.* 1902. “Truth and Falsity.” // Dictionary of Philosophy and Psychology. Reprinted in his Selected Writings, edited by T. Baldwin. 1901. P. 20–22.

Nagel, J. 10. Knowledge as a mental state // Oxford studies in epistemology. 2013. Vol. 4. P. 273.

Nagel, J. Knowledge: A very short introduction. Oxford University Press, 2014. 152 p.

Nagel, J. Knowledge and reliability // Goldman and His Critics Wiley Online Library, 2016. P. 235–258.

Nozick, R. Philosophical explanations. Harvard University Press, 1981. 784 p.

Olsson, E.J. Gettier and the method of explication: a 60 year old solution to a 50 year old problem // Philosophical Studies. 2015. Vol. 172. No. 1. P. 57–72.

Pavese, C. Knowledge How. The Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2021. Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.), URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2022/entries/knowledge-how/>

Plantinga, A. Warrant and proper function. Oxford University Press, 1993. 256 p.

Pritchard, D.H. There cannot be lucky knowledge // Contemporary debates in epistemology. Vol. 2 / Ed. by M. Steup, J. Turri, et al. Malden, Massachusetts: Wiley-Blackwell, 2013. P. 152–164.

Pritchard, D. Sensitivity, safety, and anti-luck epistemology // The Oxford handbook of skepticism. 2008. P. 437–455.

Pritchard, D. The Analysis of Knowledge // Knowledge in Contemporary Philosophy. Vol. 4 / Ed. by S. Hetherington, M. Valaris Bloomsbury Publishing, 2021. P. 215–230.

Putnam, H. Reason, truth and history. Cambridge University Press, 1981. 222 p.

Rabinowitz, D. The safety condition for knowledge // Internet Encyclopedia of Philosophy. 2011.

Reed, B. Fallibilism // Philosophy Compass. 2012. Vol. 7. No. 9. P. 585–596.

Reichenbach, H. Experience and prediction: An analysis of the foundations and the structure of knowledge. University of Chicago Press, 1938. 424 p.

Russell, B. Human Knowledge, Its Scope and Limits // Mind. 1949. Vol. 58. No. 231. P. 369–378.

Ryle, G. The concept of mind. Vol. 271. London and New York: Routledge, 2009. 314 p.

Rysiew, P. The context-sensitivity of knowledge attributions // Noûs. 2001. Vol. 35. No. 4. P. 477–514.

Sheehy, B. Methodologies of Travel: William James and the Ambulatory Pragmatism

of Bruno Latour // *The Journal of Speculative Philosophy*. 2019. Vol. 33. No. 4. P. 571–589.

Shope, R. *The Analysis of Knowing: A Decade of Research*. New Jersey: Princeton University Press, 1983. 255 p.

Sosa, E. How to defeat opposition to Moore // *Philosophical perspectives*. 1999. Vol. 13. P. 141–153.

Sosa, E. *A virtue epistemology: Apt belief and reflective knowledge, volume I*. Vol. 1 OUP Oxford, 2007. 176 p.

Stanley, J. *Knowledge and practical interests*. Clarendon Press, 2007. 204 p.

Starmans, C., Friedman, O. The folk conception of knowledge // *Cognition*. 2012. Vol. 124. No. 3. P. 272–283.

Steup, M., Neta, R. Epistemology // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / Ed. by E.N. Zalta Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2020.

Taleb, N. *The black swan: The impact of the highly improbable*. Random house, 2007. 366 p.

Turri, J. Linguistic intuitions in context: a defense of nonskeptical pure invariantism // *Intuitions* / Ed. by A. Booth, D. Rowbottom. Oxford University Press, 2013.

Turri, J. A new paradigm for epistemology: from reliabilism to abilism // *Ergo*. 2016. Vol. 3. No. 8. P. 189–231.

Turri, J. Knowledge and assertion in “Gettier” cases // *Philosophical psychology*. 2016. Vol. 29. No. 5. P. 759–775.

Turri, J. Vision, knowledge, and assertion // *Consciousness and cognition*. 2016. Vol. 41. P. 41–49.

Turri, J. Knowledge attributions in iterated fake barn cases // *Analysis*. 2017. Vol. 77. No. 1. P. 104–115.

Tversky, A., Kahneman, D. Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases: Biases in judgments reveal some heuristics of thinking under uncertainty. // *science*. 1974. Vol. 185. No. 4157. P. 1124–1131.

Vendler, Z. *Res cogitans*. Cornell University Press, 1972. 225 p.

Vogt, K. Ancient Skepticism // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / Ed. by E.N. Zalta Metaphysics Research Lab, Stanford University.

Walker, J.T. The Trigonometrical Survey of India // *Journal of Asiatic Society of Bengal*. 1862. Vol. 31. P. 32–48.

Weinberg, J.M., Gonnerman, C., et al. Are philosophers expert intuiters? // *Philosophical Psychology*. 2010. Vol. 23. No. 3. P. 331–355.

Weinberg, J.M., Nichols, S., Stich, S. Normativity and epistemic intuitions // *Philosophical topics*. 2001. Vol. 29. No. 1/2. P. 429–460.

Williams, J.N., Sinhababu, N. The backward clock, truth-tracking, and safety // *The Journal of Philosophy*. 2015. Vol. 112. No. 1. P. 46–55.

Williamson, T. *Knowledge and its Limits*. New York: Oxford University Press, 2002. 340 p.

Williamson, T. Contextualism, subject-sensitive invariantism and knowledge of knowledge // *The Philosophical Quarterly*. 2005. Vol. 55. No. 219. P. 213–235.

Williamson, T. *Philosophical Method: A Very Short Introduction*. Oxford University Press, 2020.

Williamson, T. Probability and danger // *The Amherst Lecture in Philosophy*. 2009 No. 4. P. 1–35.

Williamson, T. Replies to critics // *Williamson on Knowledge* / Ed. by D. Pritchard, P. Greenough Oxford University Press, 2009. P. 279–384.

Williamson, T. Knowing by imagining // *Knowledge through imagination*. 2016. P. 113–23.

Williamson, T. Philosophical criticisms of experimental philosophy // *A companion to experimental philosophy* / Ed. by J. Sytsma, W. Buckwalter Wiley Blackwell Oxford, 2016. P. 22–36.

Williamson, T., Stanley, J. Knowing how // *The Journal of Philosophy*. 2001. Vol. 98. No. 8. P. 411–444.

Wittgenstein, L. *Philosophical investigations*. Blackwell Publishing, 1986. 172 p.

Zagzebski, L. The inescapability of Gettier problems // *The Philosophical Quarterly* (1950-). 1994. Vol. 44. No. 174. P. 65–73.

Zagzebski, L. *On Epistemology*. Belmont: Wadsworth, 2009. 161 p.